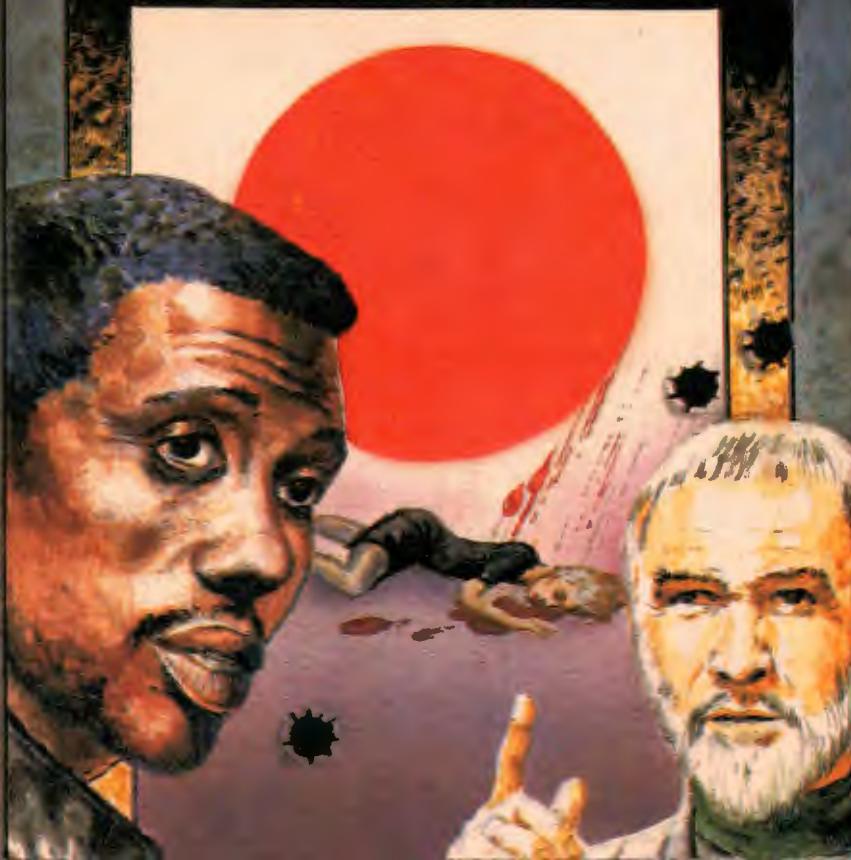

ВАГРИУС

МАЙКЛ КРАЙТОН

ВОСХОДЯЩЕЕ СОЛНЦЕ

Майкл
КРАЙТОН
ВОСХОДЯЩЕЕ
СОЛНЦЕ

ВОСХОДЯЩЕЕ
СОЛНЦЕ

Сценарий
Майкл Крайтон
Режиссёр
Майкл Крайтон
Актеры
Джон Траволта, Сигурни Уивер,
Бен Уишоу, Роберт Дэйв, Марк Уолберг
Музыка
Джон Форд Коулман

Michael
CRICHTON

**RISING
SUN**

Майкл Крайтон

ВОСХОДЯЩЕЕ
СОЛНЦЕ

ВАГРИУС

Москва 1993

ББК 84.7 (7 США)
К78

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN 5-7027-0056-2

К 4703040100
C82(03)-93 Без объявл.

ББК 84.7 (7 США)

Copyright © 1992 by Michael Crichton
© Издательство „ВАГРИУС“, издание на русском языке, 1993
© А.Фридман, перевод, 1993
© А.Махов, С.Кузнецов, оформление, 1993

Моей матери
Зуле Миллер Крайтон

*Мы вступаем в мир, где старые правила
уже не годятся.*

ФИЛИПП СЭНДЕРС

Бизнес — это война.

ЯПОНСКАЯ ПОСЛОВИЦА

**Полицейское управление
Лос-Анджелеса.**

Секретно.

Отдел внутренних расследований.

Содержание — протокол видеодопроса Питера Дж. Смита 13—15 марта, „Дело об убийстве в центре „Накамото“ (A 8895-404).

Протокол является собственностью полицейского управления Лос-Анджелеса. Предназначен только для служебного пользования. Копирование, цитирование или воспроизведение и пересказ содержания этого документа запрещены законом. Использование без разрешения строго карается.

По всем вопросам обращаться к начальнику отдела внутренних расследований полицейского управления Лос-Анджелеса.

92038-2029 Калифорния, Лос-Анджелес,
п/я 2029.

Тел: (213) 555-7600.

Телефакс: (213) 555-7812.

Видеодопрос детектива П. Дж. Смита 13—15 марта

„Дело об убийстве в центре „Накамото“.

Описание допроса: лейтенант Смит допрашивался 22 часа в течение трех суток, с понедельника 13 марта до среды 15 марта. Допрос записан на видеопленку.

Описание изображения: допрашиваемый сидел за столом в комнате № 4, за его спиной видны часы. Изображение включает поверхность стола, чашку кофе и самого допрашиваемого до пояса. На нем пиджак и галстук (первый день), рубашка и галстук (второй день), только рубашка (третий день). В левом нижнем углу таймером фиксируется время.

Цель допроса: выяснить роль допрашиваемого в „Деле об убийстве в центре „Накамото“ (A 8895-404).

Допрос проводится детективами Т. Конвеем и П.Хаммондом.

Допрашиваемый отказался от адвоката.

Положение дела: оценивается как незаконченное.

Запись от 13 марта (1).

Вопрос: Включаем запись. Назовите свое имя, пожалуйста.

Ответ: Питер Джеймс Смит.

В: Возраст и звание?

О: Мне 34 года. Лейтенант Специальной Службы управления полиции Лос-Анджелеса.

В: Лейтенант Смит, как вам известно, в данный момент вы не обвиняетесь в преступлении.

О: Я знаю.

В: Тем не менее вы имеете право на адвоката.

О: Я отказываюсь от этого права.

В: Хорошо. Вас каким-нибудь образом привлекали прийти сюда?

О: (долгая пауза). Нет. Меня никак не привлекали.

В: Хорошо. Теперь поговорим об убийстве в „Накамото“. Когда вы впервые были привлечены к расследованию этого дела?

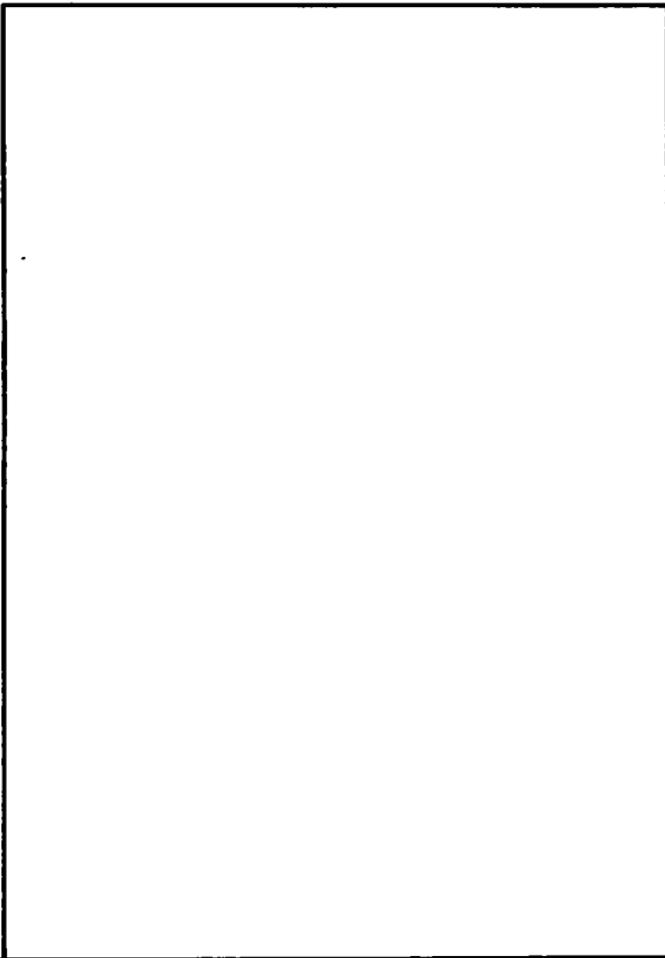
О: Вечером в четверг, девятого февраля, примерно в девять.

В: Каким образом?

О: Я был дома. Мне позвонили.

В: И что вы делали в момент звонка?

ВЕЧЕР ПЕРВЫЙ

ГЛАВА 1

Я сидел на кровати в своей квартире в Калвер-сити. Смотрел по телевизору баскетбол, выключив звук, и старался заучить японские слова.

Вечер был спокойным, к восьми часам я отправил дочь спать. На моей постели лежал плейер, и бодрый женский голос говорил нечто вроде: „Хэлло, я полисмен. Вам нужна помощь?“ и „Покажите, пожалуйста, меню“. После каждой фразы женщина умолкала, чтобы я мог повторить по-японски. Я запинался, но старался во всю. Потом она говорила: „Овощная лавка закрыта. Где почта?“ Что-то в этом духе. Иногда было трудно сосредоточиться, но я продолжал. „У господина Хаяси двое детей“.

Я пытался переводить: „Хаяси-сан ва кодомо га фур... футур...“ Я выругался, а она все продолжала: „Напиток не совсем хороши“. Раскрытый учебник лежал на постели рядом с „Крошкой-Картошкой“, куклой, которую я уложил вместе с дочерью. Там же — фотоальбом и снимки, сделанные на двухлетие Мишель. С того дня прошло четыре месяца, но я еще не вставил их в

альбом. Нужно этим срочно заняться, нечего тянуть.

„В два часа будет собрание“.

Карточки уже устарели. Мишель за четыре месяца совершенно изменилась. Стала выше, выросла из дорогое платья — черного, бархатного, с белым кружевным воротником, — купленного ей моей бывшей женой.

На снимках бывшая жена играла выдающуюся роль: держала пирог, пока Мишель задувала свечи, помогала ей развертывать подарки, в общем, выглядела любящей матерью.

Дочь живет со мной, и бывшая жена ее редко видит. Половину посещений по уик-эндам она пропускает, то же с алиментами... но по фото, сделанным в день рождения, этого не определить.

„Где туалет?“

„У меня машина. Мы можем ехать вместе“.

Я продолжал заниматься. Официально я, конечно, в этот вечер был на дежурстве. Я — офицер Спецслужбы, и меня могли вызвать в любой момент. Но четверг 9 февраля был спокойным, и я не ожидал больших хлопот. До девяти было всего три вызова. Спецслужба включает дипломатический отдел управления полиции. Мы занимаемся дипломатами и знаменитостями, обеспечиваем переводчиков для иностранцев, которые по тем или иным причинам сталкиваются с полицией. Работа однообразная, но не утомительная. За дежурство обычно бывает полдюжины просьб о помощи, но, как правило, ничего срочного. Выезжать почти не приходится. Это куда проще, чем прежняя работа, когда я осуществлял связь полиции с прессой.

Как бы то ни было, вечером 9 февраля первый вызов касался Фернандо Консека, вице-консула Чили. Его привезла полицейская машина, он был слишком пьян, чтобы вести автомобиль, но твердил о дипломатической неприкосновенности. Я велел патрульным отвезти его домой и пометил на утро: сделать запрос в консульство.

Час спустя позвонили детективы из Гардены. В ресторане была стрельба, они арестовали субъекта, говорящего только на самоа, и требовали переводчика. Я сказал, что могу прислать, но остров Самоа был много лет под мандатом США и все там говорят по-английски. Детективы сказали, что обойдутся. Затем позвонили, что фургон телевидения загородил проезд для пожарных на концерте рок-группы „Аэросмит“; я велел сообщить в пожарную часть. Следующий час было тихо. Я вернулся к учебнику, и моя птичка снова запела нечто вроде „Вчера был дождь“.

И тут позвонил Том Грэхем.

— Эти дерзкие япошки, — сказал он. — Никогда не поверю, что они такие болваны. Приезжай сюда, Пити-сан: Фигера, 1100, угол Седьмой. Новое здание „Накамото“.

Пришлось спросить, в чем дело. Грэхем хороший детектив, но раздражителен и склонен все раздувать.

— Дело в том, что япошки требуют кого-нибудь из нашей проклятой Спецслужбы. То есть тебя, дружище. Говорят, что иначе полиция не может действовать.

— Не может? Почему? Что у тебя там?

— Убийство, — сказал Грэхем. — Белая женщина лет двадцати пяти, роста выше средне-

го. Лежит прямо в их чертовом офисе. Видок стоящий. Приезжай как можно скорее.

— У тебя там музыка? — спросил я.

— Да, черт побери, — сказал Грэхем. — Тут большой праздник. Сегодня открытие „Башни Накамото“, и у них прием. Ну, приезжай! Приедешь?

Я сказал, что приеду. Позвонил соседке, миссис Аскенио, которой всегда нужно подзаработать, и попросил посмотреть за ребенком, пока меня не будет. Ожидая ее, я переменил рубашку, надел хороший костюм. Потом позвонил Фред Гофман, седой плотный коротышка, начальник участка в деловом квартале.

— Слушай, Пит. Тебе может понадобиться помощь.

— Почему?

— Вроде в этом убийстве замешаны японцы. Можно вспомнить. Ты давно в Спецслужбе?

— Примерно полгода.

— На твоем месте я бы взял опытного помощника. Захвати с собой Коннора.

— Кого?

— Джона Коннора. Слыхал о нем?

— Конечно.

Все в отделе слыхали о Конноре. Он был легендой, самым знающим из офицеров Спецслужбы.

— Разве он не в отставке?

— У него бессрочный отпуск, но его по-прежнему привлекают к делам, где замешаны японцы. Вот что, я позвоню ему сам. Ты просто поезжай и захвати его. — Гофман дал мне адрес.

— О'кей. Спасибо.

— И вот еще что. Поменьше шуму, ладно?

Зажми связь.

— Ладно, — сказал я. — Чей приказ?

— Так просто будет лучше.

— Как скажешь, Фред.

„Зажать связь“ означает выключить радио, чтобы наши переговоры не перехватили. Так делают в некоторых случаях. Ляжет в больницу Элизабет Тейлор — зажимаем связь. Или сынок какой-нибудь „звезды“ погибает при аварии — зажимаем связь (чтобы родители узнали новость раньше, чем к ним в дверь начнут ломиться телерепортеры). Вот когда зажимается связь. Но я не слыхал, чтобы так поступали при убийстве.

Но, подъезжая к деловому кварталу, я выключил телефон автомобиля и прислушался к радио. Сообщали о трехлетнем мальчике, у которого парализована нижняя половина тела. Ребенок случайно оказался свидетелем грабежа. Шальная пуля угодила ему в спину.

Я переключился на другую станцию. Там шла какая-то пьеса. Впереди в тумане поднимались небоскребы. Я съехал с проспекта у Сан-Педро и направился к дому Коннора.

О Джоне Конноре я знал, что он некоторое время жил в Японии, где приобрел знание языка и местных обычаев. В шестидесятых годах он был единственным офицером полиции, бегло говорившим по-японски, хотя японских эмигрантов больше всего было в Лос-Анджелесе.

Теперь в управлении свыше восьмидесяти офицеров, говорящих по-японски, и еще больше таких, как я, — учащихся. Коннор уже несколько лет был в отставке. Но связные, работавшие с ним, говорили, что он лучше всех. Ра-

ботает очень быстро, часто раскрывает дела всего за несколько часов. Он славился как умелый детектив и исключительный мастер допрашивать, способный, как никто, вытягивать сведения у свидетеля. Но больше всего хвалили его ровную манеру. Мне говорили: „Работать с японцами — все равно что балансировать на канате: раньше или позже склоняешься на ту или иную сторону. Одни решат, что японцы — чудо и всегда безупречны. Другие — что они порочны и опасны. Но Коннор всегда сохранял равновесие. Он всегда точно знает, что делать“.

Джон Коннор жил в индустриальном районе за Седьмой улицей, в большом кирпичном доме, похожем на склад. Огромный лифт был испорчен. Я поднялся по лестнице на третий этаж и постучался.

— Открыто, — раздался голос.

Я вошел в маленькую квартиру. Гостиная была меблирована в японском стиле: татами, циновки, ширмы и деревянные панели на стенах. Свиток с каллиграфической надписью. Черный лаковый столик, ваза с единственной белой орхидеей.

У дверей стояли две пары обуви: мужские ботинки и дамские туфли на высоком каблуке.

— Капитан Коннор, вы дома?

— Минуту! — Ширма скользнула вбок, и появился Коннор. Он поразил меня своим ростом — не меньше чем метр девяносто. На нем была юката — японский халат из синего хлопка. На вид лет пятьдесят пять, плечистый, лысеющий, подстриженные усы, резкие черты лица,

пронзительный взгляд, низкий голос. Он был абсолютно спокоен.

— Добрый вечер, лейтенант.

Мы поздоровались. Коннор оглядел меня сверху вниз и одобрительно кивнул.

— Хорошо. Очень импозантно.

— Я работал с прессой. Никогда не знаешь, не появившись ли на экране, — ответил я.

Он кивнул.

— А теперь вы дежурите связным на вызовах.

— Именно.

— Как давно вы связной?

— Полгода.

— По-японски говорите?

— Немножко. Беру уроки.

— Дайте мне несколько минут — переодеться. — Он повернулся и исчез за ширмой. — Произошло убийство?

— Да.

— Кто вам сообщил?

— Том Грэхем. Он возглавлял оперативную группу, выехавшую на место преступления. Сказал, что японцы требуют офицера Спецслужбы.

— Ясно. — Наступила пауза. Посышалось, как льется вода. — Это обычное требование?

— Нет. По правде, я не знаю о подобных случаях. Обычно людей из нашего отдела зовут, если возникают трудности с языком. Но я никогда не слышал, чтобы об этом просили японцы.

— Я тоже. Так это Грэхем просил вас привести меня? Мы с ним не очень-то любим друг друга.

— Нет, — сказал я. — Это посоветовал Фред Гофман. Ему кажется, что у меня мало опыта. Он сказал, что позвонит вам.

— Значит, вам звонили домой дважды? — спросил Коннор.

— Да.

— Ясно. — Он появился в синем костюме, завязывая галстук. — Кажется, время поджимает. — Глянул на часы. — Когда Грэхэм позвонил вам?

— Примерно в девять.

— Значит, прошло уже сорок минут. Пойдемте, лейтенант. Где ваша машина?

Мы поспешили вниз.

Я поднялся по Сан-Педро и свернул налево, на Вторую, направляясь к „Башне Накамото“. Был легкий туман. Коннор глядел в окно.

— Память у вас хорошая? — спросил он.

— Думаю, неплохая.

— Интересно, можете ли вы повторить сегодняшние разговоры по телефону? И как можно подробнее. Слово в слово, если сумеете.

— Попробую.

Я пересказал. Коннор слушал, не прерывая и не комментируя. Я не знал, что его интересует, а он не объяснял. Когда я закончил, он сказал:

— Гофман не говорил, кто советует зажать связь?

— Нет.

— Ну, во всяком случае, идея хорошая. Я по возможности не пользуюсь телефоном автомобиля. Слишком многие нынче подслушивают.

Я повернулся к Фигероа. Вдали сверкали про-

жектора перед „Башней Накамото“. Здание из серого гранита высилось в ночи. Я раскрыл ящики и вынул пачку визитных карточек с надписью: „Лейтенант Питер Дж. Смит, офицер Спецслужбы. Полицейское управление Лос-Анджелеса“. Написано по-английски, на обороте по-японски.

Коннор поглядел на карточки.

— Как вы собираетесь действовать, лейтенант? Вы вели прежде переговоры с японцами?

— В сущности, нет. Арестовал пару пьяниц за рулем.

Коннор вежливо заметил:

— Тогда, может быть, я предложу, какую стратегию нам избрать?

— Замечательно, — сказал я. — Буду благодарен за помощь.

— Поскольку связной — вы, лучше, вероятно, по прибытии командовать вам.

— Ладно.

— Не представляйте меня и не обращайтесь ко мне — по любому поводу. Даже не смотрите в мою сторону.

— Хорошо.

— Я для вас — пустое место. Руководите только вы.

— Хорошо.

— Будьте строго официальны, это помогает. Стойте прямо, пуговицы всегда должны быть застегнуты. Если вам кланяются, не отвечайте поклоном, только кивните. Чужеземец никогда не овладеет искусством японского поклона. И вы не пытайтесь.

— Ладно.

— Помните, что они не любят вести переговоры, находят это слишком острым. В своем обществе, насколько это возможно, избегают их.

— Ясно.

— Следите за своими жестами, не размахивайте руками. Японцы считают резкие движения угрожающими. Говорите медленно, спокойным, ровным голосом.

— Ладно.

— Если сможете, конечно. Это, возможно, будет нелегко. Японцы в некоторых обстоятельствах способны раздражаться. И сегодня обстоятельства как раз таковы. Постарайтесь сдерживаться. Но, что бы ни случилось, не теряйте выдержки.

— Ладно.

— Это будет хуже всего.

— Я понял.

Коннор улыбнулся:

— Я уверен, что вы справитесь. Вероятно, моя помощь и вовсе не понадобится. Но если вы завязнете, я скажу: „Может быть, я могу помочь?“ Это будет сигнал, означающий, что я принимаю команду. С этой секунды дайте говорить мне. Лучше всего, если вы не произнесете больше ни слова, даже если они к вам обратятся, ладно?

— Ладно.

— Даже если вам и захочется говорить, не давайте втянуть себя в разговор.

— Понимаю.

— Далее, что бы я ни делал, не выражайте удивления. *Что бы я ни делал*.

— Ладно.

— Если я приму команду, отодвиньтесь, станьте чуть сзади меня, справа. Не садитесь. Не смотрите по сторонам. Нельзя казаться рассеянным. Японцы — люди другой культуры. Все, что вы делаете, имеет для них значение. Каждый штрих вашей внешности и поведения повлияет на отношение к вам, управлению и ко мне как вашему начальнику и *семпай*.

— Ладно, капитан.

— Вопросы есть?

— Что такое „*семпай*“?

Коннор улыбнулся.

Мы проехали мимо прожекторов вниз, по уклону в подземный гараж.

— В Японии, — сказал он, — *семпай* — пожилой человек, руководящий юношами, которых зовут *кохай*. Система отношений *семпай-кохай* — обычная вещь. Когда молодой и пожилой работают вместе, считается, что она существует между ними. Припишут ее, вероятно, и нам.

— Вроде как мастер и подмастерье?

— Не совсем. В Японии *семпай* — скорее, любящий отец, который потворствует своему кохайю и снисходителен к ошибкам и чрезмерной горячности юнца. — Коннор улыбнулся. — Но я уверен, что вы не дадите мне повода обращаться с вами подобным образом.

Мы доехали до конца уклона и увидели впереди площадку гаража. Коннор выглянул в окно и нахмурился:

— Где наши?

Гараж „Башни Накамото“ был полон лимузинов. Водители, прислонившись к своим машинам, болтали и курили. Но полицейских машин я не видел. Обычно при убийстве место освеще-

но, как на Рождество, сверкают огни полудюжины „черно-белых“*, „скорых“ и прочих.

Но здесь не было ничего подобного. Просто гараж во время приема. Элегантные люди стояли группами, ожидая свои машины.

— Интересно, — сказал я.

Мы остановились. Служащие гаража открыли двери, я вышел на бархатный ковер и услышал нежную музыку. Мы с Коннором пошли к лифту. Навстречу шли хорошо одетые люди: мужчины в смокингах, дамы в дорогих платьях. И у лифта стоял Том Грэхем в обычной спортивной куртке и жадно курил сигарету.

*Патрульный автомобиль.

ГЛАВА 2

Даже когда Грэхэм в юности играл полузащитником в футбольной команде своего штата, он был незаметен на поле. Это оказалось характерным для него — всю жизнь он упускал моменты, решающие для карьеры детектива. Он переходил с места на место, но не прижился ни в одном отделе и не нашел себе хорошего напарника. Он всегда резал правду-матку, начальство его не любило. В тридцать девять лет Грэхем вряд ли мог рассчитывать на повышение. Теперь он был ожесточен, груб, располнел и всем докучал. Грэхем считал, что удачливый не может быть честным, иsarкастически относился ко всем, кто думает иначе.

— Шикарный костюмчик, — сказал он, когда я подошел. — Пит, ты чертовски красиво выглядишь! — Он сдул с моего лацкана воображаемую пылинку. Я сделал вид, что не заметил.

— Как дела, Том?

— Вам, ребята, следовало бы красоваться на приеме, а не работать. — Он повернулся к Коннору и протянул руку. — Хелло, Джон. Кто это вытащил тебя из постели?

— Фред Гофман просил привезти его, — сказал я.

— Черт! — выругался Грэхем. — Но это хорошо, что вы здесь. Мне нужна помощь. Тут никаких нервов не хватит.

Мы пошли за ним к лифту. Я по-прежнему не видел других полицейских.

— Где все?

— Хороший вопрос! Они всех наших людей держат у черного хода. Говорят, что служебный лифт быстрее. И твердят, что церемония открытия очень важна и ничто ей не должно помешать.

Охранник у лифтов — японец в мундире — внимательно оглядел нас.

— Эти двое со мной, — сказал Грэхем. Охранник кивнул, но подозрительно прищурился.

— Говенные япошки! — сказал Грэхем, когда дверь закрылась. — Но это все еще наша страна, а мы полицейские в этой чертовой стране!

У лифта были стеклянные стены, и мы, поднимаясь, смотрели на деловую часть Лос-Анджелеса. Прямо напротив было залитое светом здание „Арко“.

— Знаешь, с этими лифтами они могут здорово вlipнуть, — сказал Грэхем. — Стеклянные выше девяностого этажа запрещены, а здесь девяносто семь, самое высокое здание в городе. Но оно особенное. И построили они его всего за полтора года. Знаешь как? Привезли из Нагасаки секции и слепили их здесь! Американских рабочих не брали. Получили разрешение не считаться с нашими профсоюзами, потому что

здесь якобы такие технические проблемы, что по силам одним японцам. Ты веришь в эту чушь?

Я пожал плечами.

— Американские профсоюзы согласились.

— Городской совет, черт бы его побрал, тоже согласился. Но дело, конечно, в деньгах. А уж что деньги у японцев есть, это как пить дать! Так они и обошли все ограничения, получили, что хотели.

Я пожал плечами:

— Политика.

— Черта с два! Знаешь, что они даже налогов не платят? И все по закону: имеют право не платить налог на собственность восемь лет. Дерьмо! Мы же просто дарим им страну.

Несколько секунд мы поднимались молча. Грэхем смотрел в окно. Лифты были новейшей конструкции, скоростные „Хитачи“, самые быстрые и плавные в мире. Мы поднимались все выше.

— Ты расскажешь нам об убийстве или хочешь устроить сюрприз? — спросил я.

— Говно! — сказал Грэхем и раскрыл блокнот. — Вот какие дела. В 8.32 первый звонок. Кто-то говорит о каком-то трупе. Мужской голос, язык коверкает по-азиатски. Дежурный разобрал только адрес: „Башня Накамото“. Патрульные машины отправились, прибыли в 8.39, обнаружили труп на сорок шестом этаже, который служебный. Жертва — белая женщина, лет двадцати пяти, дьявольски красивая, сами увидите. Патрульные оцепили место и вызвали нас. Я приехал с Мерино в 8.53. Примерно в то же время приехали оперативники и ребята из спец-

отдела для осмотра тела и места преступления и снятия отпечатков пальцев. Пока ясно?

— Да, — сказал Коннор, кивнув.

— Мы только начали, как приперся япошка из корпорации „Накамото“, в тысячедолларовом синем костюме, и заявил, что он уполномочен поговорить с полицейским офицером, прежде чем что-либо будет сделано в их чертовой башне, и что вроде у нас нет причин начинать расследование. Я сказал ему, какая это чушь. Тут явное убийство. Я думал, что парень отступит. Но япошка великолепно говорил по-нашему и, видимо, здорово знал законы. И все они, знаете, были озабочены. Не стоит ведь начинать следствие, нарушая должностный порядок, верно? И еще япошка настаивал на связном, хотя он так спаррил по-английски, что я не понимал, зачем ты ему сдался. Я думал, связной нужен для не знающих языка, а на этом типе было прямо написано, что он учился в Стэнфорде. Но тем не менее... — Он вздохнул.

— Ты позвал меня, — сказал я.

— Да.

— Как зовут этого типа из „Накамото“?

— Вот черт... — Грэхем нахмурился, посмотрел в блокнот. — Исихара, Исигури... вроде этого.

— У тебя есть его карточка? Он должен был дать.

— Да. Я ее отдал Мерино.

— Другие японцы здесь есть?

— Ты что, шутишь? — Грэхем засмеялся. — Дом кишит ими. Здесь сущий Диснейлэнд!

— Я хочу сказать — на месте убийства?

— Я так и понял, — сказал Грэхем. — Мы не можем их спровадить. Они говорят, это их здание, они вправе быть здесь. Сегодня торжественное открытие „Башни Накамото“ на сорок пятом этаже. У них шикарный прием. Должно быть восемьсот человек. Кинозвезды, сенаторы, конгрессмены... Я слышал, здесь и Мадонна, и Том Крюз, сенатор Хэммонд, сенатор Кеннеди, Элтон Джон, сенатор Мортон. Мэр Томас тоже здесь, и прокурор Вэйланд. Да, возможно, здесь и твоя бывшая жена, Пит. Она, кажется, еще работает у Вэйланда?

— Вроде.

Грэхем вздохнул.

— Это, должно быть, здорово — трахать прокурора вместо того, чтобы он тебя трахал. Приятная перемена.

Я не хотел говорить о бывшей жене.

— Мы теперь редко встречаемся.

Зазвонил колокольчик, и лифт сказал:

— Ионюсан.

Грэхем взглянул на загоревшуюся над двумя цифрами.

— Что за чертовщина?

— Ионюси, — сказал лифт. — Мосугу де го-саймасу.

— Что он сказал?

— Мы почти на месте.

— Вот дерньмо! — сказал Грэхем. — Если у них лифты говорят, пусть говорят по-английски. Мы пока еще в Америке.

— Пока да, — сказал Коннор, отрываясь от вида.

— Ионюго, — сказал лифт.

Дверь отворилась.

Грэхем был прав. Прием оказался потрясающим. Отделка пола напоминала паркет бального зала сороковых годов. Мужчины в костюмах, дамы в вечерних платьях. Джаз играл свинг Гленна Миллера. Возле дверей лифта стоял седой, загорелый, плечистый, как атлет, странно знакомый человек. Он вошел в лифт, повернулся ко мне, дохнув перегаром.

— На первый этаж, пожалуйста.

Рядом с ним появился молодой человек.

— Этот лифт идет вверх, сенатор.

— Что? — Седой повернулся к своему адъютанту.

— Лифт идет вверх, сэр.

— Ну а я хочу вниз.

Он говорил тщательно, слишком отчетливо, как и любой пьяный.

— Да, сэр. Я знаю, сэр, — бодро ответил адъютант. — Давайте поедем на другом лифте, сенатор.

Он взял седого под руку и вывел из лифта.

Двери закрылись. Мы продолжали подниматься.

— Вот на что идут наши налоги, — сказал Грэхем. — Узнали его? Сенатор Стивен Роу. Приятно найти его здесь, если учесть, что он в Финансовом Комитете Сената устанавливает пошлины на японский импорт. Но, как и его приятель, сенатор Кеннеди, Роу — великий охотник за кошечками.

— Да?

— Он, говорят, и пьет здорово.

— Это я заметил.

— Вот почему с ним этот парень. Чтобы не влип в историю.

Лифт остановился на сорок шестом этаже. Послышался тихий писк.

— *Йонафорку. Домо аригато гозаймасу.*

— Наконец-то, — сказал Грэхем. — Может быть, начнем работать?

ГЛАВА 3

Двери открылись. Перед нами была плотная стена синих костюмов, повернутых к нам спиной. У лифта столпилось человек двадцать. Воздух был пропитан табачным дымом.

— Пропустите, пропустите! — говорил Грэхем, грубо проталкиваясь сквозь толпу. За ним я, за мной Коннор, молчаливый и незаметный.

На сорок шестом этаже размещалось главное управление предприятий „Накамото“. Это было внушительное зрелище. Стоя в покрытом коврами холле, я видел гигантское открытое пространство всего этажа. Примерно 60 на 40 метров, половина футбольного поля. Высокие потолки, деревянные панели, мебель черного дерева с серой обивкой, толстый ковер. Приглушенные звуки, неяркий свет. Покой и богатство. Походило скорее на банк, чем на офис, причем на богатейший из банков, который я когда-либо видел.

Это поневоле привлекало внимание. Я стоял у желтой ленты, преграждавшей доступ на этаж, и набирался терпения. Прямо впереди был большой атриум, вроде открытого загона для секретарей и простых смертных. Там стояли кон-

торки и деревья в кадках, как в зимнем саду. В центре возвышалась большая модель „Башни Накамото“ и окружающих зданий, еще строящихся. Модель была освещена. В остальной части атриума было относительно темно. По периметру располагались кабинеты служащих со стеклянными стенами со всех сторон, так что с моего места были видны небоскребы города. Из-за этого казалось, что этаж плывет в воздухе.

Справа и слева были два конференц-зала, тоже со стеклянными стенами. В правом, поменьше, на длинном черном столе я увидел тело девушки в черном платье. Одна нога свесилась на пол. Крови не было заметно. Но я находился довольно далеко, метров за шестьдесят от нее. Тут разобрать детали трудно.

Послышался треск полицейского радио, и Грэхем сказал:

— Вот ваш связной, господа. Теперь мы, может быть, начнем расследование? Давай, Пит.

Я повернулся к японцам у лифта, не зная, с кем говорить. После секундного замешательства один из них выступил вперед. На вид лет тридцать пять, одет в дорогой костюм. Он слегка наклонил голову, только намек на поклон. Я ответил тем же. Потом он заговорил:

— Конкан ва. Хайиме мас ите, Сумису-сан. Исикура десу. Дозо ёросику.

Формальное приветствие, почти автоматическое. Времени не тратит. Зовут его Исикура. Мое имя ему уже было известно. Я сказал:

— Хайиме мас ите. Ватаси ва. Сумису десу. Дозо ёросику.

Здравствуйте. Рад познакомиться. Обычное приветствие.

— *Ватаси по meisici десу. Дозо.*

Он дал мне свою карточку. Движения быстрые, резкие.

— *Домо афигато дозоймасу.* — Я принял карточку обеими руками, что было излишним, но, следуя совету Коннора, я хотел держаться как можно церемоннее. Потом дал свою. Ритуал требовал, чтобы мы оба посмотрели на карточки и сказали что-то незначительное, вроде: „Это ваш служебный телефон?“

Исигура взял мою карточку одной рукой и сказал:

— Это ваш домашний телефон, лейтенант?

Я был поражен: он говорил по-английски так, словно жил в Штатах с самого детства. Очевидно, он учился здесь в школе.

Один из тысяч японцев, учившихся в Америке в семидесятых годах. Они посыпали сто пятьдесят тысяч студентов в год изучать нашу страну. А мы посыпали в Японию двести человек в год.

— Домашний внизу, — сказал я.

Исигура сунул мою карточку в карман рубашки. Я похвалил изящество его карточки, но он перебил меня.

— Слушайте, лейтенант, по-моему, можно отбросить формальности. Помогите лучше урезонить вашего коллегу.

— Моего коллегу?

Исигура кивнул головой.

— Этого толстяка, Грэхема. Его требования нелепы, и мы возражаем, чтобы он вел следствие.

— Почему, господин Исигура?

— У вас нет причин вести его.

— Почему вы так считаете?

Исигура фыркнул:

— Я полагаю, это понятно даже вам.

Я сохранял спокойствие. Пять лет детективом и год в отделе по связям с прессой научили меня этому.

— Нет, сэр, боюсь, не совсем понятно.

Он презрительно глянул на меня.

— Суть в том, лейтенант, что у вас нет оснований связывать смерть девушки с нашим приемом внизу.

— Она как будто в вечернем платье...

Он довольно грубо перебил меня.

— Полагаю, вы обнаружите, что она умерла случайно, перебрала наркотика. Поэтому ее смерть не имеет отношения к приему. Разве вы не согласны?

Я глубоко вздохнул.

— Нет, сэр, не согласен. Расследование необходимо. — Я еще раз вздохнул. — Господин Исигура, я понимаю вашу озабоченность, но...

— Не уверен, что понимаете, — перебил он снова. — Я настаиваю, чтобы вы учли сегодняшнее положение компании „Накамото“. Для нас этот вечер очень много значит, это прием для высшего общества. Естественно, мы не хотели бы омрачить его из-за смерти какой-то женщины, совершенно никчемной...

— Никчемной?

Исигура махнул рукой. Он, казалось, устал говорить со мною.

— Достаточно взглянуть на нее. Это самая обыкновенная проститутка. Не понимаю, как она вообще проникла сюда. И поэтому я категорически возражаю против намерения детектива

Грэхема допросить гостей. Это совершенно недопустимо. Среди гостей сенаторы, конгрессмены и высшие чиновники Лос-Анджелеса. Вы, разумеется, согласитесь, что столь выдающимся людям это придется не по вкусу...

— Минуточку. Детектив Грэхем сказал вам, что хочет допросить всех?

— Да, так он сказал мне.

Теперь я наконец понял, почему меня вызвали. Грэхем не любит японцев и наверняка хочет испортить им прием. Конечно, он не осмелится допрашивать сенаторов, не говоря уже о прокуроре или мэре, если хочет проработать в полиции еще хоть день. Но японцы его так разозлили, что Грэхем решил ответить тем же.

Я сказал Исигуре:

— Мы можем поставить внизу стол, и ваши гости, уходя, будут отмечаться у нас.

— Боюсь, это невозможно, — начал Исигура, — вы, конечно, согласитесь...

— Господин Исигура, мы намерены поступить именно так.

— Но это в самом деле...

— Господин Исигура...

— Понимаете, для нас это...

— Господин Исигура, извините, но это обычная процедура в подобных случаях.

Он напрягся. Наступила пауза. Он вытер пот с верхней губы и сказал:

— Я разочарован, лейтенант, что вы не хотите пойти нам навстречу.

— Пойти навстречу? — Тут я начал раздражаться. — Господин Исигура, у вас обнаружен труп женщины, и наше дело — расследовать, что привело к...

— Но вы должны учитывать наши особые обстоятельства...

Тут Грэхем сказал:

— Черт возьми, это еще что такое?

Обернувшись, я увидел низенького, интеллигентного на вид японца, который зашел на двадцать метров за желтую ленту. Он снимал место преступления крохотным аппаратом, почти умевшимся в ладони. Он не скрывал, что пересек барьер ради съемки. Он медленно пятился, вскидывая на секунду руки, чтобы сделать новый кадр, помигивал глазками за толстыми очками, нацеливаясь на очередной ракурс. Движения его были неторопливы и рассчитаны.

Грэхем подошел к ленте и сказал:

— Ради Бога, уходите отсюда. Здесь место преступления, снимать нельзя.

Тот не ответил, продолжая пятиться. Грэхем повернулся.

— Кто этот парень?

— Это наш служащий, господин Танака. Он работает в охране „Накамото“, — ответил Исибура.

Я глазам своим не верил. Японский служащий бродит за желтой лентой, снимая место преступления! Возмутительно!

— Велите ему убраться! — сказал я.

— Вы же видите, он снимает.

— Он не имеет права.

— Но это для нашей корпорации, — сказал Исибура.

— Мне до этого нет дела, господин Исибура. Заходить за желтую ленту и снимать нельзя. Велите ему уйти. И дайте мне его пленку, пожалуйста.

— Хорошо.

Исигура что-то быстро сказал по-японски. Я повернулся и увидел, что Танака проскользнул под желтой лентой и исчез среди синих костюмов, толпившихся у лифта. Дверь лифта открылась и закрылась.

Вот сукин сын! Я разозлился.

— Господин Исигура, вы мешаете полицейскому расследованию.

Исигура спокойно сказал:

— Попытайтесь понять нас, лейтенант Смит. Мы, конечно, полностью доверяем Лос-анджелесскому полицейскому управлению, но нам нужно расследовать все самим, и для этого...

САМИМ РАССЛЕДОВАТЬ! Еще один сукин сын! Я буквально онемел, стиснул зубы, почувствовал, что краснею. Я рассвирепел. Мне хотелось арестовать Исигуру, тряхнуть его, прижать к стене, защелкнуть наручники на его запястьях и...

— Возможно, я могу помочь, лейтенант, — раздался голос позади меня. Я обернулся. Это был Джон Коннор. Он ободряюще улыбался.

Я отодвинулся.

Коннор посмотрел на Исигуру, поклонился, подал карточку и быстро заговорил:

— *Тотсузен ситсурей десуга, ийкосбокай сите-мо еоросии десука ватаси ва Джон Коннор то моси- масу.*

— Джон Коннор? — сказал Исигура. — Тот самый Джон Коннор? *Омену какрете козай десу. Ватаси ва Исигура десу. Дозо ёросику.*

Он говорил, что польщен встречей.

— *Ватаси но мейси десу. Дозо.*

Почтительно благодарю вас.

Но когда формальности закончились, разговор пошел в таком темпе, что я ловил лишь отдельные слова. Пришлось изображать заинтересованность, смотреть и кивать, совершенно не понимая, о чем идет речь. Как-то раз Коннор назвал меня „хобун“, что, как я знал, означало „протеже“ или „ученик“. Он несколько раз строго взглядывал на меня, качая головой, как отец, сожалеющий о проступке сына. Видимо, извинялся. Он также называл Грэхема „хесомогафи“ — неприятным типом.

Эти извинения подействовали. Исигура успокоился, опустил плечи, расслабился, даже улыбнулся, а под конец сказал:

— Так вы не будете устанавливать личность наших гостей?

— Конечно, нет, — сказал Коннор. — Ваши почтенные гости могут приходить и уходить когда угодно.

Я было запротестовал, но Коннор взглядом пригвоздил меня к месту.

— Проверка не нужна, — продолжал он, — ибо я уверен, что никто из гостей корпорации „Накамото“ не может быть замешан в этом прискорбном инциденте.

— Чертов болван, — сказал тихо Грэхем.

Исигура сиял. Но я рассердился: Коннор выступил против меня. Я выглядел дураком. И главное, он пренебрег нашими обычными методами, потом у нас у всех будут неприятности из-за этого. Я сунул руки в карманы и сталглядеть в сторону.

— Я благодарю вас за вашу деликатность, капитан Коннор, — сказал Исигура.

— Не стоит благодарности, — ответил Коннор, церемонно кланяясь, — но, надеюсь, вы теперь согласитесь, что надо очистить этаж, чтобы полиция могла начать расследование.

Исигура заморгал.

— Очистить этаж?

— Да, — сказал Коннор, вынимая блокнот. — И помогите, пожалуйста, узнать имена джентльменов сзади вас, перед тем как вы просите их уйти.

— Не понял.

— Имена джентльменов сзади вас, пожалуйста.

— Можно спросить зачем?

Лицо Коннора потемнело, и он резко выпалил короткую фразу по-японски. Я не понял слов, но Исигура густо покраснел.

— Простите, капитан, но я не понимаю, почему вы позволяете себе говорить подобным образом...

И тут Коннор потерял терпение. Он словно взорвался и, придвигнувшись к Исигуре, почти закричал:

— *Икаген ни сиро! Соко о доке! Кийтерунока!*

Исигура наклонил голову и отвернулся, ошеломленный этой атакой. Коннор навис над ним, голос его был резок и неприятен.

— *Доке! Доке! Вакафайнока!* — Он яростно указал на японцев у лифта. Видя гнев Коннора, японцы отвернулись и тревожно попыхивали сигаретами, но не уходили.

— Эй, Ричи! — сказал Коннор полицейскому фотографу Ричи Уолтерсу. — Сделай мне снимки этих типов.

— Есть, капитан, — сказал Ричи. Он поднял свой аппарат и пошел вдоль линии, беспрерывно щелкая.

Исигура внезапно взорвался и преградил путь фотографу, загораживая руками объектив.

— Подождите, подождите, зачем...

Но японцы уже уходили, извиваясь как ужи от вспышек света. В несколько секунд они исчезли, очистив этаж. Оставшись один, Исигура сразу как-то сник.

Он промямлил что-то по-японски и, видимо, зря.

— Да? — сказал Коннор. — Это вы во всем виноваты! Все неприятности — из-за вас! Теперь вы сами проследите, чтобы моим людям была оказана необходимая помощь. Мне нужно потолковать с тем, кто обнаружил тело, и с тем, кто вызвал полицию. Мне нужны имена всех, кто побывал на этаже после того, как нашли труп. И еще мне нужны фотографии, которые сделал Танака. *Оре ва хонкида*. Я вас арестую, если вы будете мешать расследованию.

— Но я должен посоветоваться с начальством...

— *Намерунайо*. — Коннор наклонился к нему. — Не шутите со мной, Исигура-сан. А теперь уходите и не мешайте нам работать.

— Конечно, капитан, — сказал Исигура. Он коротко поклонился и ушел с несчастным видом.

Грэхем усмехнулся.

— Здорово ты его выпроводил.

Коннор повернулся к нему.

— Зачем ты сказал ему, что хочешь допросить всех гостей?

— А, черт, я хотел попугать его, — сказал Грэхем. — Не мог же я в самом деле допрашивать мэра? Что делать, если у этих ослов нет чувства юмора?

— У них есть чувство юмора. И подшутил ты над собой. У Исигуры была одна проблема, и ту он разрешил с твоей помощью.

— С моей помощью? О чём ты говоришь?

— Ясно, что Исигура хотел оттянуть расследование. Твои нападки дали им великолепный повод позвать связного Спецслужбы.

— А, брось! — сказал Грэхем. — Связной мог появиться через пять минут.

Коннор покачал головой.

— Не обманывай себя. Они точно знали, кто сегодня дежурит. Знали, как далеко живет Смит и сколько будет ехать сюда. И им удалось задержать расследование на полтора часа. Так что поздравляю.

Грэхем уставился на Коннора, потом отвернулся.

— Чушь! — сказал он. — Болтаешь, сам не знаешь чего. Ребята, я намерен работать. Ричи! Пошевеливайся! Полминуты на съемку, прежде чем мои ребята наступят тебе на хвост! Все за работу. Надо кончить, пока труп не завонял! — И он тяжело зашагал к месту убийства.

Следственная группа пошла за Грэхемом со своими „дипломатами“. Впереди шагал Ричи Уолтерс, щелкая фотоаппаратом направо и налево. Он прошел в атриум и затем в конференц-зал. Стены зала были из дымчатого стекла, ослаблявшего вспышки фотоаппарата. Но я

видел, как Ричи обошел тело кругом, часто щелкая, — понимал, что дело серьезное.

Я стоял с Коннором позади.

— Вы ведь сами говорили, что с японцами горячиться нельзя.

— Говорил, — ответил Коннор.

— Тогда почему вы взбесились?

— К несчастью, — сказал он, — я только так и мог помочь Исигуре.

— Помочь Исигуре?

— Да, я делал это для Исигуры. Ему надо было спасти лицо перед своим боссом. Важнее всех в комнате был не Исигура. Среди толпы у лифта был настоящий босс, *юаку*.

— Я не заметил.

— Они всегда выставляют впереди подчиненного, а босс остается на заднем плане и наблюдает за ходом дела. Как я поступил с вами, *кохай*.

— Босс Исигуры все время наблюдал за нами?

— Да. Исигуре явно приказали помешать началу расследования. А мне нужно было его начать, но сделать это так, чтобы Исигура выглядел достойно. И я сыграл роль *гайна**^{*}, потерявшего самообладание. Теперь Исигура мне обязан. Это хорошо, ибо потом его помощь понадобится.

— Значит, по–вашему, Исигура вам обязан?

Мне было трудно это понять. Как мне представлялось, Коннор просто наорал на Исигуру, унилиз его.

Коннор вздохнул.

*Гайин — не японец.

— Если вы не поняли происшедшего, то поверьте мне на слово: Исигура понял! Он был в затруднительном положении, и я ему помог.

Я все равно не понимал и хотел было заговорить, но Коннор поднял руку.

— По-моему, лучше взглянуть на место преступления прежде, чем Грэхем и его люди успеют наломать дров.

ГЛАВА 4

Уже почти два года я не работал детективом, и было приятно снова заняться делом. Возникали воспоминания: ночные напряженные бдения, прилив адреналина от плохого кофе в бумажных стаканчиках, работающая вокруг тебя команда — круг бешеної энергии, в центре которого мертвое тело.

В расследовании каждого убийства есть такой круг и такой центр. Когда смотришь на труп, все кажется очевидным и в то же время совершенно непонятным. Даже в простейшей супружеской сваре, где женщина под конец стреляет в своего мужа, посмотришь на нее, всю в шрамах и ожогах от сигарет, и спрашиваешь себя: почему она не сделала этого раньше? Почему это произошло именно сегодня? Вроде все ясно, но что-то всегда остается скрытым.

Когда сталкиваешься с убийством, чувствуешь, что дошел до самой сути бытия. Обычно кто-нибудь рыдает и ты слышишь это. Повседневная суeta прекращается; кто-то умер, и это неопровергимый факт: нельзя не заметить смерть, как нельзя не заметить камень на дороге, который водители вынуждены объезжать. И

в этой мрачной обстановке возникает братство людей, с которыми ты работаешь, которых знаешь, и знаешь отлично, ибо видишь их все время. В Лос-Анджелесе происходит четыре убийства в сутки, то есть каждые шесть часов. И у любого детектива, расследующего убийство, на шее уже с десяток предыдущих, и новое становится невыносимым бременем, так что и он и все прочие надеются решить загадку сразу, на месте. Все перемешано: напряжение, энергия и итог человеческой жизни.

Но спустя несколько лет это начинает нравиться. И, к своему удивлению, войдя в конференц-зал, я понял, что мне этого не хватало.

Зал был обставлен элегантно: черный стол, черные кожаные кресла с высокой спинкой; за стеклянными стенами огни небоскребов. Специалисты тихо переговаривались, двигаясь вокруг трупа девушки.

У нее были короткие волосы, синие глаза, пухлые губы. Лет примерно двадцати пяти. Высокая, длинноногая, спортивного вида. Одета в черное легкое платье.

Грэхем тщательно осмотрел труп, потом сел на край стола, зажав в одной руке ручку, а в другой блокнот.

Келли, помощник следователя, всовывал кисти рук девушки в бумажные пакеты. Коннор остановил его.

— Минутку.

Он посмотрел на одну руку, изучая запись, пристально вглядываясь под ногти. Под одним ногтем он понюхал. Затем быстро пощелкал по каждому пальцу.

— Не суетись, — сказал Грэхем. — Она еще не окоченела, под ногтями нет ни дегрита, ни частиц ткани. В сущности, вообще нет следов борьбы.

Келли надел пакет на руку.

— Время смерти установлено? — спросил Коннор.

— Скоро установим. — Келли раздвинул ягодицы девушки, чтобы ввести термометр в прямую кишку. — Вспомогательные термометры уже поставлены. Через минуту все узнаем.

Коннор пощупал материю платья, посмотрел ярлык. Эллен из следственной бригады сказала:

— Это от Ямамото.

— Вижу, — сказал Коннор.

— Кто это — Ямамото? — спросил я.

— Очень дорогой японский модельер. Это платьице стоит не меньше пяти тысяч долларов, и то если ношеное. Новое, наверное, тысяч пятнадцать, — сказала Эллен.

— Можно выяснить точно? — спросил Коннор.

— Может быть. Сматря где оно куплено, — здесь, в Европе или в Токио. На проверку уйдет дня два.

Коннор сразу потерял интерес.

— Не надо. Получится слишком поздно.

Он взял маленький фибрископ и исследовал волосы и кожу головы. Быстро осмотрел оба уха, шепотом охнул, увидев правое. Я глянул через плечо и увидел каплю засохшей крови у дырочки для серег. Я, наверное, помешал Коннору, он посмотрел на меня.

— Извините, *кохай*.

Я отступил.

— Простите.

Затем Коннор обнюхал губы девушки, быстро открыл и закрыл челюсть, исследовал фибрископом во рту. Повернул на столе ее голову налево, направо. Некоторое время бережно, почти ласково, ощупывал ее шею, а потом неожиданно отошел.

— Ладно, у меня все.

И вышел из помещения.

Грэхем поднял голову.

— Он на месте преступления гроша не стоит.

— Почему ты так говоришь? Я слышал, он великий детектив.

— О черт! — сказал Грэхем. — Сам видишь, он даже не знает, что делать. Коннор — не детектив, но у него большие связи. С их помощью он и расследует свои знаменитые дела. Помнишь Аракава, застреленных в медовый месяц? Нет? Это, наверное, было до тебя, Пити-сан. Келли, когда было дело Аракава?

— В семьдесят шестом.

— Верно, в семьдесят шестом. Большое дело было в тот год. Супруги Аракава, юная пара, посетили в медовый месяц Лос-Анджелес, остались у обочины, и их застрелили из проезжающей машины. В стиле гангстеров. Хуже того, вскрытие показало, что миссис Аракава была беременна. Газетчики как с цепи сорвались: полиция не справляется с бандами, и проще дерзко в том же духе. Со всего города шли письма и деньги. Всех потрясла судьба новобрачных. Детективы, расследовавшие убийство, ничего, конечно, не нашли. Странно, но когда в

деле замешаны японцы, обычно не находят ничего.

Через неделю позвали Коннора, и он раскрыл дело за день. Чудо розыска! А ведь прошла целая неделя! Свидетели давно исчезли, тела новобрачных вернули в Осаку, угол улицы, где это случилось, был завален цветами. Но Коннор сумел доказать, что у молодого Аракавы была не очень хорошая репутация в Осаке. Нападение гангстеров было местью, задуманной в Японии. Там решили, что убийство произойдет в Америке. И сам парень погиб случайно — они стреляли в его беременную жену, сводя счеты с ее отцом. Так представил дело Коннор. Интересно, правда?

— И ты думаешь, ему удалось это сделать благодаря связям с японцами?

— А как же! Я знаю, что очень скоро после этого Коннор на год уехал в Японию.

— Зачем?

— Говорили, работал в службе безопасности благодарной компании. Они о нем позаботились. Он для них поработал, они отплатили. Во всяком случае, я так думаю, а что на самом деле, никто не знает. Но этот тип — не детектив. Господи, ты только посмотри на него!

Коннор задумчиво уставился на высокий потолок. Посмотрел сперва в одну сторону, потом в другую. Казалось, он пытался что-то решить. Внезапно он ринулся к лифту, но повернулся на каблуках, пошел к центру зала и остановился. Потом начал осматривать листья пальм в кадках, расставленных по периметру зала.

Грэхем покачал головой.

— Что он, садовник? Говорю тебе — странный тип. Знаешь, в Японии он был не раз, но всегда возвращался, не решается остаться там окончательно. Япония вроде женщины, с которой он не может жить, но и без нее не может. Понимаешь? До меня это не доходит. Мне нравится Америка. По крайней мере то, что от нее осталось.

Он повернулся к следственной группе, которая уже отходила от трупа.

— Ребята, вы нашли ее трусики?

— Нет еще, Том.

— Мы ищем, Том.

— Что за трусики? — спросил я.

Грэхем поднял юбку девушки.

— Твой друг Джон не затруднился хорошенько посмотреть, но я бы сказал — здесь нечто существенное. На теле есть капли мужской спермы, на женщине нет трусов, но есть красный след там, где их сдернули. Гениталии красивые и влажные. Ясно, что перед убийством ее изнасиловали. И я просил ребят найти трусики.

Один из группы сказал:

— Может, их и не было.

— Были, были, — сказал Грэхем.

Я повернулся к Келли.

— Что насчет наркотиков?

Он пожал плечами.

— Мы проверим. Но, по виду, она их не употребляла вовсе.

Я заметил, что Келли как-то не по себе.

Грэхем тоже увидел это.

— В чем дело, Келли? У тебя свидание, и мы тебя задерживаем, или что?

— Нет, — сказал Келли. — Но, по правде, не только нет признаков борьбы — я не вижу и признаков убийства.

— Нет признаков убийства? Ты шутишь?

— У девушки повреждено горло, но, возможно, она просто сексуальная извращенка. Под косметикой видны следы — она неоднократно сдавливала себе шею.

— Ну и что?

— Возможно, ее и не убивали. Это просто несчастный случай.

— Да брось ты!

— Вполне возможно, это случай, который мы называем „смерть от нарушения функции дыхания“. Обычно она бывает мгновенной и вызвана чисто физиологическими причинами.

— Что же это означает?

Он пожал плечами.

— Человек просто умирает.

— Безо всякой причины?

— Ну, не совсем. Обычно нарушается деятельность сердца или нервной системы. Но этого достаточно, чтобы быть причиной смерти. У меня был случай, когда десятилетний ребенок получил удар в грудь — не очень сильный — бейсбольным мячом и упал на школьный двор мертвым. Никто не подходил к нему ближе, чем на двадцать метров. Другой случай: в автокатастрофе женщина ударила грудью о руль, тоже не очень сильно, открыла дверцу, чтобы выйти, и умерла. Видимо, травма шеи или груди оказывается на нервах, ведущих к сердцу. Вот так-то, Том. Такая смерть всегда неожиданна и в данном случае вполне реальна. Да, она занима-

лась здесь любовью, но это не уголовщина. А убийство могло и не иметь места.

Грэхем прищурился.

— Так ты говоришь, что, может быть, никто не убивал ее?

Келли пожал плечами и взял свои инструменты.

— Я ничего не утверждаю. В протоколе запишу, что девушка задохнулась. Возможно, ее задушили. Но в принципе вы должны знать, что этого могло и не быть.

— Чудно, — сказал Грэхем. — Отработаем эту версию согласно фантазии врача. Кстати, кто-нибудь сделал ее фото? — Один из членов группы, все еще обыскивающий зал, пробормотал, что нет.

— Я, кажется, определил время смерти, — сказал Келли. Он проверил градусники. Девяносто шесть и девять* при комнатной температуре — это значит, что с момента смерти прошло не больше трех часов.

— Не больше трех часов? Здорово! Слушай, Келли, мы и так знаем, что она умерла вечером.

— Большего я сказать не могу. — Келли покачал головой. — К несчастью, кривые охлаждения не очень изменяются до трех часов. Могу сказать только, что смерть произошла не раньше. Но девушка мертва уже довольно долго. Пожалуй, не меньше трех часов.

Грэхем повернулся к следственной группе.

— Кто-нибудь нашел трусики?

— Пока нет, лейтенант.

Грэхем оглядел зал и сказал:

*По Фаренгейту.

— Ни трусиков, ни кошелька.

— Думаешь кто-нибудь прибрал их? — спросил я.

— Не знаю. Но разве у девушки, пришедшей на прием в тридцатитысячном платье, не должен быть кошелек?

Тут Грэхем посмотрел за мою спину и улыбнулся.

— Знаешь, Пити-сан? Пришла одна из твоих поклонниц.

Ко мне направлялась Эллен Фарли, пресс-секретарь мэра. Ей было тридцать пять, коротко подстриженная, русоволосая, как всегда великолепно выглядит. В юности она была диктором, но уже много лет работала у мэра. Была она умна, проворна и, насколько известно, умело пользовалась своим великолепным телом.

Мне она нравилась, и я оказал ей несколько услуг, когда работал с прессой. Так как мэр и начальник полиции друг друга ненавидели, просьбы из канцелярии мэра иногда поступали ко мне через Эллен, и я управлялся с ними. Обычно мелочи: задержать сообщение до уик-энда, чтобы оно пошло в субботу; объявить, что дело еще не рассмотрено, хотя его рассмотрели. Я делал это потому, что Фарли была со мной откровенна, всегда говорила правду. И сейчас, видимо, тоже хотела высказаться.

— Слушай, Пит, — сказала она. — Не знаю, что здесь происходит, но господин Исигура жалуется мэру...

— Представляю...

— И мэр просил напомнить тебе: недопустимо, чтобы чиновники грубили людям другой национальности.

Грэхем громко сказал:

— Особенno, если те делают вклады в чьи-то предвыборные кампании.

— Иностранные не могут финансировать наши политические кампании, — сказала Фарли. — Вы это знаете. — Она понизила голос. — Пит, это дело тонкое. Будь осторожен. Ты знаешь, что японцы особенно чувствительны к тому, как к ним здесь относятся.

— Я знаю.

Она посмотрела сквозь стеклянные стены конференц-зала в атриум.

— Это Джон Коннор?

— Да.

— Я думала, он в отставке. Что он здесь делает?

— Помогает мне.

Фарли нахмурилась.

— Ты знаешь, у японцев к нему смешанное чувство. И у них есть для этого основания. Человек был японофилом и впал в другую крайность, стал расистом.

— Коннор не расист.

— Исигура считает, что его оскорбили.

— Исигура взялся учить нас, что делать. А здесь убитая девушка, о чем, видно, все забыли...

— Брось, Пит, никто тебя не учит. Я сказала только, что нужно учесть особое...

Она запнулась, глядя на труп.

— Эллен, — сказал я. — Ты знаешь ее?

— Нет. — Она отвернулась.

— Ты уверена?

— Вы видели ее внизу? — спросил Грэхем.

— Нет... Впрочем, может быть. Пожалуй, да.
Слушайте, ребята, мне надо идти.

— Эллен, погоди!

— Пит, я не знаю, кто она. Знала бы, сказала. Просто будь с японцами повежливей. Это просил передать мэр. А мне надо идти.

Она поспешила к лифтам. Я смотрел ей вслед, чувствуя, что мы не договорили. Подошел Грэхем.

— Красивая у нее задница, — сказал он. — Но она лукавит, даже с тобой, парень.

— Что ты имеешь в виду?

— Все знают, что у тебя было с Фарли.

— Ты о чем?

Грэхем хлопнул меня по плечу.

— Брось, ты сейчас в разводе. Никто не никнет.

— Это вранье, Том.

— Это твое дело. Ты у нас неотразимый парень.

— Говорю тебе, вранье.

— Ладно, — он поднял руки. — Будем считать, что я ошибся!

Я видел, как Эллен на другой стороне атриума пролезла под ленту, вызвала лифт и ждала его, нервно постукивая ногой.

— Ты вправду думаешь, что она знает эту девушку? — спросил я Грэхема.

— Наверняка! Знаешь, почему мэр ее любит? Она стоит рядом и подсказывает ему имена всех, с кем тот встречается. У нее прекрасная память, помнит людей, которых годами не видела. Фарли знает, кто эта девушка.

— Почему же она не сказала нам?

— А черт ее знает, — ответил Грэхем. — Наверное, для кого-то это важно. Вылетела она как из пушки. Нам надо скорее выяснить имя девушки. Терпеть не могу узнавать обо всем последним.

Через зал шел Коннор, махая нам рукой.

— Чего ему надо? — спросил Грэхем. — Зачем он машет? Что у него в руке?

— Похоже на кошелек, — сказал я.

— Черил Линн Остин, — прочел Коннор. — Родилась в Мидленде, Техас, окончила университет штата Двадцать три года. Живет в Вествуде, но здесь недавно — водительские права еще техасские.

Содержимое кошелькасыпали на стол. Мы передвигали предметы карандашом.

— Где вы нашли его? — спросил я. Кошелек был маленький, темный, в бисере, с жемчужной защелкой, сделанный в стиле сороковых годов. Дорогой.

— Он был в кадке с пальмой возле конференц-зала. — Коннор открыл кармашек. На стол упал тугой комок хрустящих стодолларовых купюр.

— Недурно. Мисс Остин, оказывается, богата.

— Ключей от машины нет? — спросил я.

— Нет.

— Значит, она с кем-то приехала.

— И, видимо, собиралась уехать тоже с кем-то. Таксист не разменяет сто долларов. — Еще в кошельке была карточка „Америкэн Экспресс“, губная помада, компактная пудра и складное зеркальце. Пачка ментоловых сигарет,

японских. Карточка ночного клуба „Даймаси“ в Токио. Четыре синие таблетки. Вот и все.

Коннор расковырял карандашом бисер кошелька. По столу рассыпались зеленые хлопья.

— Знаете, что это?

— Нет, — сказал я. Грэхем посмотрел в лупу.

— Это земляные орехи, покрытые *ласаби*.

Ласаби — японский хрен. Я не слыхал никогда, чтобы орешки покрывали *ласаби*.

— Я не знаю, продаются ли они за пределами Японии?

— Да черт с ними, — проворчал Грэхем. — А что ты думаешь, Джон? Исигура представит тебе свидетелей, которых ты просил?

— Не думаю, что это будет быстро.

— Правильно. Мы этих типов увидим не раньше чем послезавтра, когда их научат, что говорить. Вы понимаете, почему они тянут? Девушку убил японец, это ясно как божий день.

— Возможно, — сказал Коннор.

— Эх, парень! Более чем возможно. Здание японское. А девочка как раз в их вкусе. Эдакая американская роза на длинном стебле. Всем этим коротышкам непременно подавай баскетболисток.

Коннор пожал плечами.

— Возможно.

— Брось, — сказал Грэхем. — Ты же знаешь, эти парни дома света белого не видят. Давятся в метро, торчат в конторах, поговорить по душам — и то у них времени нет. Потом присажают сюда, освободясь от домашней узды, и сразу начинают корчить из себя богачей. Они считают, что могут делать все, что хотят. Ну и,

бывает, кого-нибудь заносит. Скажи, что я не-
прав.

Коннор долго смотрел на Грэхема. Наконец
сказал:

— Стало быть, Том, по-твоему, японец ре-
шил пристукнуть девушку на столе конфе-
ренц-зала „Накамото“?

— Да.

— Что-то вроде ритуального убийства?
Грэхем пожал плечами.

— А черт его знает! Может, он и псих. Но я
найду этого говнюка, даже если это последнее,
что я сделаю в жизни.

ГЛАВА 5

Лифт быстро спускался. Коннор прислонился к стеклу.

— Есть много причин не любить японцев, но Грэхем не знает ни одной. — Он вздохнул. — Вы в курсе, что они говорят о нас?

— Что?

— Что мы слишком любим теоретизировать. Что мы мало изучаем мир, и поэтому не знаем, каков он на самом деле.

— Это учение Дзэн?

— Нет, — засмеялся он. — Просто мое наблюдение. Спросите японского продавца компьютеров, что он думает об американских коллегах, и он вам скажет именно это. Любой японец, имеющий дело с Америкой, так думает. И если посмотреть на Грэхема, поймешь, что они правы. У Грэхема нет ни знаний, ни собственного опыта общения с японцами — только набор предрассудков, почерпнутых из газет. Он ничего не знает о Японии, да и знать не желает.

— Так вы думаете, он ошибся? Девушку убил не японец?

— Я не сказал этого, хохай. Вполне возможно, Грэхем прав, но пока...

Дверь открылась, и мы увидели прием, услышали джаз, играющий „Сerenаду луны“. Две пары вошли в лифт. Выглядели они богачами: мужчины седовласы и импозантны, женщины красивы и чуть вульгарны. Одна сказала:

— Она меньше ростом, чем я думала.

— Да, совсем крошечная. А тот... был ее дружок?

— Наверное. Не он ли на видео вместе с ней?

— Пожалуй, он.

Один из мужчин сказал:

— Вы думаете у нее в груди подложено?

— А у кого не подложено?

Другая женщина прыснула: — У меня, конечно.

— Верно, Кристина.

— Но я подумаю об этом. Вы видели Эмили?

— О, у нее просто огромные!

— Ну, это начала Джейн, с нее и спрос.

Теперь все хотят большие.

Мужчины посмотрели в окно.

— Потрясающее здание, — сказал один. —

Отделка просто великолепна, наверное, обошлась в целое состояние. Рон, как у вас сейчас с японцами?

— Процентов двадцать оборота. Против прошлого года — меньше. Да еще приходится все время тренироваться — они обожают играть в гольф.

— Двадцать процентов всего вашего оборота?

— Да. Теперь они скупают землю в округе Ориндж.

— Конечно, Лос-Анджелес весь уже скучили, — сказала, смеясь, одна из женщин.

— Ну, почти. Недавно купили здание „Арко“, — сказал мужчина, указывая на один из небоскребов. — Думаю, что у них теперь в кармане семьдесят-семьдесят пять процентов делового Лос-Анджелеса.

— А на Гаваях еще больше.

— Да почти все, черт побери, — девяносто процентов Гонолулу, весь берег Кона. И лежат там площадки для гольфа, как сумасшедшие.

— Покажут ли прием завтра по телевидению? Здесь полно камер, — заметила одна из женщин. — Надо не забыть посмотреть.

Динамик лифта заговорил: — *Mosugu de gozaimasu.*

Мы доехали до гаража, и обе пары вышли. Коннор смотрел на них и качал головой.

— Ни в какой другой стране мира вы не услышите спокойных рассуждений о том, что их города и области продаются иностранцам.

— Рассуждений? — переспросил я. — Да это именно те, кто продает.

— Да, американцам свойственно продавать. Японцев это забавляет. По их мнению, мы совершаляем экономическое самоубийство. И они, конечно, правы. — Коннор нажал кнопку с надписью „Только при аварии“.

Прозвучал тихий сигнал тревоги.

— Зачем вы это сделали?

Коннор посмотрел на вмонтированную в потолок видеокамеру и весело помахал рукой. Чей-то голос сказал через динамик: — Добрый вечер, господа, могу я помочь вам?

— Да, — сказал Коннор. — Я говорю с охраной здания?

— Да, сэр. Что-то испортилось в лифте?

— Вы где находитесь?

— Мы в вестибюле, за лифтом.

— Спасибо, — сказал Коннор и нажал кнопку „Вестибюль“.

ГЛАВА 6

Комната охраны „Башни Накамото“ была маленькой, метров пять на семь. Почти все пространство занимали три больших плоских видеопанели, в каждой по дюжине маленьких мониторов. В данный момент почти все не горели. Но один ряд показывал вестибюль и гараж, другой — ход приема, третий — полицейские пусты до самого сорок шестого этажа.

Дежурил в комнате Джером Филлипс — негр лет за сорок. Его серый мундир промок у воротника, под мышками темнели пятна. Он попросил нас не закрывать дверь. Наш приход был ему явно не по вкусу. Я чувствовал, что он что-то скрывает, но Коннор держался дружески. Мы показали свои значки и поздоровались. Коннор повел разговор так, будто мы, профессионалы-охранники, пришли поболтать с коллегой.

— Хлопотный вечер для вас, мистер Филлипс.

— Да уж. Прием и все такое.

— И полно народу в этой комнатенке...

Филлипс вытер лоб.

— Верно. Все сюда набились. Господи, ну и теснотища!

— Кто „все“? — спросил я.

Коннор бросил на меня быстрый взгляд.

— Когда японцы ушли с сорок шестого, они пришли сюда и смотрели нас на мониторах. Верно, мистер Филлипс?

Филлипс кивнул.

— Не все, но многие. Торчали здесь, курили свои чертовы сигареты, глядели и передавали друг другу факсы.

— Факсы?

— Ну да, каждые несколько минут кто-нибудь приносил новый факс, и все по-японски. Они их передавали друг другу, обсуждали, а потом кто-нибудь выходил отослать факс обратно. А остальные все смотрели на вас.

— И слушали нас тоже? — спросил Коннор.

Филлипс покачал головой.

— Нет. У нас нет аудиосистемы.

— Странно, — сказал Коннор. — Оборудование на вид самое современное.

— Мало того, оно самое передовое в мире. Япошки, скажу я вам, свое дело знают. У них лучшая противопожарная система, техника безопасности, сейсмографы. И, конечно, электроника — лучшие камеры, детекторы, все!

— Я вижу, — сказал Коннор. — Поэтому и удивился, что нет аудиосистемы.

— Чего нет, того нет. Ни аудио, ни цвета. Только черно-белые высокой чувствительности. Не спрашивайте почему. Я только умею кое-что делать с камерами и знаю, как их приладить.

На плоских панелях я увидел сорок шестой этаж, снятый пятью разными камерами. Японцы, видимо, установили их по всему этажу. Я вспом-

нил, как Коннор обходил атриум, глядя на потолок; очевидно, он тогда и заметил камеры.

Теперь я видел в конференц-зале Грэхема, руководившего бригадой. Он курил, что противоречило всем инструкциям. Эллен потянулась и зевнула. Келли тем временем готовился перевинуть труп со стола на каталку, прежде чем уложить в мешок.

Тут меня осенило.

У них там камеры! Пять различных камер, охватывающих все участки этажа.

— О, Господи! — я обернулся в возбуждении и хотел что-то сказать, но Коннор улыбнулся, положил руку мне на плечо и крепко сжал его.

— Лейтенант...

Боль была нестерпимой. Я старался не показать вида.

— Да, капитан?

— Вы не возражаете, если я задам мистеру Филлипсу один-два вопроса?

— Нет, капитан.

— Вы, может быть, запишете?

— Разумеется, капитан.

Он отпустил мое плечо. Я вынул блокнот. Коннор сел на край стола.

— Давно вы в охране „Накамото“, мистер Филлипс?

— Да, сэр. Примерно шесть лет. Я был рабочим на их заводе Ля-Арба, а потом повредил ногу, стал хромать, и меня перевели в охрану завода. Потом открыли завод в Торранс и перевели меня туда. И моя жена работала на этом заводе. Они делают запчасти для „тойот“. А ког-

да построили это здание, меня взяли сюда работать по ночам.

— Понимаю. В общем, шесть лет?

— Да, сэр.

— Вам нравится?

— Ну, скажу вам, служба охраны у них поставлена хорошо. Я знаю, они невысокого мнения о черных, но ко мне относились всегда неплохо. И, черт побери, раньше я работал на заводе „Дженерал Моторс“ в Вэн-Найз, но... понимаете, его больше нет.

— Да, — сочувственно сказал Коннор.

— Ну и место! — сказал Филлипс, покачивая головой и всхомившая. — Господи, каких идиотов они присылали! Вы не поверите, приходят так называемые отличники, выпускники факультетов управления из Детройта, сопляки, ни черта не знают! Не знали, как работает конвейер! Не отличали резца от штампа! Но все равно приказывали десятникам. Все получали по двести тысяч в год и ничего не знали. И все шло вкрай и вкось. Автомобили — сущее говно. А здесь, — сказал он, похлопав по столу, — здесь если что-то испортилось, я сообщаю, и приходят сразу, и знают всю систему, как она работает, и мы решаем сразу все проблемы. Вот в чем разница. Скажу вам — эти люди знают свое дело.

— И вам здесь нравится?

— Со мной всегда обращались хорошо, — сказал Филлипс, кивая.

Это не очень убедило меня. Я чувствовал, что парень не так уж предан своим хозяевам и может кое-что порассказать о них, нужно только поощрить его.

— То, что вы преданы своим хозяевам, — это очень хорошо, — сказал Коннор.

— Да, для них, — сказал Филлипс. — Они ожидают, что ты будешь лезть из кожи вон. Так что, понимаете, я прихожу на десять-пятнадцать минут раньше и ухожу на пятнадцать-двадцать минут позже. Им нравится, когда работаешь лишнее. Я делал в Вэн-Найз то же самое, но никто и не замечал.

— А когда вас меняют?

— Я работаю с девяти вечера до семи утра.

— А сегодня? Когда вы заступили на пост?

— Без четверти девять. Как я говорил, на пятнадцать минут раньше.

Первый звонок был примерно в полдевято-го. Охранник пришел без четверти девять, стало быть, через пятнадцать минут после убийства.

— Кто был на посту до вас?

— Ну, обычно это Тед Колль. Но я не знаю, работал ли он сегодня.

— Почему?

Охранник утер лоб рукавом и посмотрел в сторону.

— Почему, мистер Филлипс? — сказал я немножко громче.

Коннор спокойно сказал:

— Потому что Теда Колля не было здесь, когда прибыл мистер Филлипс, верно?

Охранник кивнул.

— Да, его не было.

Я было хотел задать другой вопрос, но Коннор поднял руку.

— Я представляю, мистер Филлипс, как вы изумились, войдя в эту комнату без четверти девять.

— Вы правы.

— И что вы сделали, увидев здесь неизвестного?

— Ну, я сразу сказал парню: „Могу я помочь вам?“. Очень вежливо, но твердо. Я хотел сказать, что это комната охраны. И я не знал, кто этот парень, я раньше его не видел. А он был как на иголках. Он сказал мне: „Не стойте на дороге“. Словно весь мир принадлежит ему. И ушел, взял с собой портфель. Я сказал: „Извините, сэр. Я должен установить вашу личность“. Он не ответил, пошел дальше в вестибюль и вниз по лестнице.

— Вы не пытались задержать его?

— Нет, сэр. Не пытался.

— Потому что он японец?

— Вы правильно поняли. Но я позвонил в центр охраны на девятый этаж и сказал, что в нашей комнате был неизвестный человек. Мне ответили: „Не тревожьтесь, все в порядке“. Но я почувствовал, что там тоже все как на иголках. А потом на мониторе я увидел... труп девушки. Вот так я узнал об убийстве впервые.

— Вы можете описать того человека? — спросил Коннор.

Охранник пожал плечами.

— Лет тридцать-тридцать пять. Среднего роста, в синем костюме, как и все они. Правда, держится развязнее других. Галстук у него с треугольниками... Да, вот еще, у него шрам на руке, как от ожога.

— На какой?

— На левой. Я заметил, когда он закрывал портфель.

— Вы видели, что в портфеле?

— Нет.

— Но он закрывал его, когда вы вошли?

— Да.

— Вам не показалось, что он что-то взял в комнате?

— Не могу сказать, сэр.

Уклончивость Филлипса стала мне надоедать.

— Что он, по-вашему, взял? — спросил я.

Коннор взглянул на меня.

Охранник испугался.

— Я, правда, не знаю, сэр.

— Конечно, не знаете, — сказал Коннор. — Вы никак не могли знать, что в чужом портфеле. Кстати, вы здесь записываете с камер?

— Да, записываем.

— Можете показать, как вы это делаете?

— Конечно, сэр.

Охранник встал из-за стола, открыл дверь в противоположном конце комнаты. Мы прошли за ним во вторую комнату, напоминавшую чулан, уставленную от пола до потолка металлическими ящичками, каждый с трафаретной надписью по-японски и номером. На ящиках были красные лампочки и счетчики, где бежали цифры.

— Это наши записывающие аппараты, — сказал Филлипс, — они принимают сигналы со всех камер здания. Восьмимиллиметровая видеолента высокого качества. — Он поднял маленькую кассету, не больше чем для обычного магнитофона. — Каждая по восемь часов. Мы их меняем в девять вечера. Первым делом, приходя на дежурство, я вынимаю старые кассеты и ставлю новые.

— А сегодня вечером вы меняли кассеты в девять?

— Да, сэр. Как обычно.

— А что вы делаете с записями, которые вынули?

— Держим вот здесь, в лотках, — сказал он, наклоняясь, и показал нам несколько длинных узких ящиков. Все записи храним семьдесят два часа, то есть трое суток. Всего девять комплектов, каждый прокручиваем раз в три дня. Понятно?

Коннор заколебался.

— Пожалуй, я лучше запишу. — Он вынул блокнот и ручку. — Итак, каждая кассета по восемь часов, и у вас девять различных комплектов.

— Верно.

Коннор несколько секунд писал, потом раздраженно потряс рукой.

— Чертова ручка! Не пишет! У вас есть корзина для мусора?

Филлипс указал рукой в угол.

— Там.

— Спасибо.

Коннор швырнул туда ручку. Я ему дал свою, и он продолжал записывать.

— Вы сказали, мистер Филлипс, что у вас девять комплектов?

— Да. Каждый помечен буквой, от А до І. Когда я прихожу, я вынимаю кассету, смотрю, какая буква на ней и ставлю следующую. Сегодня я вынул комплект С и поставил комплект D, на который сейчас идет запись.

— Понимаю, — сказал Коннор. — А комплект С вы сунули в один из ящиков?

— Правильно. — Он вытянул ящик. — Вот он здесь.

— Можно? — сказал Коннор. Он посмотрел на снабженный аккуратными ярлыками ряд кассет, потом быстро открыл другие ящики. Комплекты в них различались только буквами. — Я, кажется, теперь понимаю. Ваше дело ставить на запись по порядку девять комплектов.

— Совершенно верно.

— И каждый комплект хранится три дня?

— Верно.

— И как давно у вас заведена эта система?

— Здание новое, но мы работаем... да, пожалуй, уже два месяца.

— Должен сказать, у вас все отлично организовано, — заметил одобрительно Коннор. — Спасибо за объяснение. У меня только еще пара вопросов.

— Давайте.

— Во-первых, эти счетчики, — сказал Коннор, указывая на аппараты видео. — Они, очевидно, показывают время с начала записи. Верно? Сейчас около одиннадцати, а вы поставили кассеты в девять. Верхний аппарат показывает 1.55.30, следующий 1.55.10 и так далее.

— Да, верно. Я ставлю ленты одну за другой с интервалом в несколько секунд.

— Понимаю. Все показывают около двух часов. Но я заметил, что один аппарат ведет запись только тридцать минут. У него испорчен счетчик?

— Хм, — сказал Филлипс, нахмурясь, — возможно. Я-то точно менял кассеты одну за другой. Но это новые аппараты, всегда может

быть какой-то дефект. А может быть, просто перебои с током.

— Да, вполне возможно. Вы можете сказать, с какой камеры идет запись на этот аппарат?

— Конечно. — Филлипс прочел номер аппарата и вошел в главную комнату с экранами мониторов. — Это камера четыре–шесть–шесть. Вот что она показывает. — Он похлопал по экрану.

Это была камера в атриуме, показывающая общий вид сорок шестого этажа.

— Но, понимаете, — сказал Филлипс, — система хороша тем, что, если испортится один аппарат, запись с камер автоматически пойдет на другие, исправные.

— Ясно, — сказал Коннор. — Кстати, можете объяснить, почему на этом этаже столько камер?

— Могу, только это между нами, — ответил Филлипс. — Вы знаете, они помешаны на дисциплине. Говорят, что так легче контролировать служащих.

— Значит, камеры установлены в основном, чтобы наблюдать за служащими весь день и помогать им эффективнее работать?

— Так я слышал.

— Ну, наверное, так и есть, — сказал Коннор. — Да, еще вопрос. У вас есть адрес Теда Коля?

Филлипс покачал головой.

— Нет.

— Вы что, не общаетесь с ним во вненеслужебное время?

— Почти нет. Он странный парень.

— Дома у него были?

— Нет. Он скрытный... Живет, кажется, с матерью. Мы обычно ходим в бар „Паломино“, у аэропорта. Ему там нравится.

Коннор кивнул.

— И последний вопрос: где ближайший таксофон?

— В вестибюле направо, у комнат отдыха. Но можете звонить отсюда, пожалуйста.

Коннор крепко пожал ему руку.

— Мистер Филлипс, извините, что мы отняли у вас время.

— Ну что вы...

Я дал охраннику свою карточку.

— Если вспомните что-нибудь, что может помочь нам, звоните, не стесняйтесь.

Мы ушли.

ГЛАВА 7

Коннор стоял у таксофона в вестибюле, в одной из новых кабин, где были два аппарата, по одному с каждой стороны, так что говорить по одной линии могли сразу двое. В Токио такие кабины установлены давно, а теперь они за-воевывают Лос-Анджелес. Разумеется, снабжа-ет Америку таксофонами уже не „Пасифик Белл“! Японцы проникли и на этот рынок. Я видел, что Коннор записал номер таксофона.

— Зачем вам это?

— Мы должны сегодня ответить на два во-проса. Первый: как убитая девушка оказалась на этаже служащих. И еще: кто первый позвонил, чтобы сообщить об убийстве.

— И вы думаете, что звонили отсюда?

— Возможно.

Он закрыл блокнот, глянул на часы.

— Поздно. Пойдем, пожалуй.

— По-моему, мы делаем большую ошибку.

— Какую?

— Я не знаю, следует ли оставлять кассеты в комнате охраны. Что, если кто-нибудь поменя-ет их, пока нас нет?

— Их уже поменяли.

— Откуда вы знаете?

— Я пожертвовал великолепной ручкой, чтобы узнать это. Пошли.

Он направился к лестнице, ведущей в гараж. Я пошел следом.

— Понимаете, — сказал Коннор, — когда Филлипс объяснял простую систему ротации комплектов, я сразу понял, что здесь есть возможность подмены. Весь вопрос в том, как эту подмену доказать.

Его голос гулко отдавался в бетонном колодце. Коннор спускался, шагая через ступеньку. Я старался не отстать.

— Кто-то хочет подменить кассеты, но как? Нужно торопиться, времени мало. Нельзя оставить ни одной пленки, которая может тебя разоблачить. Поэтому, вероятно, забрали весь комплект. Далее необходимо поставить другой. Но какой? Просто следующий нельзя, если есть только девять наборов, то заметить недостачу одного легко. Остается только восемь, и один ящик будет пустовать. Нет, если заменили весь комплект, то вместо него оставили совершенно новый, двадцать новеньких кассет. Тут-то мне и нужно было проверить мусорную корзину.

— И поэтому вы выбросили ручку.

— Да. Я не хотел, чтобы Филлипс о чем-то догадался.

— И что же вы увидели?

— В корзине было полно скомканных оберточек от видеокассет.

— Ясно.

— Раз я узнал, что комплект заменен, осталось узнать, который именно? Я разыграл дурака, заглянул во все ящики. Вы, наверное, заме-

тили, что у набора С, который Филлипс вытащил, заступив на дежурство, ярлыки чуть белее, чем на других наборах. Совсем чуть-чуть, так как работают здесь всего два месяца, но заметно.

— Понимаю. — Кто-то вошел в комнату охраны с двадцатью новыми кассетами, развернул их, написал новые буквы и сунул их в аппараты, заменив пленки, на которых было записано убийство.

— По-моему, Филлипс знает больше, чем сказал нам.

— Возможно, но сейчас у нас есть более важные дела. Как бы то ни было, всего он не знает. Об убийстве позвонили в 8.30. Филлипс прибыл без четверти девять. Убийства он не видел. Можно предположить, что видел его предшественник, Коль, но к приходу Филлипса его не было, а в комнате находился неизвестный японец, закрывавший портфель.

— Вы думаете, он и подменил кассеты?

Коннор кивнул.

— Вполне возможно. Не удивлюсь, если это был сам убийца. Надеюсь выяснить это в квартире мисс Остин.

Он распахнул дверь, и мы вошли в гараж.

ГЛАВА 8

Гости ждали, когда лакеи подгонят их машины. Я увидел Исигуру. Он беседовал с мэром и его женой. Коннор повел меня к ним. Исигура, стоя рядом с мэром, был вежлив до омерзения. Он широко улыбался нам.

— А, джентльмены! Ваше расследование протекает успешно? Могу я чем-нибудь помочь?

Я понял, что он явно пытается привлечь к разговору внимание мэра. От гнева я покраснел. Но Коннор не обратил на попытки Исигуры никакого внимания.

— Спасибо, Исигура-сан, — сказал он, поклонившись. — Расследование идет хорошо.

— Вы получили всю необходимую помощь?

— О, да. Вы оказали нам посильное содействие.

— Хорошо, хорошо, я рад. — Исигура взглянул на мэра и улыбнулся ему тоже. Запас улыбок у него, видно, был неисчерпаем.

— Однако, — сказал Коннор, — помощь нам еще понадобится.

— Все что угодно, только скажите.

— Очевидно, изъяты кассеты из комнаты охраны.

— Изъяты? — Исигура нахмурился, явно пойманный врасплох.

— Да. Записи с камер охраны.

— Ничего не знаю об этом, — сказал Исигура. — Но разрешите вас заверить: вы сможете проверить все кассеты.

— Спасибо. К несчастью, самые важные кассеты вынесены из комнаты охраны.

— Вынесены? Джентльмены, тут какая-то ошибка.

Мэр внимательно следил за разговором.

— Возможно, но я так не думаю. Было бы хорошо, господин Исигура, если бы вы сами занялись этим.

— Конечно, займусь. Но, повторяю, капитан Коннор, не могу представить себе, чтобы какой-нибудь кассеты недоставало.

— Спасибо за содействие, господин Исигура, — сказал Коннор.

— Не за что, капитан, — ответил тот. — Помогать вам — удовольствие для меня.

— Сукин сын, — сказал я. Мы ехали по проспекту Санта-Моника. — Глядит в глаза и врет.

— Это неприятно, — сказал Коннор. — Но, понимаете, у Исигуры на этот счет другая точка зрения. Рядом с мэром он считает, что находится в другой обстановке, которая диктует ему другую манеру поведения. Так как он чувствителен к перемене обстановки, то полагает, что может вести себя иначе. Нам кажется, что он изменился. Но Исигура считает, что лишь немного приспособился.

— Меня бесит его самоуверенность.

— Это естественно. Но он бы поразился, узнав, что вы сердитесь. Вы считаете его безнравственным. Он вас — наивным. Для японца постоянство в поведении невозможно. Японец меняется в зависимости от ранга своего собеседника. Даже в своем доме, переходя из комнаты в комнату, он меняется.

— Да-а, — сказал я. — Это, конечно, мило, но он лживый сукин сын.

Коннор взглянул на меня.

— Вы бы выразились так в разговоре со своей матерью?

— Нет, конечно.

— Значит, вы тоже меняетесь с обстановкой. Все мы меняемся. Просто американцы думают, что в человеке есть какая-то сердцевина, индивидуальность, которая просто не может меняться ежечасно. А японцы считают, что обстановка правит всем.

— Это звучит как оправдание лжи.

— Они не считают это ложью.

— Но это именно ложь.

Коннор пожал плечами.

— Только с вашей точки зрения, хохай. Не с его.

— Вот дьявол!

— Слушайте, надо выбирать: или понять японцев и работать с ними, или злиться на них. Беда нашей страны в том, что мы не понимаем, каковы японцы на самом деле.

Колесо угодило в рыхвину — телефонная трубка упала. Коннор поднял ее и повесил на рычаг.

Внедри я увидел выезд на Банди и перешел в правый ряд.

— Одно мне неясно. Почему, по-вашему, человек с портфелем в комнате охраны — убийца?

— Все дело во времени. Об убийстве сообщили в 8.32. Менее чем через пятнадцать минут, в 8.45, японец был там, поменял кассеты, замел следы. Очень быстрая реакция. Слишком быстрая для японской фирмы.

— Почему?

— Японские организации в случае кризиса действуют очень медленно. Их решения зависят от предшественников, а когда их нет, они не знают, как себя вести. Помните факсы? Я уверен, что сегодня вечером их слали в штаб-квартиру „Накамото“ в Токио. Несомненно, компания до сих пор пытается решить, что делать. Она просто не может действовать быстро в новой ситуации.

— Но отдельный человек может?

— Да. Именно.

— И поэтому вы считаете, что человек с портфелем мог быть убийцей?

— Да, или его ближайшим сообщником. Но мы больше узнаем в жилище мисс Остин. Кажется, оно впереди, справа.

ГЛАВА 9

Здание „Империал Армс“ было построено на зеленой улице в километре от Вествуд-виллидж. Древние балки нуждались в окраске, и все здание выглядело обветшалым. Но в этом районе, где жили студенты и молодые семьи, такое было обычным. В сущности, основной чертой „Империал Армс“ была безликость: каждый день ездишь мимо него и не замечаешь.

— Прекрасно, — сказал Коннор, когда мы поднялись по ступенькам крыльца. — Этого я и ожидал.

— Чего именно?

Мы вошли в холл, отделанный в откровенно калифорнийском стиле: обои в цветочках, дешевые лампы из керамики и хромированный кофейный столик. От сотен других холлов он отличался только столом охранника в углу, где массивный швейцар-японец, оторвавшись от книжки комиксов, спросил явно враждебно:

— Чего вам?

Коннор показал свой значок и спросил, где квартира Черил Остин.

— Я предупрежу о вашем приходе, — сказал швейцар и потянулся к телефону.

— Не беспокойтесь.

— Нет, я скажу. Может быть, у нее гости.

— Ручаюсь, что нет, — сказал Коннор. —

Коре ва кейсайу но сигото да. — Это означало: мы здесь официально, по делу.

Швейцар наклонил голову.

— *Хея банго ва хий десу.*

Он вручил Коннору ключ.

Мы прошли через вторую стеклянную дверь и дальше, по коридору. Он был застлан ковром, а в каждом конце стояли лакированные столики. Интерьер незамысловатый, но поразительно элегантный.

— Типично по-японски, — сказал, улыбаясь, Коннор.

Я удивился: ветхое здание в Вествуде — и типично японское? Из комнаты слева послышалась музыка — последний хит Хаммера.

— Внешний вид не дает понятия о внутреннем содержании, — пояснил Коннор. — Это основной принцип японского мышления. Фасад ничего не выявляет — будь то архитектура, лицо человека, что угодно! И так всегда. Смотришь на старые дома самураев в Такаяме или Киото, но не можешь сказать, что внутри.

— Это здание принадлежит японцам?

— Конечно. Иначе разве здесь был бы швейцар-японец, еле знающий по-английски. И он *якудза*. Вы, наверное, заметили татуировку?

Я не заметил. *Якудза* — японские гангстеры, но я не знал, что они есть в Америке, и сказал Коннору об этом.

— Вы должны понять — везде есть теневой мир: в Лос-Анджелесе, в Гонолулу, в Нью-Йорке. До поры до времени мы о нем не знаем, жи-

всем в своем американском мире, ходим по американским улицам и не замечаем, что рядом есть другой мир. Он засекречен, проникнуть в него непросто. Но видишь в Нью-Йорке японского бизнесмена, проходящего в дверь без надписи, и понимаешь, что там их клуб. Или услышишь о маленьком суси-баре в Лос-Анджелесе, где вход 1200 долларов — токийская цена. Но в путеводителях их нет. Они не принадлежат к американскому миру. Они — часть теневого мира, доступного только японцам.

— А это место?

— Это — *беттаку*. Резиденция, где держат любовниц. И вот квартира мисс Остин.

Коннор открыл дверь ключом швейцара. Мы вошли.

Квартира была с двумя спальнями, обставлена огромной дорогой мебелью, взятой напрокат. Картины маслом на стенах тоже не свои, на одной раме был ярлык „Прокат Бренера“. На кухонном столе была только ваза с фруктами, в холодильнике лишь йогурт и банки кока-колы. Казалось, что на диванах в гостиной никто никогда не сидел. На кофейном столике лежала книга с портретами голливудских „звезд“ и стояла ваза с сухими цветами. Вокруг разбросаны пустые пепельницы.

Одна из спален была переоборудована в кабинет, с диваном, телевизором и дорогим велотренажером. На телевизоре еще была фирменная наклейка, шедшая по диагонали экрана. Ручки велотренажера были обернуты пластиком.

В спальню хозяйки я, наконец, нашел какие-то следы человека. Зеркальная дверь шка-

фа была раскрыта, на постель брошено три дорогих вечерних платья. Она явно выбирала, что надеть. На туалетном столике были склянки духов, бриллиантовое ожерелье, золотые часы „Ролекс“, фото в рамках и пепельница с окурком ментоловой сигареты. Ящик стола, где находилось нижнее белье, был приоткрыт. В углу торчал паспорт, я его перелистал. Были визы Саудовской Аравии, Индонезии и три японских. Магнитофон в углу был включен, кассета вставлена. Я нажал на кнопку, и Ли Льюис запел: „Расшатаны первы, в душе моей тьма, слишком много любви, и я схожу с ума...“ Техасская музыка, чересчур старомодная для такой девушки. Но возможно, что ей нравилось „старое добреое время“.

Я вернулся к туалетному столику. На нескольких фото в рамках Черил Остин улыбалась на фоне какого-то города — красные ворота храма, искусственный садик, улица с серыми небоскребами, вокзал. Фото, видимо, сделаны в Японии. Большей частью Черил была одна, но на нескольких снимках с ней был пожилой лысоватый японец в очках. Последний снимок показывал ее, видимо, на американском Западе. Черил стояла у пыльного никана, улыбаясь, рядом с хрупкой очкастой старушкой. Та не улыбалась и казалась смущенной..

За зеркало были заткнуты несколько больших рулонов. Я развернула один. Это был рекламный плакат: Черил в бикини улыбалась, держа бутылку пива „Асахи“. Надпись была по-японски.

Я пошел в ванную и там увидел джинсы в углу, белый свитер, брошенный на вешалку, и

старое полотенце на крючке у душа. Из крана капала вода. На полочке — электрические бигуди. Под рамку зеркала засунуты фото Черил, стоящей с другим японцем на пристани Малибу. Японец был красивый, лет тридцати с небольшим. На одном фото, где он фамильярно обнял ее за плечи, был ясно виден шрам на его руке.

— Так, — сказал я.

Коннор вошел в ванную.

— Что-нибудь нашли?

— Наш человек со шрамом.

— Хорошо. — Коннор внимательно изучил фото. Я посмотрел на беспорядок в ванной, на хлам вокруг раковины.

— Знаете, — сказал я, — что-то здесь меня смущает.

— Что именно?

— Я знаю, что она жила здесь недолго. И все здесь напрокат... Но все же... чувствую, что-то здесь не так. Не могу сказать почему.

Коннор улыбнулся.

— Отлично, лейтенант. Здесь и в самом деле что-то не так. И вот что именно.

Он протянул мне фото. На нем была ванная комната, где мы находились. Те же джинсы, брошенные в угол, то же полотенце, те же бигуди на полке. Но снято было сверх-широкоугольной камерой, все искажающей. Следственные бригады никогда не пользуются ими.

— Где вы это взяли?

— Из мусорного ящика в холле, у лифтов.

— Значит, это снято сегодня вечером.

— Да. Разницу замечаете?

Я внимательно изучил фото.

— Нет, выглядит так же. Постойте! Фото, сунутые за зеркало... Их здесь нет.

— Именно. — Коннор вернулся в спальню, взял со столика одну из фотографий в рамке. — Посмотрите на эту. Мисс Остин со своим японским другом на станции Шиньюки в Токио. Снято, вероятно, в секции Кабукичо. Обратите внимание на правый угол снимка. Видите узкую светлую полоску?

— Да. — И я понял, что это значит, — сверху тут было другое фото, защищавшее край этого от солнца. — Фото, лежавшее сверху, убрали.

— Да.

— В квартире был обыск.

— Да, и очень тщательный. Они пришли вечером, забрали фото, все обыскали и постарались замести следы. Но сделать им это как следует не удалось. Японцы говорят, что самое трудное искусство — безыскусственность. А у этих людей нет чувства меры. Поэтому они поставили на полку фото в рамке чересчур прямо, склянки с духами слишком сгрудили. Все чуть-чуть нарочито, а потому и заметно.

— Но зачем нужно было обыскивать квартиру? Что за фото они взяли? Ее с убийцей?

— Это пока неясно, — сказал Коннор. — Связь ее с Японией и японцами, очевидно, не-предосудительна. Но что-то им здесь было нужно, и это могло быть...

Тут раздался женский голос:

— Линн, милочка? Ты здесь?

ГЛАВА 10

В дверях показался силуэт: босая женщина в шортах и коротенькой майке. Лицо я видел плохо, но мой старый напарник Андерсон назвал бы ее, наверное, „заклинательницей змей“.

Коннор показал свой значок; она сказала, что ее зовут Джулия Янг. Говорила она с южным акцентом, чуточку невнятно. Коннор зажег свет, и мы разглядели ее получше — красивая девушка. Она нерешительно вошла.

— Я услышала музыку — Черилин здесь? С ней все в порядке? Я знаю, она пошла сегодня на прием.

— Я ничего не слышал, — сказал Коннор, взглянув на меня. — Вы знаете Черилин?

— Да, конечно. Я живу напротив, в восьмом номере. А почему, интересно, все кому не лень торчат в ее квартире?

— Все?

— Ну, вы оба. И те два японца.

— Когда они заходили?

— Где-то полчаса назад. Что-нибудь случилось с Черилин?

— Вы хорошо рассмотрели японцев, мисс

Янг? — спросил я, думая, что, может быть, она глядела в щелочку своей двери.

— Ну еще бы! Я даже поздоровалась с ними.

— Как это?

— Одного я очень хорошо знаю. Это был Эдди.

— Эдди?

— Эдди Сакамура. Мы все знаем Эдди. Шустрого Эдди.

— Можете описать его?

Она лукаво взглянула на меня.

— Вот он на фото — парень со шрамом на руке. Я думала, Эдди Сакамуру все знают. Его портреты часто печатают в газетах, он занимается благотворительностью, бывает на больших приемах.

— Вы знаете, где его можно найти?

— Эдди Сакамура — совладелец полинезийского ресторана „Бора-Бора“ в Беверли-Хиллз. Он постоянно околачивается там, — сказал Коннор.

— Верно, — сказала Джуллия. — Этот ресторан у него вроде офиса. Мне там не по себе — слишком шумно. Но Эдди там кадрит блондинок, они ему нравятся.

Она прислонилась к столу и откинула с лица густые каштановые волосы. Потом посмотрела на меня и скривила гримасу.

— Вы оба из полиции?

— Да, — сказал я.

— Он показал мне свой значок. А вашего я не видела.

Я вынул удостоверение.

— Так вас зовут Питер? Моего первого

дружка тоже так звали. Но вы симпатичнее. —
Она улыбнулась.

Коннор откашлялся и сказал:

— Вы были раньше в квартире Черилин?

— Еще бы! Я живу напротив. Но она редко бывает в городе, всегда разъезжает.

— Где разъезжает?

— Везде. Нью-Йорк, Вашингтон, Сиэтл, Чикаго... везде. У нее друг, который путешествует. Они встречаются, когда он без жены.

— Ее друг женат?

— Ну, что-то в этом роде. Понимаете? Он не свободен.

— Вы знаете, кто он?

— Нет. Она как-то сказала, что он никогда не придет к ней домой. Он какая-то важная шишка, очень богат. Присыпает за нее самолет, и она улетает. Но кто бы он ни был, Эдди из-за него взбесился. Эдди, понимаете ли, очень ревнив. Все девушки называют его *про отоко* — сумасшедший любовник.

— Отношения Черилин с этим другом — тайна?

— Не знаю. Никогда не думала об этом. Просто для нее это очень важно. Она влюблена до безумия.

— Вот как?

— Вы себе не представляете. Я не раз видела, как она все бросала и мчалась к нему. Однажды вечером пришла, дала мне два билета на концерт Спрингстина, а сама вся как на иголках — уезжала в Детройт. Надела платьице пай-девочки, взяла маленький саквояжик. Он десять минут назад позвонил и сказал: „Приез-

жай". И она сияла, как ребенок. Не понимаю, почему она не сообразила...

— Что не сообразила?

— Что этот тип просто использует ее.

— Почему вы так думаете?

— Черилин красива и выглядит очень интеллигентно. Она работала манекенщицей, в основном в Азии. Но в глубине души она — провинциалочка. Хочу сказать, Мидленд — нефтяной город, богатый, но все равно провинциальный. Черилин хочет обручальное кольцо, детей, собачку во дворе. А дружок этого не желает. Вот этого-то она и не понимает.

— Но вы знаете, кто он? — спросил я.

— Нет. Не знаю. — Она лукаво посмотрела, изогнулась, опустив плечо так, что выпятилась грудь. — Но вы здесь не из-за какого-то ее старого дружка?

Коннор кивнул.

— В сущности, нет.

Джулия понимающе улыбнулась.

— Из-за Эдди, да?

— Возможно, — сказал Коннор.

— Я так и знала. Знала, что рано или поздно он попадет в беду. Мы все говорили об этом, все девушки в „Армс“. — Она неопределенно махнула рукой. — Потому что он слишком шустрой. Мы так его и зовем — Шустрой Эдди. И не подумаешь, что японец. Он так любит выставляться.

— Он из Осаки? — спросил Коннор.

— Его отец там крупный фабрикант, работает с „Даймаси“. Милый старикиан. Когда приезжает сюда, приходит к одной девушке на втором этаже. А Эдди, кажется, учился здесь не

сколько лет, чтобы потом работать для *кайша* — это их компания. Но он не вернулся. Ему здесь нравится. А что? У него есть все. Каждый раз, когда разбьет „феррари“, покупает новую машину. Денег у него куры не клюют. Живет он здесь давно, стал совсем американцем. Он красивый, очень сексуальный, да и наркотики... Понимаете, он здесь *стал по-настоящему своим*. Что ему в Осаке?

— Но вы говорите, что всегда знали...

— Что он попадет в беду? Конечно. Он почти свихнулся. — Она пожала плечами. — Там таких много. Приезжают из Токио, но даже если у них есть *шокай* — рекомендация, — будьте осторожны. Им ничего не стоит выкинуть десять или двадцать тысяч за ночь, для них это как чаевые, они их оставляют на комоде. Но то, чего они требуют, по крайней мере некоторые...

Она замолчала, взгляд ее стал пустым. Я тоже молчал, выжидая. Коннор глядел на нее, сочувственно кивая.

Неожиданно она заговорила снова, словно не заметила паузы.

— ...и для них их желания, их требования так же естественны, как чаевые на комоде. Совершенно естественны. Хочу сказать, за деньги я не возражаю против каких-то шалостей — наручников, например, даже побоев, если парень мне нравится. Но я никому не позволю себя резать, сколько бы мне ни заплатили. Никаких ножей или мечей... Но все может случиться. Большей частью они так вежливы, так учтивы, но потом преображаются, у них такая... такая манера... — Она запнулась, покачала головой. — Странный народ.

Коннор глянул на часы.

— Мисс Янг, вы нам очень помогли. Возможно, нам придется встретиться снова. Лейтенант Смит запишет ваш телефон.

— Да, конечно.

Я раскрыл блокнот.

— Я хочу перемолвиться парой слов со швейцаром, — сказал Коннор.

Он ушел. Я взял у Джуллии номер телефона. Она нервно облизнула губы, наблюдая, как я записываю, потом сказала:

— Он убил ее?

— Кто?

— Эдди. Он убил Чериллин?

В ее глазах я увидел страх. Она пристально глядела на меня. Дрожь пробрала от этого взгляда.

— Почему вы спрашиваете?

— Он всегда угрожал ей. Вот и сегодня утром...

— Он был здесь?

— Конечно. Он здесь все время. Пришел весь измотанный. В нашем доме добавочная звукоизоляция в стенах, но все равно было слышно, как они ругались с Чериллин. Она поставила Джерри Ли Льюиса, пластинку, которую крутит день и ночь, пока с ума не сойдешь, и они ругались и швыряли что-то друг в друга. Он всегда говорил: „Я убью тебя, убью, сука!“ Значит, убил?

— Не знаю.

— Но она мертва? — В глазах был все тот же страх.

— Да.

— Так и должно было случиться. — Теперь она казалась совершенно спокойной. — Все мы знали это. Рано или поздно... Если хотите, позвоните мне. Вам наверняка понадобятся еще сведения.

— Да. Я позвоню. — Я дал ей свою карточку. — И если вспомните еще что-нибудь, звоните по этому телефону.

Она сунула карточку в карман шортов.

— Мне нравится говорить с вами, Питер.

— Благодарю.

Я вышел в коридор и оглянулся. Она стояла в дверях и махала рукой.

ГЛАВА 11

В холле Коннор звонил по телефону, а швейцар угрюмо глядел на него, словно желая остановить, но не смея.

— Правильно, — говорил Коннор. — Все звонки с этого телефона от восьми до десяти вечера. Да. — Несколько секунд он слушал. — Ну, я не знаю, входит ли это в ваши обязанности, но сделайте это для меня. Когда это будет? Завтра? Не шутите со мной. Для чего это по-вашему? Мне нужно через два часа. Я вам позвоню. Да? И вас туда же! — Он повесил трубку. — Пошли, кохай.

Мы вышли

— Проверяете свои связи? — съязвил я.

— Связи? — он был озадачен. — О, Грэхем вам наговорил о моих связях! У меня нет осведомителей, хотя он думает, что есть.

— Он упоминал дело Аракава.

Коннор вздохнул.

— Давнишняя история. — Мы пошли к автомобилю. — Хотите знать о ней? Там все было просто. Убили двух японцев, управление поручило дело детективам, не говорящим по-японски, а через неделю передали дело мне.

— И что вы сделали?

— Аракава жили в отеле „Нью-Отани“. Я получил список их телефонных разговоров с Японией, позвонил по этим номерам и поговорил кое с кем в Осаке. Потом позвонил в полицию Осаки и поговорил с ними. По-японски. Они поразились нашему неведению.

— Понимаю.

— Не совсем. Наше управление совершенно обалдело. Пресса лезла вон из кожи, частя полицейских. Отовсюду слали цветы и деньги, все сочувствовали людям, которые на поверку оказались гангстерами. Потом все узнали правду, но я все равно оказался виноватым. Они сказали, что я действовал недозволенными методами. Меня смешали с грязью.

— Поэтому вы и поехали в Японию?

— Нет. То была совсем другая история.

Мы подошли к машине. Я обернулся на „Империал Армс“ и увидел, что Джуллия глядит на нас из окна.

— Соблазнительная девушка, — сказал я.

— Японцы называют таких женщин „сиригарру окна“. Говорят, что у них легкий зад. — Он открыл дверцу и сел в машину. — Но она наркоманка. Ее словам нельзя полностью доверять. Все равно, дело начинает мне не нравиться. — Он взглянул на часы и покачал головой. — Черт! Мы слишком задержались. Лучше поедем в „Паломино“, навестим мистера Коля.

Я направился на юг, к аэропорту. Коннор сидел, скрестив руки на груди с отрешенным видом.

— Почему дело начинает вам не нравиться?

— Обертки от кассет в пустой корзине, фо-

тография в мусорном ящике... Такие улики обычно не оставляют.

— Вы же сказали, что они торопились.

— Может быть. Но, понимаете, японцы считают наших полицейских дураками. Эта небрежность говорит об их презрении к нам.

— Ну, мы все же не дураки.

Коннор покачал головой.

— По сравнению с японцами мы действительно недостаточно компетентны. В Японии ловят почти каждого преступника. За серьезные преступления осуждают девяносто девять процентов. И каждый преступник знает, что под конец будет пойман. А у нас осуждают семнадцать процентов, даже не одну пятую. И преступник в Штатах знает, что его, вероятно, не поймают, а если поймают, то не посадят, благодаря хорошему адвокату. Кстати, статистика показывает, что наши американские детективы или раскрывают дело за первые шесть часов, или никогда.

— Так что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, что это преступление совершило человеком, который уверен, что его не поймают. А я хочу поймать его, кохай.

Коннор молчал минут десять. Сидел он очень тихо, скрестив руки, уронив подбородок на грудь. Я было подумал, что он спит, но глаза его были открыты.

Я вел машину и прислушивался к его дыханию.

Наконец он сказал:

— Исигура...

— Почему вы его вспомнили?

— Если б мы знали, что заставляет Исигуру так поступать, мы бы получили ключ к разгадке.

— Не понимаю.

— Американцу трудно это понять. Мы в Америке считаем нормальным известное количество накладок и даже ожидаем их. Ожидаем, что самолет опаздывает. Ожидаем, что почту во время не доставят. Ожидаем, что стиральная машина сломается. Всегда ожидаем чего-нибудь неладного. В Японии все по-другому. Там на-кладок нет. На вокзале можно встать на перроне у отметки и, когда подойдет поезд, дверь откроется прямо перед тобой. Поезда не опаздывают. Чемоданы не прошадают. Связь не прерывается, пределы дозволенного не нарушаются. Все идет как задумано. Японцы хорошо обучены, подготовлены, они не совершают необдуманных поступков. И дело делается, причем без всякой суеты.

— Да.

— А сегодня для корпорации „Накамото“ был очень важный прием. Не сомневаюсь, они все спланировали до последней детали, даже вегетарианскую закуску, которую любит Мадонна, и фотографа, которого она предпочитает. Поверьте мне — они подготовились, предусмотрели любую неожиданность. Вы знаете, каковы они? Они могут часами сидеть и обсуждать различные случайности — что, если пожар? Что, если землетрясение? Что, если террористы подложат бомбу? Что, если не будет тока? Без конца говорят о самых невероятных случайностях. Это мания, но когда начнется прием, все у них обдумано, все под контролем. Не предусмотреть всего считается просто дурным тоном. Ясно?

— Ясно.

— Но вот наш друг Исигура, официальный представитель „Накамото“, стоит над трупом девушки и явно не контролирует положение. Он *юсики но* — обороняется в западном стиле, но ему не по себе — вы, наверное, заметили, как он вспотел. И рука его была влажной, он вытирая ее о брюки. Он *рикунт супой* — слишком разговорчив. Короче, ведет себя, словно не знает, что делать, словно не знает даже имени девушки — это, конечно, невозможно, поскольку ему известны все гости. И делает вид, что не знает, кто убил ее. А он наверняка знает это.

Машина подпрыгнула на рыхвине.

— Постойте, так Исигура знает, кто убил девушку?

— Я уверен в этом. И не он один. По крайней мере трое должны знать. Вы говорили, что работали с прессой?

— Да. В прошлом году.

— Вы поддерживаете контакты с теленовостями?

— Знакомые у меня там есть, если они меня еще не забыли. А что?

— Я хочу посмотреть кассету с записью одной из сегодняшних передач.

— Это не проблема. Я могу позвонить Дженифер Льюис в „Эн-Би-Си“ или Бобу Артуру в „Си-Би-Эс“. Лучше, наверное, Бобу.

— Это должен быть человек, к которому можно обратиться лично, как к другу. Иначе нам не помогут. Вы заметили, что сегодня на месте преступления телевизионщиков не было? Обычно пробиваешься через их камеры, чтобы попасть за ленту, но сегодня ни их, ни репортеров, никого.

Я пожал плечами.

— Мы же зажали связь. Пресса не могла ничего знать.

— Они уже были там, на приеме, где Том Крюз и Мадонна. Потом этажом выше убили девушку. Где же были репортеры?

— Капитан, вы меня не убедили.

Работая с прессой, я понял, что с ними трудно говориться. Даже когда нам нужно, чтобы газеты умолчали, скажем, о похищении детей, когда ведутся переговоры с похитителями, добиться этого очень трудно.

Редакции газет закрываются рано. Телевидение должно дать новости в одиннадцать часов. Они, вероятно, будут еще монтировать свои сообщения.

— Не согласен. Японцы, по-моему, озабочены своим *сафу* — имиджем компании, и прессы сотрудничает с ними. Поверьте мне, кохай, на них оказывают давление.

— Не могу поверить.

— Даю вам слово.

Тут позвонил телефон.

— Черт возьми, Питер, — сказал знакомый грубый голос. — Что за напасть с этим расследованием убийства?

Это был шеф. Похоже, что пьяный.

— Что вы имеете в виду, шеф?

Коннор взглянул на меня и нажал кнопку телефона, чтобы слышать разговор.

— Вы, ребята, задеваете японцев. Нас опять обвиняют в расизме.

— Нет, сэр, — сказал я. — Ничего подобного не было. Не знаю, кто вам доложил...

— Я слышал, что этот кретин Грэхем, как обычно, оскорбляет их.

— Ну, шеф, я бы не сказал, что оскорбля-
ет...

— Слушайте, Питер, не втирайте мне очки. Я уже намылил шею Гофману за то, что он по-
слал к японцам Грэхема. Я хочу отвести этого
расиста от дела. Мы должны ладить с японцами.
Такова жизнь. Вы слушаете меня, Питер?

— Да, сэр.

— Теперь насчет Джона Коннора. Он с
вами, да?

— Да, сэр.

— Почему вы впутали его в это дело?

Я подумал: почему его впутал я? Наверное,
Гофман решил перекинуть этот вопрос на мою
ответственность.

— Извините, — сказал я. — Но я...

— Понимаю, вы, наверное, решили, что сами
не справитесь. Но я боюсь, что от Коннора вы
получите больше хлопот, чем помощи. Японцы
его не любят. Я Джона давно знаю. В пятьдесят
девятом вместе поступали в Академию. Он все-
гда был одиночкой и баламутом. Такие люди
уезжают за границу, потому что не могут
ужиться дома. Я не хочу, чтобы он вмешивался
в это дело.

— Шеф...

— Вот так-то, Питер. Убийство на вас, так
что заканчивайте дело побыстрее и без всяких
помощников. Я лично прослежу. Понятно?

— Да, сэр.

— Самое позднее — завтра. Все. — И он
повесил трубку.

— Да, — сказал Коннор. — И здесь нада-
вили.

ГЛАВА 12

Я ехал на юг к аэропорту. Туман стал плотнее. Коннор глядел в окно.

— В Японии такие звонки невозможны. Шеф просто не будет понапрасну теребить вас, не возьмет на себя вашу ответственность, не обвинит вас за то, что никакого отношения к вам не имеет — за меня, за Грэхема. — Коннор покачал головой. — Японцы так не делают. Они говорят: определи проблему, а не виновника. У американцев все сводится к тому, кто напортачил, чья голова полетит. У японцев — что не работает и как это исправить. Их метод лучше.

Коннор замолчал, глядя в окно. Мы проезжали Слаусон. Приморский проспект изгибался в тумане.

— На шефа тоже давят, — сказал я. — Вот в чём дело.

— Да. И, как обычно, он ничего не знает. Все равно, лучше закрыть дело раньше, чем он завтра проснется.

— А это возможно?

— Да. Если Исигура отдаст кассеты.

Телефон снова зазвонил. Я взял трубку.

Это был Исигура.

Я протянул трубку Коннору.

Я слышал голос Исигуры. Говорил он быстро, напряженно.

— *Моси-моси, Коннор-сан. Ватаси ва кейби но хея ни денва о симисата га, дафемо демасендесита.*

Коннор закрыл трубку ладонью и перевел:

— Он звонил охранникам, но никого не было.

— *Сореде, куоейбиситсу ни ренфаку сите, хито о окутте морай, иссохо ни итте тену а какунин симасита.*

— Потом он позвонил в центральный офис охраны и попросил пойти с ним проверить кассеты.

— *Тену ва субете рекода но нака ни аримасу. Накунатемо торикаэраритемо имасен. Субете дайобу десу.*

— Все кассеты на месте. Ни одна не подменена. — Коннор нахмурился и ответил: — Ия, *тену ва ссурекаэраритетемо иру хазу нанда. Тену о сагасе!*

— *Субете дайобу нандесу, Коннор-сан. Досиро то ю но десу ка.*

— Он настаивает, что все в порядке. — *Тену о сагасе!* — отрезал Коннор. А мне перевел: — Я сказал, что требую эти чертовы кассеты.

— *Дайобу да то иттерунони, досире соннани теру о сагасе то оссахарун десу ка.*

— *Оре нива вакатте ирунда. Тену ва накунате иру.* Я знаю больше, чем вы думаете, господин Исигура. *Мойкидо ю, тену о сагасунда.*

Коннор с грохотом положил трубку и откинулся назад, сердито засопев:

— Ублюдок! Он утверждает, что все кассеты на месте!

— Что это означает?

— Задумали играть в молчанку. — Коннор глядел в окно и постукивал пальцем по зубам. — Они никогда бы на это не решились, если б не чувствовали себя неуязвимыми. Что означает...

Коннор погрузился в свои мысли. При свете фонарей я видел отражение его лица в стекле. Наконец он сказал:

— Нет, нет, нет, — словно отвечал кому-то.

— Что?

— Это не может быть Грэхем, — он покачал головой. — Слишком рискованно для них. И не я, меня они хорошо знают. Значит, это вы, Питер.

— Вы о чем?

— Что-то заставило Исигуру думать, что у него есть козырь. И, кажется, это нечто, связанное с вами.

— Со мной?

— Да. И почти наверняка нечто личное. У вас были в прошлом грехи?

— Какого рода?

— Любой. Арест, следствие, обвинение в сомнительном поведении — пьянство, наркотики, гомосексуализм, разврат? Неприятности с коллегами, с начальством, личные, профессиональные, в общем, любые.

Я пожал плечами.

— По-моему, нет.

Коннор ждал, глядя на меня. Наконец сказал:

— Питер, они полагают, что у них против вас что-то есть.

— Я разведен, одинокий отец. У меня дочь, Мишель, ей два года.

— Так...

— Я веду размеренную жизнь, забочусь о дочери.

— А ваша жена?

— Моя бывшая жена работает в прокуратуре.

— Когда вы развелись?

— Два года назад.

— До рождения ребенка?

— Сразу после.

— Почему вы развелись?

— Господи, почему все разводятся?

Коннор промолчал.

— Мы прожили вместе только год. Когда мы встретились, ей было двадцать четыре. У нее было полно фантазий. Мы познакомились в суде. Она решила, что я „крутой“ детектив, рискующий жизнью каждый день. Ей нравилось, что у меня револьвер. Вскоре мы сошлись. Она забеременела, аборта не хотела, но очень хотела замуж. Впрочем, эту романтическую идею она не продумала как следует. Беременность оказалась тяжелой, для аборта было уже поздно, а вскоре она решила, что жить со мной плохо, квартира маленькая, денег у меня недостаточно и живу я не в Брентвуде, а в Калвер-сити. К моменту родов она полностью разочаровалась. Сказала, что ребенок — ее ошибка, что она не хочет быть женой „фараона“, не хочет воспитывать ребенка, а хочет продолжать карьеру. Что она сожалеет, но все было ошибкой. И ушла.

Коннор слушал, закрыв глаза.

— Продолжайте.

— Не пойму, какое это имеет значение. Она ушла два года назад, и после этого я не мог, не хотел больше быть детективом, потому что нужно было растить ребенка. После соответствующей проверки я перешел в Спецслужбу и работал с прессой. Все шло хорошо. В прошлом году учредили должности связных с гражданами азиатских стран. Там платили на две сотни в месяц больше, и я перешел туда.

— Я вас понимаю.

— Мне действительно нужны деньги. У меня теперь добавочные расходы, няня для Мишель. Знаете, сколько стоит дневная няня? И еще вести хозяйство, а Лорен платит только половину алиментов. Говорит, что заработка не хватает, хотя только что купила новый „БМВ“. А что делать — тащить ее в суд? Она же работает в окружной прокуратуре!

Коннор молчал. Я видел, как снижаются самолеты. Мы приближались к аэропорту.

— Как бы то ни было, я был рад работать связным. Оказалось, платят там больше, а занят меньше. Вот так я попал сюда, вот так познакомился с вами.

— Кохай, — сказал он спокойно. — Мы оба попали в это дермо. Скажите мне, что за вами есть?

— Ничего.

— Кохай...

— Говорю же вам, я чист!

— Кохай...

— Слушайте, Джон, разве вы не знаете, что когда поступаешь в Спецслужбу, тебя проверя-

ют пять различных комиссий. Чтобы получить эту работу, надо быть чистым. Все комиссии проверяли мой послужной список и не нашли ничего существенного.

Коннор кивнул.

— Но японцы-то нашли.

— О, Господи! — сказал я. — Пять лет я был детективом. Невозможно столько проработать без нескольких жалоб. Вы это отлично знаете.

— А что это были за жалобы?

Я покачал головой.

— Так, мелочи. В первый год работы я арестовал парня. Он обвинил меня в том, что я применил силу. Расследование не подтвердило жалобы. Потом я арестовал женщину за вооруженный грабеж. Она заявила, что я подбросил ей наркотик. Обвинение было опровергнуто — это был ее наркотик. Подозреваемый в убийстве сказал, что я на допросе бил его. Но при допросах всегда присутствовали другие офицеры. Пьяная женщина заявила, что я приставал к ее дочери, потом отказалась от обвинения. Паренек, арестованный за убийство, сказал, что я пытался его сорвать. Обвинение опровергнуто. Вот и все.

Любой полицейский знает, что жалобы — все равно, что подземный гул, все равно, что уличное движение. Ты все время обвиняешь в чем-то людей, и они отвечают тебе тем же. В управлении не обращают на это особого внимания, если жалоба не повторяется. Три или четыре жалобы за два года на злоупотребление властью — и начинается расследование. То же самое при нескольких обвинениях в расизме. Но

вообще, как говорит помощник шефа Джим Олсон, полицейский должен быть толстокожим.

Коннор долго молчал, хмуро обдумывая мои слова.

— А как насчет развода? Трудности были?

— Ничего особенного.

— Вы с бывшей женой встречаетесь?

— Да. Мы вполне ладим. Не слишком, но ладим.

Коннор все хмурился.

— И два года назад вы ушли из детективов?

— Да.

— Почему?

— Я же вам сказал.

— Вы сказали, что не могли работать так много.

— Да, в частности, из-за этого.

— А еще из-за чего?

Я пожал плечами.

— После развода я не хотел больше иметь дела с убийствами. Я чувствовал... не знаю, разочарование, что ли? У меня был ребенок, а жена ушла. Она хотела жить своей жизнью, встретившись с каким-то прокурором. Я остался с ребенком и хотел более спокойной жизни. Больше быть детективом я не мог.

— Вы искали в то время утешения? Обращались к врачам?

— Нет.

— Принимали наркотики, алкоголь?

— Нет.

— У вас были другие женщины?

— Иногда.

— Во время брака?

Я заколебался.

— Я имею в виду Фарли из офиса мэра.

— Нет. Это было позже.

— Но во время брака кто-то был?

— Да, но она сейчас живет в Фениксе. Ее мужа перевели туда.

— Она служила в полиции?

Я пожал плечами.

Коннор откинулся назад.

— Ладно, хохай. Если это все, хорошо. —

Он посмотрел на меня.

— Это все.

— Но предупреждаю вас: я через все это прошел. С теми же японцами. Когда они играют жестко, то делают жизнь неприятной по-настоящему.

— Вы хотите напугать меня?

— Нет. Просто предупреждаю.

— К черту японцев. Мне нечего скрывать.

— Чудно. Теперь позвоните своим друзьям на телевидение и скажите, что мы скоро к ним заедем.

ГЛАВА 13

Низко над головой пролетел с грохотом „Боинг — 747“, его посадочные огни прорезали туман. Он миновал неоновые вспышки: „ДЕВУШКИ! ДЕВУШКИ! СОВСЕМ ГОЛЫЕ ДЕВУШКИ!“ Было около половины двенадцатого, когда мы зашли в „Паломино“.

Назвать „Паломино“ клубом со стриптизом — значило польстить ему. Это был закрытый кегельбан, на стенах были нарисованы лошади и кактусы. Внутри он казался меньше, чем можно было предположить. Женщина лет сорока в серебристом бикини с кисточками равнодушно танцевала в оранжевом свете. Казалось, ей было скучно, как и посетителям, сгорбившимся над розовыми столиками. В табачном дыму сновали полуоголые официантки, гремела музыка.

Парень в дверях сказал:

— Двенадцать баксов. Минимум две порции выпивки.

Коннор показал значок.

— Проходите.

Коннор огляделся.

— Я не знал, что сюда ходят японцы.— Я увидел за столиком в углу трех бизнесменов в синих костюмах.

— Они редко бывают, — сказал вышибала. — Предпочитают „Стар-стрип“ в деловом квартале. Больше блеску, да и девки там почище. Эти, по-моему, просто заблудились.

Коннор кивнул.

— Я ищу Теда Коля.

— Вон, сидит в баре. На нем еще очки.

Тед Коль и вправду сидел в баре. Плащ скрывал его мундир охранника „Накамото“. Он тупо уставился на нас, когда мы сели рядом. Подошел бармен.

— Два „Бада“*, — сказал Коннор.

— „Бада“ нет. „Асахи“ пойдет?

— Ладно.

Коннор показал значок. Коль покачал головой, отвернулся, стал внимательно разглядывать танцовщиц.

— Я ничего не знаю.

— О чём? — спросил Коннор.

— Ни о чём. Я не лезу в чужие дела. И вообще я не на службе.— Он был слегка пьян.

— Когда вы сменились? — спросил Коннор.

— Сегодня рано.

— Почему?

— Живот болит. У меня язва, бывают приступы. Потому-то я и ушел пораньше.

— Когда?

— Самое позднее — в четверть девятого.

— Вы отметились?

— Нет. Мы не отмечаемся.

*Сорт пива.

— А кто принял пост?

— Меня отпустили.

— Кто?

— Контролер.

— Кто он?

— Не знаю. Японец, я его никогда прежде не видел.

— Он ваш контролер, и вы никогда его не видели?

— Он новый, я его не знаю. Что вам все-таки от меня надо?

— Хочу задать вам несколько вопросов.

— Мне нечего скрывать.

Один из японцев, сидящих в углу, подошел к бару, стал рядом с нами и спросил бармена:

— Какие у вас сигареты?

— „Мальборо“, — ответил бармен.

— А еще?

— Может быть, „Кулз“. Я должен посмотреть. Но „Мальборо“ точно есть. Хотите?

Тед Коль уставился на японца. Тот, казалось, не замечал его.

— А „Кент“? — спросил он. — У вас есть „Кент“?

— Нет, „Кента“ нет.

— Ладно. Тогда „Мальборо“. — Он повернулся к нам и улыбнулся. — Это ведь страна „Мальборо“, верно?

— Конечно, — сказал Коннор.

Коль взял свое пиво и стал пить. Мы молчали. Японец постукивал по стойке в такт музыке.

— Потрясающее место, — сказал он.

Я удивился. Тут было явно скучно.

Японец опустился на стул рядом с нами. Коль рассматривал свою бутылку, словно никог-

да таких не видел, поворачивал ее в руках, оставляя следы на крышке бара.

Бармен принес сигареты, японец кинул на стол пятидолларовую бумажку: „Сдачи не надо“. Он вскрыл пачку, вынул сигарету и снова улыбнулся нам.

Коннор достал зажигалку, поднес японцу. Когда тот склонился над огоньком, Коннор сказал:

— *Доко кайса итено?*

Японец поморгнул:

— Извините?

— *Ваканне но? Доко кайса итено?*

Тот улыбнулся и скользнул со стула.

— *Соро, соро иханаку терва.*

Он помахал нам рукой и вернулся к своим друзьям.

— *Дэва жата,* — сказал Коннор, передвинувшись и сел на стул японца.

— О чем шла речь? — спросил Коль.

— Я просто спросил, в какой фирме он работает. Но он не захотел разговаривать. Наверное, решил вернуться к своим. — Коннор провел под стойкой руками. — Чисто. Так вот, мистер Коль. Вы сказали, что контролер вас отпустил. Когда это было?

— В четверть девятого.

— И вы его не знали?

— Нет.

— А до этого, когда вы были на посту, вы вели запись с видеокамеры?

— Конечно. Служба охраны всегда записывает.

— Контролер взял кассеты?

— Взял? Не думаю. Кассеты, насколько я знаю, все еще там. — Он удивленно посмотрел

на нас. — Так вас, ребята, интересуют кассеты?

— Да, — сказал Коннор.

— Я никогда не обращал на них внимания.

А вот камеры меня заинтересовали.

— То есть?

— Они готовились к большому приему, и многое делалось в последнюю минуту. И до сих пор мне странно, почему они убрали столько камер охраны из других помещений и поставили их на этом этаже.

— Что? — переспросил я.

— Вчера утром этих камер на сорок шестом этаже не было. Они были рассеяны по всему зданию. Кто-то их за день передвинул. Двигать их легко, проводов нет.

— У камер нет проводов?

— Нет. Все передается по радио. Так уж система устроена. Поэтому и звука нет, не проходят звуковые сигналы. Передают только изображение. Но зато передвигают камеры как хотят. А вы не знали?

— Нет, — сказал я.

— Странно, что вам никто не сказал. Этой особенностью они гордятся больше всего. — Коль отхлебнул пива. — Только, мне непонятно, почему кто-то поставил пять камер на этаже выше помещения, где проходил прием. Охране это неудобно, нам камеры нужны на нижних этажах, а не выше. В случае чего можно было и лифты отключить.

— Но они не были отключены?

— Нет. Я сам подумал, что это странно.

— Он посмотрел на японцев в другом конце зала. — Ну, мне пора идти.

— Вы нам очень помогли, мистер Коль, —
сказал Коннор. — Возможно, нам придется еще
раз поговорить с вами...

— Я вам запишу свой телефон, — сказал
Коль, царапая номер на салфетке.

— И адрес...

— Да. Тут же. Но я, правда, уезжаю на не-
сколько дней. Моя мать плохо себя чувствует,
просила свозить ее в Мехико. Уеду, наверное, в
уик-энд.

— Надолго?

— На неделю или около того. У меня на-
копились отгулы, сейчас, кажется, подходящее
время их использовать.

— Конечно, — сказал Коннор. — Я пони-
маю. Еще раз спасибо за помощь. — Он пожал
Колю руку и легонько хлопнул его по плечу. —
Позаботьтесь также и о своем здоровье.

— Да, да, конечно.

— Допивайте и спокойно возвращайтесь
домой... или куда вам захочется.

Коль кивнул.

— Вы, наверное, правы. Мысль неплохая.

— Уверен, что прав.

Коль пожал мне руку. Коннор направился к
двери, и тут Коль сказал:

— Не понимаю, на кой они вам сдались?

— Кассеты?

— Нет, японцы. Что вы с ними можете сде-
лать? Они впереди нас во всем. И все наши боль-
шие боссы у них в кармане. Вам двоим никогда
их не одолеть, слишком они сильны.

Стоя под потрясающей неоновой рекламой,
Коннор сказал:

— Пойдем, время не ждет.

Мы сели в машину. Он протянул мне салфетку. Там было написано печатными буквами: „ОНИ СПЕРЛИ КАССЕТЫ“.

— Поехали, — сказал Коннор.
Я тронул машину с места.

ГЛАВА 14

Одиннадцатичасовые новости кончились, и студия почти опустела. Коннор и я прошли в редакцию „Деловых новостей“, где еще горел свет.

Вечернюю передачу просматривали, выключив звук. Комментатор показывал на монитор:

— Я не идиот, Бобби. Я понимаю эти штучки. Она последние три вечера дает вводные и завершающие! — Он откинулся на стул и скрестил руки. — В чем дело, Бобби?

Мой друг, Боб Артур, грузный, усталый редактор вечерних новостей, отхлебнул виски из бокала с кулак величиной.

— Джим, так уж смонтировали...

— Смонтировали, как же! — сказал тот.

Женщина с великолепной рыжей шевелюрой и отличной фигурой долго рылась в своих заметках, наверняка подслушивая разговор Боба с ее напарником.

— Слушай, ты, — сказала она. — У меня по контракту половина вводных и половина завершающих. Глянь в контракт.

— К тому же, Джим, — сказал редактор. —

Вводными сегодня были парижские моды и прием у „Накамото“. То, что интересует всех.

— А должно было быть сообщение про убийцу-маньяка.

Боб вздохнул.

— Обвинение отсрочено. Да и публике надоели убийцы.

— Надоели? С чего ты взял?

— Убийцами мы их перекормили. Людей больше тревожит состояние экономики. Не хотят они больше убийц.

— Их тревожит экономика, и мы поэтому даем „Накамото“ и парижские моды?

— Да, Джим! В тяжелые времена надо показывать приемы с кинозвездами. Это то, что нужно: моды и роскошные интерьеры!

Джим насупился.

— Я журналист. Для меня главное — новости, а не моды.

— Верно, Джим. Именно поэтому сегодня вводные делала „из. Мы хотим сохранить тебя именно для новостей.

— Когда Тедди Рузвельт вывел страну из Великой Депрессии, он не пичкал народ модами.

— Франклин, а не Тедди.

— Все равно. Ты меня понимаешь. Если люди тревожатся, давай сделаем обзор экономических новостей, расскажем о балансе платежей или что там еще?

— Верно, Джим. Но это одиннадцатичасовые новости, и люди не хотят слышать...

— То-то и плохо в Америке. Люди больше хотят слушать последние новости.

— Верно. Ты совершенно прав. — Боб по-

хлопал комментатора по плечу. — Иди отдохнуть, завтра поговорим.

Похоже, это относилось и к женщине, она закончила перебирать заметки и ушла.

— Я журналист, — сказал Джим. — Я хочу делать то, чему меня учили.

— И правильно, Джим. Завтра поговорим. Доброй ночи.

— Упрямые тупицы! — сказал Боб Артур, выходя с нами в коридор. — И еще Тедди Рузвельта пришел! Господи! Они не журналисты, они актеры. И считают свои строчки, как актеры. — Он вздохнул и выпил еще виски. — Скажи еще раз, что вы хотели увидеть?

— Кассету с записью приема у „Накамото“.

— Ты имеешь в виду сегодняшние новости?

— Нет, нам нужна вся съемка.

— Все записи? Господи! Надеюсь, они еще сохранились, но их могли и вывалить.

— Вывалить?

— Стереть! Мы выстреливаем сорок кассет в день, большую часть стираем сразу после просмотра. Раньше хранили их неделю, но сейчас, понимаешь, экономим.

В одном углу комнаты были штабеля кассет. Боб провел по ним пальцами.

— „Накамото“... „Накамото“... Нет, не вижу. — Мимо прошла женщина. — Синди, Рик еще здесь?

— Нет, он ушел домой. Тебе что-нибудь нужно?

— Рабочие пленки по „Накамото“. На полках их нет.

— Посмотри в комнате Дона. Он их сокращал.

— Ладно. — Боб повел нас к закутку редактора в дальнем конце холла. Открыв дверь, мы вошли в захламленную комнатку с двумя мониторами и редакторским магнитофоном. На полу были разбросаны кассеты. Боб порылся в них.

— Ребята, вам везет. Вот оригиналы, тут их полно. Дженнни вам их прокрутит. Она лучший наш работник, всех знает. — Он высунул голову в дверь. — Дженнни! Дженнни!

— Ладно, посмотрим, — сказала через несколько минут Дженнни Гонсалес, коренастая сорокалетняя женщина в очках. Она посмотрела заметки редактора и нахмурилась. — Сколько им ни тверди, не хотят наводить у себя порядок... А, вот они. Четыре кассеты: две с прибытием гостей, две — о самом приеме. Что будем смотреть?

— Начнем с прибытия гостей. — Коннор глянул на часы. — Можно побыстрее? У нас нет времени.

— В любом темпе, я привыкла. Посмотрим на высокой скорости.

Она нажала кнопку. Мы видели, как подъезжали лимузины, распахивались дверцы, вылетали люди и уносились прочь.

— Ищете конкретно кого-нибудь? Я вижу, кто-то отметил место прибытия „звезд“ во время монтажа.

— „Звезды“ нам не нужны, — сказал я.

— Плохо. У нас, наверное, только они есть. — Мы смотрели на экран, а Дженнни говорила:

— Вот сенатор Кеннеди. Похудел, да? Так, исчез. Вот сенатор Мортон. Выглядит неплохо. Что ж, неудивительно. Его хромой помощник, у меня от него зубы ломит. Сенатор Роу, как всегда, без женщин. Том Хэнкс. Этого японца я не знаю...

— Аратा Масагава, вице-президент „Миуи“, — сказал Коннор.

— Вот как? Сенатор Чалмерс, выглядит хорошо, пересадил волосы. Конгрессмен Левин. Конгрессмен Даниэлс, для разнообразия трезвый. Знаете, я поражена: сколько „Накамото“ получила людей из Вашингтона!

— Почему вас это удивляет?

— Ну, если подумать, всего-навсего открытие небоскреба. Обыкновенный поинт для конкурентов на Западном побережье. У „Накамото“ сейчас довольно сложное положение. А вот Барбра Стрейзанд. Кто этот парень с ней, не знаю.

— У „Накамото“ трудности? С чего вы взяли?

— Из-за продажи „Микрокона“.

— Что это — „Микрокон“? — спросил я.

— „Микрокон“ — американская компания, производит компьютеры. „Акаи Керамикс“ пытается купить ее. В конгрессе многие против, боятся, что американская технология уйдет в Японию.

— А причем здесь „Накамото“?

— „Акаи“ — дочернее предприятие „Накамото“. — Первая кассета закончилась. — Здесь нет ничего, что вам нужно?

— Нет. Давайте дальше.

— Ладно. — Она поставила вторую кассету. — Во всяком случае, удивительно, что столь-

ко сенаторов и конгрессменов сочли возможным появиться там сегодня. Так, поехали... Роджер Хиллерман, помощник государственного секретаря по делам Тихоокеанского региона, с ним его ассистент. Кеничи Хайко, японский генеральный консул в Лос-Анджелесе. Ричард Мсайер, архитектор, работает на Гетти. Эту я не знаю... Японец какой-то...

— Хисачи Конава, вице-президент „Хонды“, — сказал Коннор.

— Ах, да. Он здесь почти три года, скоро, наверное, уедет домой. Эдна Моррис, глава делегации США в переговорах по Генеральному соглашению о тарифах и торговле. Не могу поверить, что Эдна здесь — они с „Накамото“ конфликтуют. А сейчас улыбается как ни в чем не бывало. Чак Норрис... Эдди Сакамура — местный плейбой. Девушку с ним не знаю. Том Крюз с австралийкой-женой и, конечно, Мадонна.

На ускоренно прокручивающейся пленке вспышки „блицев“ шли почти беспрерывно, когда Мадонна вышла из машины и стала охорашиваться.

— Замедлить? Вас это интересует?

— Не сейчас, — сказал Коннор.

— Ну, у нас Мадонны полно, — сказала Дженнни. — Она пустила перемотку вперед, на экране замелькали серые полосы. Когда Дженнни снова включила воспроизведение, Мадонна двигалась к лифту, опираясь на руку флегматичного усатого испанца. Изображение расплылось — камера метнулась назад.

— Это Даниэль Окимото, эксперт по индустриальной политике Японии. Это Арнольд с Марией. За ними Стив Мартин с Арто Исадзаки, архитектором, который создал музей...

— Подождите, — сказал Коннор.

Она нажала кнопку. Изображение замерло.

— Вас интересует Исадзаки?

— Нет, назад, пожалуйста.

Пленка побежала назад, кадры расплылись, когда камера метнулась от Мартина к очередным подъезжающим лимузинам. Но на секунду она скользнула по группе людей, уже вышедших из машин и шедших по ковру.

— Сто! — сказал Коннор.

Изображение замерло. Я увидел высокую блондинку в черном платье рядом с красавцем в темном костюме.

— Хм! — сказала Дженнни. — Вас интересует он или она?

— Она.

— Дайте подумать, — Дженнни нахмурилась. — Я ее видела на приеме с washingtonцами месяцев девять назад. В этом году она работает на Келли Эмберг. Манекенщица спортивного типа, но интеллигентная, чем-то похожа на пушкинскую Татьяну. Зовут ее... Остин. Синди Остин... Кэрри Остин... Нет, Чери Остин! Точно!

— Что вы еще знаете о ней? — спросил я.

Дженнни покачала головой.

— Слушайте, то, что я вспомнила ее имя, по-моему, уже немало. Такие девушки только сначала все время на виду: полгода, год, мелькают везде, а потом исчезают. Бог знает, куда они деваются.

— А ее спутник?

— Ричард Левит, хирург-косметолог. Много работает со „звездами“.

— Что он делает здесь?

Она пожала плечами.

— Он везде. Как и многие другие, он среди „звезд“, когда те в нем нуждаются. Когда он не занят с клиентками, его сопровождает манекенщица вроде этой. Вместе они хорошо смотрятся.

На экране Черил и ее спутник спазматически двигались — кадры менялись каждые полминуты. Я заметил, что они не глядят друг на друга. Она, казалось, чего-то ожидала.

Дженни сказала:

— Так. Хирург-косметолог и манекенщица.

Можно спросить, почему они вас так заинтересовали? Они явно не украшение приема.

— Ее сегодня убили, — ответил Коннор.

— О, так это ее! Интересно.

— Вы слышали об убийстве? — спросил я.

— Конечно.

— Это было в теленовостях?

— Нет, в одиннадцатичасовой выпуск не попало. Да и завтра, наверное, не будет. Это не сюжет.

— Почему? — спросил я, взглянув на Коннора.

— Ну что здесь интересного?

— Не понимаю вас.

— В „Накамото“ сказали бы, что мы сообщаем об этом убийстве только потому, что оно случилось на их приеме. Они тут же встали бы в позу и в каком-то смысле были бы правы. Судите сами, если бы девушку убили при ограблении лавки, в новости это не попадет. У нас двадцать три убийства каждый вечер. Да, ее убили на приеме, ну и что? Она молода и красива, но в ней нет ничего особенного. Вот если бы она...

Коннор взглянул на часы.

— Посмотрим другие кассеты?

— Прием? Конечно. Вы ищете эту девушку?

— Да.

— Ладно. Поехали. — Дженнни поставила третью кассету.

Мы увидели прием на сорок пятом этаже; джаз, люди, танцующие под свисающими гирляндами. Мы напряженно искали в толпе девушку. Дженнни сказала:

— В Японии нам не нужно было бы просматривать все. Японцы сейчас здорово усовершенствовали опознание по видео. У них есть программа, где вы даете команду на поиск изображения — скажем, определенного лица — и он ведется автоматически, это лицо отыскивается в толпе или где угодно. Причем поиск ведется по любому снятому ракурсу. Это, должно быть, очень здорово, но достаточно медленно.

— Странно, что у вас этого нет.

— О, здесь такая система не продается. Новейшей японской технологии в нашей стране не получишь. Они держат нас на три или пять лет позади. Это их технология, вот они и делают, что хотят. Но в данном случае это бы нам очень помогло.

Сцены приема лихорадочно мелькали на экране. Внезапно Дженнни остановила кассету.

— Вот. Слева сзади. Ваша девушка говорит с Эдди Сакамурой. Он, конечно, знает ее. Сакамура знает всех манекенщиц. Дать нормальную скорость?

— Пожалуйста, — сказал Коннор, глядя на экран.

Камера медленно обвела зал. Черил Остин большую часть времени оставалась на виду. Задрочинув голову и опираясь на руку Эдди, она смеялась, видимо, радуясь тому, что они вместе. Эдди дурачился, гримасничал, ему доставляло удовольствие, что она смеется. Но время от времени она оглядывала зал, словно ждала чего-то. Или кого-то.

Сакамура понял, что ее что-то отвлекает, схватил ее за руку и грубо привлек к себе. Она отвернулась. Он придвигнулся ближе и что-то раздраженно сказал. Тут кто-то появился перед камерой, и его блестящая лысина заслонила Эдди и девушку. Потом камера двинулась влево, и мы их потеряли.

— Черт!

— Повторить? — Дженнингс перемотала кассету. — Посмотрим еще раз?

— Эдди явно не везет, — сказал я.

— Пожалуй.

Коннор нахмурился.

— Трудно понять, что они делают. У вас есть звук?

— Конечно, но он, вероятно, теряется. — Она нажала кнопку и пустила кассету вновь. На звуковой дорожке постоянно шумело. Только однажды мы услышали обрывки фраз.

Черил Остин взглянула на Эдди и сказала: „Если для тебя это важно, я не могу...“

Его ответ был смазан, но потом он ясно сказал: „Не понимаю... все о субботнем совещании...“ А перед тем, как привлечь ее к себе, он проворчал нечто вроде: „Не будь дурой... не девчонка“..

Я спросил:

— Он сказал: „не дешевка“?

— Вроде так, — ответил Коннор.

— Еще разок? — спросила Дженнни.

— Нет, — сказал Коннор. — Больше тут ничего не узнаешь. Давайте дальше.

— Ладно.

Показ ускорился: гости, смеясь, заметались, поднимали бокалы, быстро осушали их.

И тут я сказал:

— Стойте.

Дали нормальную скорость. Блондинка в шелковом костюме поздоровалась с лысым, которого мы только что видели.

— Кто это? — спросила Дженнни, посмотрев на меня.

— Это его жена, — ответил Коннор.

Женщина наклонилась, легонько поцеловала лысого в губы, потом отступила и что-то сказала о его костюме.

— Она юрист в офисе прокурора, — сказала Дженнни. — Лорен Дэвис. Была его помощником в двух крупных делах: „Ночной душитель“ и „Перестрелка Келлермана“. Дама с претензиями, но умна, имеет связи... Говорят, если останется в офисе, у нее есть перспективы. Возможно, но пока Вэйланд держит ее в тени. Она производит хорошее впечатление, но он строго ограничивает ее контакты с прессой. А лысый, с которым она говорит, — Джон Маккенна, из „Регис Маккенна“ в Сан-Франциско, компании, занимающейся рекламой фирм высокой технологии.

— Можно дальше, — сказал я.

Дженнни нажала кнопку.

— Это действительно ваша жена, или ваш друг шутит?

— Действительно. Бывшая.

— Вы теперь в разводе?

— Да.

Дженни посмотрела на меня и хотела что-то сказать, потом раздумала и вернулась к экрану. Там на большой скорости продолжался показ приема.

Я невольно задумался о Лорен. Когда я познакомился с ней, она была умна, честолюбива, но мало что смыслила в жизни. Она с детства привыкла к привилегиям, училась в престижной школе и глубоко верила, что всегда права. Этого, конечно, достаточно для жизни, а с реальностью сверяться не обязательно.

Она была молода, это тоже немаловажно. Она лишь начинала ощущать мир, познавать его. Была полна энтузиазма, но могла спокойно разъяснить свои взгляды. Они, конечно, всегда менялись в зависимости от собеседника. Она была очень восприимчива. Примеряла идеи, как некоторые примеряют шляпки, всегда знала куда дует ветер. Некоторое время я находил это очаровательным, потом это стало меня раздражать.

У нее не было никакой основы, ничего своего. Она, как телевизор, показывала последнее шоу, любое, и при этом никогда не сомневалась, что поступает правильно. У нее был великий талант приспособливаться и занимать нужную позицию, поэтому меня не удивляла ее карьера. Ее взгляды, как и ее туалеты, были всегда современны и уместны.

— Но становится поздно... Лейтенант!

Я моргнул и очнулся. Дженни обращалась ко мне. Она указала на экран, где застыла Черил Остин и двое мужчин.

Я взглянул на Коннора, но он, отвернувшись, говорил по телефону.

— Лейтенант, вам это интересно?

— Да, конечно. Кто они?

Дженни включила нормальную скорость.

— Сенатор Джон Мортон и сенатор Стивен Роу. Оба заседают в Финансовом Комитете Сената, том самом, что решает вопрос о продаже „Микрокона“.

На экране Черил смеялась и кивала. Она была замечательно красива, любопытная смесь невинности и сексуальности, но порой ее лицо становилось почти жестоким. Она, видимо, знала обоих, но не коротко. Не приближалась ни к одному, только поздоровалась. Сенаторы, со своей стороны, видимо, ощущали присутствие камеры и вели себя любезно, но достаточнодержанно.

— Страна катится в пропасть, а сенаторы США болтают с манекенщицей, — сказала Дженни. — Ясно, откуда у нас неприятности! А ведь это важные особы. Говорят, что Мортон на следующих выборах выдвинет свою кандидатуру в президенты.

— Что вы знаете об их личной жизни?

— Оба женаты. Роу с женой почти разошелся. Она осталась дома, в Виргинии, он разъезжает. Пьет слишком много.

Я посмотрел на Роу. Это он вошел к нам в лифт и был тогда так пьян, что еле держался на ногах. Но сейчас он был трезв.

— А Мортон?

— Считается чистым как стеклышко. Бывший спортсмен, якобы фанатик-пуританин. Ест здоровую пищу. Отменный семьянин. Его поле

деятельности — наука и техника, окружающая среда, американская конкурентоспособность, американские ценности и традиции и все такое прочее. Но не может он быть таким чистым. Я слыхала, у него молодая любовница.

— Это правда?

— Так говорят. Его помощники пытаются отрицать, но кто знает...

Кассета кончилась, и Дженнни поставила следующую.

— Это последняя, ребята.

— Не надо. — Он встал. — Надо идти, хокай.

— Почему?

— Я говорил с телефонной компанией о звонках из таксофонов в вестибюле „Накамото“ от восьми до десяти.

— И что же?

— Не было звонков за это время..

Я знал, что Коннор думает, будто кто-то вышел из комнаты охраны и позвонил по таксометру — Коль или какой-нибудь японец. Теперь надежды выследить его рухнули.

— Плохо.

— Плохо? — удивленно повторил Коннор. — Напротив, очень хорошо. Это сужает круг поиска. Мисс Гонсалес, у вас есть кассета, где показан уход гостей?

— Уход? Нет. Когда гости прибыли, вся команда поднялась наверх и снимала прием. Потом привезли кассеты сюда, чтобы успеть смонтировать, пока прием не кончился.

— Ладно. Тогда мы, по-моему, закончили. Спасибо за помощь. Пойдемте, хокай.

ГЛАВА 15

Едем опять, но теперь уже в Беверли-Хиллз.
Уже второй час ночи, я устал.

— Почему этот таксофон в холле так важен?

— Потому что вся наша версия завязана на том, звонили по нему или нет. И еще вопрос: какая японская компания хочет обломать рога „Накамото“? Ясно, что это корпорация, принадлежащая другому *кейрецу*.

— Что такое „Кейрецу“?

— Так называются крупные структуры в японском бизнесе. В Японии их шесть, и они огромны. К примеру, кейрецу „Мицубиси“ состоит из семисот отдельных компаний, которые работают вместе, либо связаны финансовыми и другими соглашениями. В Америке таких гигантов нет — они бы нарушили законы против монополий, но в Японии это нормально. Мы привыкли представлять корпорацию одиночкой. Чтобы понять японский стиль, вообразите, скажем, что „Ай-Би-Эм“, „Ситибэнк“, „Форд“ и „Эксон“ имеют тайные соглашения о сотрудни-

честве, взаимно финансируют друг друга, проводят совместные исследования.

Так и японская корпорация никогда не бывает одна, она всегда сотрудничает с сотнями других и конкурирует с компаниями других кейрецу. Поэтому, когда выясняешь, что делает корпорация „Накамото“, нужно спросить, что делает кейрецу, в который входит „Накамото“, и каким компаниям из других кейрецу выгодно подставить „Накамото“. Это убийство потрясло компанию. Можно даже счесть его атакой на „Накамото“.

— Атакой?

— Подумайте об этом. „Накамото“ задумала большой, с участием „звезд“, праздник. Они хотят, чтобы все прошло гладко, а тут по какой-то причине задушена гостья. И вопрос — кто звонил?

— Кто сообщил об убийстве?

— Да. Дело в том, что все было под контролем „Накамото“. Это их прием, их здание. И они вполне могли бы подождать до одиннадцати, когда прием кончится, гости разойдутся, и лишь тогда сообщить об убийстве. Будь я озабочен имиджем компании, я бы поступил именно так, потому что любой другой ход событий может повредить репутации „Накамото“.

— Понятно.

— Но звонок был в 8.32, как раз когда прием готовился. Это могло сорвать вечер. Поэтому „кто звонил?“ остается главным вопросом.

— Вы просили Исигуру это выяснить, а он и нальцем не пошевелил.

— Да, потому что не мог.

— Он не знает, кто звонил?

— Нет.

— Вы не думаете, что звонил кто-то из служащих „Накамото“?

— Не думаю.

— Звонил враг „Накамото“?

— Почти наверняка.

— Как же мы выясним кто?

Коннор засмеялся:

— Поэтому я и проверил таксофон в вестибюле. Это очень важно.

— Почему?

— Предположим, вы работаете в конкурирующей организации и хотите знать, что творится в „Накамото“. Узнать невозможно, потому что „Накамото“ нанимает служащих пожизненно. Они чувствуют себя частью семьи и никогда ее не предадут. Корпорация непроницаема для окружающего мира, поэтому даже мельчайшие детали приобретают решающее значение: кто из чиновников в городе, кто с кем встречается и тому подобное. А если подружиться с охранником-американцем, сидящим весь день у мониторов, можно многое узнать. Особенно если охранник чувствует неприязнь японцев к неграм.

— Продолжайте.

— Японцы часто пытаются подкупить охранников конкурента. Они честные люди, но их традиции допускают это. В любви и на войне все средства хороши, а для японцев бизнес — это война. И подкуп хорош, если он удался.

— Ясно.

— Итак, сразу после убийства о нем знали только двое. Сам убийца и охранник Тед Коль, видевший все на экране.

— Подождите. Тед Коль видел убийство на экране? И знает, кто убийца?

— Очевидно.

— Он сказал, что ушел в 8.15.

— Он соврал.

— Но если вы это поняли, почему мы не...

— Он никогда бы не признался, так же как и Филлипс. Поэтому я не арестовал Коля и не допрашивал его. В конце концов это была бы трата времени, а время для нас важнее всего. Мы знаем, что *нам* он не скажет. Вопрос в том, *сказал ли он кому-нибудь?*

Я начал понимать, куда клонит Коннор.

— Вы хотите сказать, что он мог позвонить кому-то из вестибюля и сообщить об убийстве?

— Верно. В любом случае он не воспользовался бы своим телефоном, а позвонил бы из вестибюля. Кому? Врагу „Накамото“, конкурирующей компании. Да кому угодно.

— Но теперь мы знаем, что по этому телефону никто не звонил.

— Верно.

— И вся ваша версия рассыпается.

— Напротив, проясняется. Если звонил не Коль, то кто? Ясно, что это мог сделать только сам убийца.

Я почувствовал дрожь.

— Он позвонил, чтобы напакостить „Накамото“?

— Вероятно.

— Тогда откуда он звонил?

— Это еще неясно. Допускаю, что откуда-то из здания. Есть и другие сомнительные детали, которых мы еще не касались.

— Например?

Зазвонил телефон в автомобиле. Коннор ответил и протянул мне трубку:

— Вас.

— Нет—нет, — сказала миссис Аскенио. — С девочкой все хорошо, я несколько минут назад проверила. Все хорошо. Лейтенант, звонила миссис Дэвис. — Так она называла мою жену.

— Когда?

— По—моему, десять минут назад.

— Она оставила телефон?

— Нет. Сказала, что сегодня ее не застать.

Но она просила передать, что у нее дела и она, может быть, уедет, так что в этот уик-энд девочку не возьмет.

Я вздохнул.

— Ладно.

Я не удивился: это было типично для Лорен — перемена в последнюю минуту. С ней нельзя ни в чем быть уверенным, она всегда может передумать. Звонок может означать, что у нее новый дружок и она с ним готова уехать, но точно узнает только завтра.

Раньше я думал, что такая непредсказуемость вредна для Мишель, волнует ее. Но дети — реалисты. Мишель, видимо, поняла, что такова уж ее мать, и не особенно расстраивалась.

Зато расстроился я.

— Вы скоро вернетесь, лейтенант? — спросила миссис Аскенио.

— Нет. Похоже, буду занят всю ночь. Вы сможете остаться?

— Да, но в девять утра я должна уйти. Можно вытащить кушетку?

У меня была кушетка в гостиной. Оставаясь, миссис Аскенио спала на ней.

— Да, конечно.

— Ну, до свидания, лейтенант.

— До свидания, миссис Аскенио.

— Что-нибудь случилось? — спросил Коннор. Меня поразил его напряженный голос.

— Нет. Просто моя бывшая жена в своем репертуаре. Сомневается, сможет ли взять дочку на уик-энд. А что?

Коннор пожал плечами.

— Я просто спросил.

Я ему не поверил.

— Что вы подразумевали, говоря, будто расследование может принять неожиданный оборот?

— Может, и не примет, но лучше все закончить в ближайшие часы. И, по-моему, мы вполне могли бы это сделать. Тут впереди слева ресторан.

Я увидел неоновый знак: „Бора-Бора“.

— Это ресторан Сакамуры?

— Да. Вообще-то он совладелец. Не давайте слуге запарковать машину, оставьте ее здесь. Нам, возможно, придется быстро уехать.

В „Бора-Бора“ жизнь кипела ключом. Украшало его собрание полинезийских масок и щитов, зеленые деревянные консоли выступали над баром, как зубы. Над открытой кухней на огромном пятиметровом экране тени двигались, как духи. Кухня была тихоокеанская, шум оглушительный; посетители-киношники веселились вовсю.

Коннор улыбнулся.

— Оживленное местечко, не так ли? Ну, что вы так уставились? Нравится?

— Нет, — сказал я.

Коннор отвернулся и заговорил с официанткой. Я посмотрел на бар, где две женщины страстно целовались. Японец в кожаной куртке обнимал огромную блондинку, оба слушали человека с редеющими волосами и развязными манерами, которого, как мне показалось, я узнал.

— Пошли! — сказал Коннор.

— Куда?

— Эдди здесь нет.

— Где же он?

— В гостях, в Беверли-Хиллз. Идемте.

ГЛАВА 16

Ехать нужно было по извишающейся дороге на холмы над бульваром Сансет. Отсюда был хороший вид на город, но туман скрывал его. Когда мы подъехали, улица с обеих сторон была уставлена роскошными машинами: большей частью „люксус“, несколько „мерседесов“ и „бентли“. Служащие удивились, когда мы подкатили в нашем „шевроле“ и направились к дому.

Как все дома на этой улице, он был окружен трехметровой стеной, въезд закрывали стальные ворота с дистанционным управлением. Над воротами была кинокамера, другая — на дорожке к дому. У дорожки стоял охранник, он проверил наши значки.

— Чей это дом? — спросил я.

Десять лет назад в Лос-Анджелесе такую охрану позволяли себе только мафиози или „звезды“ вроде Сталлоне, пользовавшегося тогда оглушительным успехом. Но потом все богачи завели охрану; очевидно, это стало модным. Мы поднялись по ступеням через кактусовый сад. Дом был современный, бетонный и походил на крепость. Играла громкая музыка.

— Дом принадлежит владельцу „Максим Нуар“. — Коннор понял, что мне это ни о чем не говорит. — Это дорогой магазин одежды, известный своими наглыми продавцами. Там покупают Джек Николсон и Шер*.

— Джек Николсон и Шер, — сказал я, качая головой. — Откуда вы это знаете?

— Сейчас многие японцы покупают в „Максим Нуар“. Он, как и другие роскошные американские магазины, разорился бы без покупателей из Токио. Он зависит от японцев.

Когда мы приблизились к дверям, появился гигант в спортивной куртке. У него был список гостей.

— Извините, здесь только по приглашениям, джентльмены.

Коннор показал свой значок.

— Мы бы хотели поговорить с одним из ваших гостей.

— С кем именно, сэр?

— С господином Сакамурой.

Он потускнел.

— Подождите здесь, пожалуйста.

От входа мы видели гостиную, переполненную на первый взгляд теми же лицами, что были у „Накамото“. Почти все в черном, как в ресторане. Но внимание мое привлекла сама комната — совершенно белая, без отделки, ни картин, ни мебели. Голые белые стены и ковер. Гостям было неуютно. Они держали в руках тарелки и бокалы, ища, куда бы их поставить.

Мимо нас прошла пара.

— Род всегда знает, что делать, — сказала она.

*Голливудские кинозвезды.

— Да, — согласился он. — Так элегантно! Не знаю, как достигается этот оттенок окраски, но он — совершенство! Ни следа от кисти, ни пятна. Абсолютно гладкая поверхность!

— Ну, так и должно быть, — сказала она. — В этом суть его художественного метода.

— Очень смело, — сказал мужчина.

— Смело? — не понял я. — О чём они говорят? Это же просто пустая комната.

Коннор улыбнулся.

— Я называю это „псевдо-дзен“. Форма без содержания.

Я осмотрел толпу.

— Здесь сенатор Мортон. — Он стоял в углу, держась очень уверенно. Весьма похож на кандидата в президенты.

— Да, я заметил.

Охранник не возвращался, и мы прошли в комнату. Когда я приблизился к сенатору Мортону, он держал речь:

— Да, я могу вам точно сказать, почему меня тревожат размеры японской собственности в американской промышленности. Если мы утратим способность создавать свою продукцию, мы потеряли контроль над судьбой страны. Это ясно.

К примеру, в восемьдесят седьмом году мы узнали, что „Тошиба“ продала русским технологию, позволявшую скрывать шум двигателей подводных лодок. Теперь русские ядерные подлодки уже у самого нашего побережья, и благодаря японской технологии мы не можем их выследить. Конгресс был в ярости, американский народ призвали к оружию, и правильно. Это было возмутительно. Конгресс намеревался при-

нять против „Тошибы“ экономические санкции. Но наши лоббисты запротестовали, ибо фирмы вроде „Хьюлетт Паккард“ и „Компак“ зависят от японских деталей для компьютеров. Они не выдержат бойкота, у них нет других поставщиков. Дело в том, что мы не можем позволить себе повысить пошлины. Японцы будут продавать технологию нашим врагам, и ничего с этим не поделаешь. Вот в чем проблема. Мы теперь зависим от Японии — а я думаю, что Америке не следует зависеть ни от кого.

Кто-то задал вопрос, и Мортон кивнул.

— Да, верно, наша промышленность не процветает. Реальная зарплата на уровне шестьдесят второго года. Покупательная способность рабочего ниже, чем тридцать с лишним лет назад. Это затрагивает даже состоятельных людей, которых я вижу здесь, ибо у американцев теперь нет денег на кино, на автомобили, на одежду, на все, что люди хотели бы продавать. Истина в том, что наша страна скользит вниз.

Женщина спросила о чем-то, и Мортон сказал:

— Да, именно на уровне шестьдесят второго года. Я понимаю, трудно поверить, но в пятидесятые годы американский рабочий мог иметь дом, содержать семью, послать детей в колледж, работая один. Теперь работают двое, и большинство не может позволить себе купить дом. Доллар падает, все подорожало. Люди борются, чтобы хоть как-то удержаться. Идти вперед они уже не могут.

Я поймал себя на том, что утверждительно киваю. Месяц назад я стал искать дом, надеясь, что там будет садик для Мишель. Но цены в

Лос-Анджелесе стали просто недоступны. Я никогда не смогу купить дом, если не женюсь снова. Может быть, и тогда не смогу...

Меня толкнули в бок. Я обернулся и увидел охранника. Он мотнул головой к двери:

— Назад, парень.

Я разозлился, глянул на Коннора, но тот спокойно пошел к выходу. В дверях охранник сказал:

— Я проверил. Нет здесь мистера Сакамуры.

— Господин Сакамура, — сказал Коннор, — японский джентльмен, который стоит в глубине комнаты, справа от вас. Разговаривает с рыжеволосой дамой.

Охранник покачал головой.

— Извините, ребята. Если у вас нет ордера на обыск, я попрошу вас уйти.

— Не беспокойтесь, — сказал Коннор. — Господин Сакамура — мой друг. Я знаю, он будет рад поговорить со мной.

— Извините. Ордер у вас есть?

— Нет.

— Тогда вы здесь находитесь незаконно, и я прошу вас уйти.

Коннор не двинулся с места.

Охранник отступил и расставил ноги.

— Между прочим, у меня черный пояс.

— Правда? — спросил Коннор.

— И у Джефа тоже, — сказал охранник.

Тут подошел второй тип.

— Джеф, — спросил Коннор, — это вы отвезете вашего друга в больницу?

Джеф злобно засмеялся.

— Ха! Знаете, люблю хорошую шутку. Забавно... Ладно, мистер Умник, не туда вы попа-

ли. Придется вас проучить. Валите отсюда!
Ну! — Толстым пальцем он ткнул Коннора в грудь.

Коннор спокойно сказал:

— Я расцениваю это как нападение.

— Эй, парень! Я тебе сказал, ты не туда попал... — Тут Коннор сделал быстрое движение, и Джейф внезапно упал, застонав от боли. Он откатился, уткнувшись в чьи-то ноги в черных брюках. Владелец этих брюк был весь в черном — рубашка, галстук, шелковая куртка. У него были седые волосы и актерские манеры.

— Я Род Дуайер. Это мой дом. В чем дело?

Коннор вежливо представился и показал значок.

— Мы здесь по делу. Хотим поговорить с одним из ваших гостей, господином Сакамурой — он стоит там, в углу.

— А что с этим человеком? — спросил Дуайер, указывая на Джейфа, который хрюпал и задыхался на полу.

— Он напал на меня, — сказал спокойно Коннор.

— Я не нападал! — прохрипел Джейф, кашляя и опираясь на локоть.

— Вы дотронулись до него? — спросил Дуайер.

Джейф сердито молчал.

Дуайер повернулся к нам.

— Извините за произшедшее. Эти люди — новички, еще не привыкли. Хотите выпить?

— Спасибо, мы на службе.

— Я попрошу господина Сакамуру подойти сюда. Повторите, пожалуйста, ваше имя.

— Коннор.

Дуайер отошел. Первый охранник помог Джефу встать, и тот заковылял прочь, бурча: „чертовы фараоны“!

— Запомните, как уважать полицию? — спросил я его.

Коннор покачал головой, глядя в пол.

— Мне очень стыдно, — сказал он.

— Почему?

Он не объяснил.

— Эй, Джон! Джон Коннор! *Хисасибури дане!* Давно не виделись! Как дела, парень?

Он хлопнул Коннора по плечу.

Вблизи Эдди Сакамура не был так красив, как на фото. Лицо серое, в оспинах, и пахло от него перегаром. Движения были угловаты, слишком нарочиты, говорил он быстро. Шустрому Эдди было явно не по себе.

— У меня, Эдди, неплохо, — сказал Коннор. — А как ты? Чем занимаешься?

— Ну, капитан, мне грех жаловаться. А мелкие неприятности — у кого их нет? Схлопотал штраф за езду в пьяном виде, попытался замять дело, но ты понимаешь, они меня уже хорошо знают. Да ладно, жизнь продолжается. А ты что здесь делаешь? Дикое местечко, а? Последний крик моды — никакой мебели. Род создает новый стиль. Здорово! Все стоят, никто не садится. — Он засмеялся. — Колossalно!

Мне показалось, что он принял наркотик — слишком возбужден. Я рассмотрел как следует ширм на левой руке. Темно-красный, примерно три-четыре сантиметра. Видимо, след от старого ожога.

Коннор понизил голос.

— Эдди, мы здесь, в сущности, из-за убийства в „Накамото“.

— Ах, да. — Эдди тоже понизил голос. — Не удивляюсь, что она плохо кончила, эта хинекурета онна.

— Она была извращенка? Почему ты так считаешь?

— Давай выйдем, — сказал Эдди. — Я бы закурил, но в доме Род курить не разрешает.

— Ладно, Эдди.

Мы вышли и остановились у кактусового садика. Эдди закурил ментоловую сигарету.

— Ну, капитан, не знаю, что ты слышал об убийстве, но девушки! Она трахалась кое с кем из здешних гостей, с Родом, да и с другими. Мы можем говорить откровенно, не так ли?

— Конечно.

— Я хорошо знал эту девушку. По-настоящему хорошо. Ты знаешь, я хиппаудако. Ничего не поделаешь, они на меня бросаются. Но она для меня — все.

— Я понимаю, Эдди. Но ты сказал, у нее были определенные проблемы.

— Большие проблемы, приятель. Я тебе расскажу... Она была со сдвигом, хотела, чтобы ей делали больно.

— В мире таких полно, Эдди.

Эдди затянулся.

— О, нет. Я говорю о другом. Она хотела, чтобы ее терзали по-настоящему. И она всегда требовала еще и еще. Делай еще, сжимай сильнее...

— Шею?

— Да, шею. Она просила душить ее, понимаешь? А иногда использовала пластиковый ме-

шок, надевала на голову и заставляла меня завязывать его на ее шее. Когда я ее трахал, она жевала пластик, лицо все синее, а сама царапала мне спину и задыхалась. Господи! Мне самому это даром не нужно, но девушка была — огонь! Вихрь! Потом столько вспоминаешь! Но по мне это чересчур. Всегда на грани, всегда на волосок от смерти. Может быть, в этот раз... Может быть, этот раз был последним. Понимаешь меня?

Он отбросил сигарету в заросли кактусов.

— Иногда это возбуждает, как русская ruleтка. Но я не мог с этим примириться, капитан. Нес мог. А ведь ты меня знаешь, я люблю отчаянный секс.

Меня пробрала дрожь от слов Эдди. Я пытался записывать, но слова сыпались горохом, и я не поспевал. Он снова закурил (руки его тряслись) и продолжал быстро говорить, размахивая горящей сигаретой.

— С ней было трудно. Да, она была красивая. Очень красивая. Но иногда она выглядела очень плохо. Ей нужно было много косметики, потому что кожа на шее чувствительная, а у нее были царапины, целое кольцо вокруг шеи. Ты, может быть, заметил. Ты видел ее труп, капитан?

— Да, видел.

— Тогда... — он заколебался. Казалось, что-то сообразив, попятился назад, стряхнул испел с сигареты. — Она была задушена?

— Да, Эдди, задушена.

Он выпустил дым.

— Да. Представляю себе.

— Ты ее видел, Эдди?

— Я? Нет. О чём ты говоришь? Как я мог её видеть, капитан?

Он снова выдохнул дым.

— Эдди, посмотри на меня.

Эдди повернулся к Коннору.

— Посмотри мне в глаза. А теперь скажи, ты видел труп?

— Нет. Брось, капитан. — Эдди нервно за-смеялся и посмотрел в сторону. Бросил сигарету так, что она покатилась по земле, роняя ис-кры.

— Что это? Допрос? Нет, я не видел трупа.

— Эдди!

— Клянусь тебе, капитан.

— Эдди, как ты впутался в это?

— Я? Да ты что? Я не виноват, капитан.

Я знал девушку, это правда, встречался с ней иногда, трахал, конечно. Кой черт мне было убивать ее? Она немного сумасшедшая, но интересная, киска что надо. Вот оно как. И все. — Он огляделся, закурил опять. — Хоро-шие кактусы, а? Они их зовут ксерискале. Пос-ледний крик моды. Лос-Анджелес возвращается к жизни в пустыне. Это *халтеруноса* — очень модно.

— Эдди!

— Брось, капитан. Отпусти меня. Мы же давно знаем друг друга.

— Конечно, Эдди. Но у меня есть вопросы. Что ты можешь сказать о кассетах?

Эдди, казалось, ничего не понимал.

— Какие кассеты?

— Человек со шрамом на руке и в галсту-ке с треугольниками вошел в комнату охраны и унес видеокассеты.

— Что за ерунда? Какая комната охраны? О чем ты, капитан? Кто тебе сказал? Это ложь. Я унес кассеты? Да никогда в жизни! Ты что, спятил? — Он дернул галстук, посмотрел на этикетку. — Это галстук от Рольфа Лорана. Спорю, таких галстуков куча.

— Эдди, а как насчет „Империал Армс“?

— А что?

— Ты был там вечером?

— Нет.

— Ты очистил комнату Черил?

— Что? — Эдди казался возмущенным. — Что? Нет! Очистить ее комнату? С чего ты взял, капитан?

— Девушка напротив... Джуллия Янг нам сказала, что видела тебя вечером еще с одним человеком в комнате Черил в „Империал Армс“.

Эдди воздел руки к небу.

— Господи! Капитан! Слушай, эта девушка не способна вспомнить, видела она меня вечером или месяц назад. Она наркоманка. Посмотри между пальцами ног и найдешь следы. Она сумасшедшая. Она живет в другом мире. Капитан! Ты приходишь сюда и мешаешь меня с деррьмом. Мне это не нравится. — Эдди бросил сигарету и тут же зажег новую. — Да, не нравится. Ты не понимаешь, в чем тут дело?

— Нет, не понимаю. Объясни.

— Меня ты обвиняешь зря. — Он быстро затянулся. — Знаешь, в чем суть? Не в какой-то девчонке. В субботнем совещании. *Начибей-кай*, Коннор-сан. Тайное совещание. Вот в чем дело.

— Сонна бакана, — фыркнул Коннор.

— Не бакана, Коннор-сан. Не чушь.

— Что девушка из Техаса могла знать о *на-
чебей-кай*?

— Кое-что знала. *Хонто наанда*. И этой девушки нравилось доставлять людям хлопоты, поднимать шум.

— Эдди, может быть, тебе лучше пойти с нами?

— Великолепно! Ты им окажешь большую услугу. Им — *куромаку*. — Он повернулся к Коннору. — Брось, капитан! Ты знаешь, что из этого выйдет. Девушку убили в „Накамото“, а моя семья, мой отец связаны с „Даймаси“. В Осаке отец прочтет, что в „Накамото“ убита девушка, а арестовали меня. Его сына.

— Задержали.

— Ну, задержали, какая разница. Ты знаешь, что это означает. *Тайхенакого ни нафу е*. Мой отец уходит в отставку, его фирма приносит „Накамото“ извинения, возможно, возмещение убытков. Что-то уступит в бизнесе. Это страшное дело. Арестовав меня, ты сделаешь это. — Он отбросил сигарету. — Ха! Ты думаешь, я убийца, ты арестуешь меня. Ладно. Но потом ты выкрутишься, а у меня будет много неприятностей. Капитан, ты это понимаешь?

Коннор долго молчал. Они безмолвно крутили по саду. Наконец, Эдди сказал: — *Коннорсан, матте куре е*. — Голос звучал умоляюще. Он, казалось, просил передышки.

Коннор вздохнул.

— Эдди, у тебя с собой паспорт?

— Да, конечно.

— Дай его мне.

— Конечно, капитан, бери.

Коннор взглянул на паспорт, передал мне. Я сунул его в карман.

— Ладно, Эдди. Но лучше не будь *мурина кото*. А то тебя объявит нежелательным иностранцем. И я лично посажу тебя на первый самолет в Осаку. *Вакатакка?*

— Капитан, ты защитил честь моей семьи. *Он ни кишу е.* — И Эдди церемонно поклонился, руки по швам.

Коннор поклонился в ответ.

Я глядел и не верил глазам своим. Коннор его отпускает! Он что, с ума сошел?

Я вручил Эдди карточку и сказал, как обычно, что если он надумает, может позвонить мне. Эдди пожал плечами, сунул карточку в карман рубашки и закурил. Я не шел в счет — он имел дело с Коннором.

Эдди направился к дому, но остановился.

— Я здесь с этой рыжей, она довольно интересная. Когда уйду, поеду к себе. Если я нужен, ищите меня там. Доброй ночи, капитан. Доброй ночи, лейтенант.

— Доброй ночи, Эдди.

Мы пошли назад по ступеням.

— Я надеюсь, вы понимаете, что делаете? — спросил я.

— Я тоже, — сказал Коннор.

— По-моему, он виновен.

— Возможно.

— Лучше было бы забрать его. Так надежнее.

— Может быть.

— Хотите вернуться и взять его?

— Нет. — Он покачал головой. — Мой *дан паккан* говорит: „нет“.

Я знал это слово, оно означало „шестое чувство“. Японцы отдают должное интуиции.

— Ладно, надеюсь, что вы правы.

Мы продолжали спускаться в темноте.

— Как бы то ни было, я ему обязан, — сказал Коннор.

— Чем же?

— Несколько лет назад я как-то нуждался в информации. Помните дело отправителей? Нет? Никто из японцев не хотел со мной говорить, молчали как рыбы. А сведения были нужны по-зарез. Это было очень важно. И Эдди дал мне их. Он очень боялся, чтобы никто не узнал, но сделал это. Я ему, вероятно, обязан жизнью.

Мы дошли до крыльца.

— И он вам напомнил об этом?

— Он никогда бы не напомнил. Помнить — это мое дело.

— Хорошо, капитан. Все это благородно и прекрасно, я тоже за расовую гармонию. Но, возможно, что он убил девушку, похитил кассеты и очистил квартиру. Эдди Сакамура кажется мне законченным наркоманом. Он явно встревожен. А мы уходим в сторону, даем ему бежать.

— Верно.

Мы шли. Я обдумывал происшедшее и тревожился все больше.

— Вы знаете, официально это дело расследую я.

— Вообще-то, Грэхем.

— Да, конечно. Но если выяснится, что убийца — Сакамура, выглядеть дураками будем мы.

Коннор вздохнула, словно теряя терпение.

— Ладно. Посмотрим, что получится, если принять вашу точку зрения. Эдди убил девушку, так?

— Так.

— Он мог спать с ней в любое время, но почему-то решил трахнуть ее на столе в служебном помещении, а потом убил. Затем спустился в холл, выдав себя за служащего „Накамото“, хотя меньше всего Эдди Сакамура похож на служащего. Допустим, это сошло. Он смог удалить охранника и взять кассеты, и это именно его видел Филлипс. Потом Эдди едет на квартиру Черил с целью замести следы, но почему-то оставляет там свое фото, сунув за зеркало. Затем заезжает в „Бора-Бора“ и всем говорит, что направляется на прием в Голливуде, где мы и находим его в комнате без мебели, спокойно болтающего с рыженькой. Так представляете вы себе его вечер?

Я молчал. В его изложении моя версия теряла смысл. С другой стороны...

— Недеюсь, он все же не делал этого.

— Я тоже.

Мы спустились с лестницы. Лакей побежал за нашей машиной.

— Знаете, — сказал я, — от его откровенности — возьмем хотя бы рассказ о мешке на голове — дрожь пробирает.

— О, это пустяки. Запомните, Япония никогда не воспринимала Фрейда или христианство. Секс не потрясал их и не порождал чувства вины. У них спокойно относятся к гомосексуализму и извращениям, как к реальности. Как кому нравится, так тот и поступает, и кому ка-

кое дело? Японцы не понимают, почему нас так волнуют естественные функции тела. По их мнению, мы чуточку свихнулись на сексе. И у них есть основания так думать. — Коннор посмотрел на часы.

Подкатила машина охраны. Высунулся охранник в мундире:

— Эй, на приеме все в порядке?

— Смотря что вы имеете в виду.

— Ну, драка? Или что-нибудь вроде. Нам звонили.

— Не знаю, — сказал Коннор. — Лучше поднимитесь и проверьте сами.

Охранник вылез из машины, тряся брюхом, и стал подниматься. Коннор оглянулся на высокие стены.

— Знаете, у нас сейчас больше частных охранников, чем полицейских. Везде воздвигают стены и нанимают охрану. А в Японии идешь в парк в полночь, садишься на скамью — и ничего! Днем и ночью ты в полной безопасности. Иди куда угодно — не изобьют, не ограбят, не убьют. Незачем постоянно оглядываться, тревожиться, не нужны стены и телохранители. Твоя безопасность — залог безопасности общества. Ты свободен! Это чудесное ощущение. У нас же каждый должен закрываться на ключ. Запирать дверь, закрывать машину. Люди проводят всю жизнь как в тюрьме. Это безумие! Это убивает дух! Но длится это так долго, что американцы забыли, что такая подлинная безопасность. Но вот наш автомобиль. Пойдем.

Мы уже выезжали, когда позвонила дежурная.

— Лейтенант Смит, вызывают кого-нибудь из Спецслужбы.

— Я занят. Кто-нибудь еще не может этим заняться?

— Лейтенант Смит, патруль требует офицера Спецслужбы в район девятнадцать.

Ясно, что дело касается какой-то важной особы.

— Я понимаю, — сказал я, — но у меня уже есть задание. Пусть туда поедет другой.

— Но это на Сансет-Плаза, — сказала она. — Разве вы не...

— Да, мы рядом, — сказал я, поняв ее настойчивость. Мы были всего в нескольких кварталах. — Ладно. В чем там дело?

— Клиент из категории „С+1“. Фамилия — Роу.

— Хорошо, — сказал я. — Мы едем. — Я повесил трубку и развернул машину.

— Интересно, — сказал Коннор. — Категория „С+1“ — это правительственный уровень.

— Да, — сказал я.

— Это сенатор Роу?

— Видимо, — сказал я. — Надо ехать.

ГЛАВА 17

Черный „линкольн“ стоял на лужайке дома, расположенного вдоль возвышенной части Сан-сет-Плаза-Драйв. Две „черно-белых“ выехали на обочину, мигая красными огоньками.

На газоне возле „линкольна“ стояло несколько человек. Мужчина в халате со скрещенными на груди руками, две девицы в коротких платьях с блестками, красивый блондин лет сорока в смокинге и юноша в синем костюме — я узнал спутника сенатора Роу, вошедшего с ним в лифт.

Патрульные вытащили видеокамеры, ярко осветив сенатора. Когда мы взобрались наверх, он громко ругался, прислонясь к крылу „линкольна“ и закрыв рукой лицо от света.

Человек в халате подошел к нам.

— Я хочу знать, кто за это заплатит?

— Подождите, сэр, — я продолжал идти.

— Он испортил мой газон. За это придется платить.

— Да подождите, сэр.

— Напугал мою жену до смерти, а у нее рак.

— Сэр, подождите, пожалуйста, минуту, и мы поговорим.

— Рак уха, — сказал он значительно.

— Да, сэр, понимаю. — Я продолжал идти к „линкольну“.

Спутник сенатора увязался за мной, новторяя: — Я все объясню, детектив. — На вид ему было под тридцать, взгляд его ничего не выражал. — Я уверен, что смогу все уладить.

— Минутку, — сказал я. — Дайте мне поговорить с сенатором.

— Сенатор неважно себя чувствует, он очень устал. — Он загородил мне дорогу. Я обошел его, но он поспешил догнать меня. — Опознал самолет, понимаете? Самолет сенатора опоздал.

— Я должен поговорить с ним, — сказал я, вступая в полосу света.

Роу все еще размахивал руками.

— Сенатор Роу? — спросил я.

— Отверните эту дрянь, черт возьми! — Роу был так здорово пьян, что еле ворочал языком.

— Сенатор Роу, боюсь, что должен попросить...

— Плевал я на вас!

— Сенатор Роу!

— Отверните эту говяnnую камеру!

Я посмотрел на патрульного и махнул ему. Он неохотно отвернулся от камеры. Свет потух.

— Господи! — сказал Роу, опустив наконец руки, и посмотрел на меня мутными глазами. — Что здесь за блядство творится?

Я представился.

— Тогда почему вы не прекратите эту сви-

стопляску? Я же просто ехал на свою виллу, черт бы ее подрал!

— Я понимаю, сенатор.

— Не знаю... — Он вяло махнул рукой. — Чего вы все, к черту, от меня хотите?

— Сенатор, за рулем были вы?

— За рулем? — Он отвернулся. — Джерри, объясни им ради Бога.

Его помощник немедленно подскочил.

— Извините за все, — сказал он вежливо. — Сенатор не совсем здоров. Мы только вчера вечером вернулись из Токио. Самолет задержался. Сенатор сейчас не в себе, он устал.

— Кто был за рулем?

— Я, — сказал помощник. — Конечно, я.

Одна из девиц прыснула.

— Нет, не он! — крикнул с другой стороны автомобиля человек в халате. — Вон тот вел машину. А как стал выходить, тут же свалился.

— Господи, вот блядский зверинец! — говорил сенатор, потирая голову.

— Детектив, — сказал помощник. — За рулем был я, эти женщины подтвердят. — Он указал на девиц в бальных нарядах, выразительно посмотрев на них.

— Это вранье, — сказал человек в халате.

— Нет, это правда, — впервые заговорил красавчик в смокинге. Был он загорелым и спокойным, с властными манерами. Наверное, тип с Уолл-стрит. Себя он не называл.

— За рулем был я, — сказал помощник.

— Подите все к такой-то матери, — пробормотал Роу. — Хочу на виллу.

— Кто-нибудь ранен? — спросил я.

— Никто. Все в порядке, — ответил помощник.

— У вас есть форма 1-10? — спросил я патрульного. Это бланк протокола о нанесении материального ущерба при дорожном происшествии.

— Нам это не нужно, — сказал тот. — Машина одна, а повреждения незначительные. Составлять протокол нужно только при нанесении ущерба свыше двухсот долларов. Стоит ли с этим связываться?

Я подумал, что не стоит. В Спецслужбе меня научили правильно вести себя в любой ситуации. Если имеешь дело со „звездами“ и политиками, не заводи дела, если никто не требует возмещения убытков, короче — арестовывай только за уголовщину.

Я сказал помощнику:

— Запишите имя и адрес владельца, чтобы договориться о возмещении убытка за помятый газон.

— У него уже есть мой адрес, — сказал человек в халате. — Не знаю только, что из этого выйдет.

— Я ему сказал, что мы все возместим, — заверил меня помощник. — Он, кажется...

— Черт побери, смотрите! Все клумбы исмятку! А тут еще у жены рак уха!

— Минутку, сэр! — сказал я помощнику. — Кто сейчас сядет за руль?

— Я.

— Он, — сказал сенатор, кивая. — Джерри будет за рулем.

— Ладно, — обратился я к помощнику. — Но я хочу взять у вас пробу на алкоголь.

— Пожалуйста.

— И посмотреть ваши права.

— Конечно.

Он дожнул в трубочку и протянул мне права. Джеральд Д. Харден, тридцати четырех лет, Остин, Техас. Я записал его данные и вернул права.

— Хорошо, мистер Харден. Я оставляю сенатора на ваше попечение.

— Спасибо, лейтенант. Очень вам благодарен.

— Вы хотите отпустить его? — спросил человек в халате.

— Подождите, сэр. Я хочу, чтобы вы, — сказал я Хардену, — дали этому джентльмену свою карточку и связались с ним. Надеюсь, что плата за ущерб, нанесенный этому саду, удовлетворит его.

— Конечно. — Харден сунул руку в карман за карточкой, но вытащил что-то белое, вроде платка. Поспешно сунул это обратно, подошел к человеку в халате и вручил ему карточку.

— Вы должны заплатить за все бегонии.

— Хорошо, сэр.

— За все, понятно?

— Разумеется, сэр.

Сенатор Роу, отлепившись от „линкольна“, покачивался.

— Какие еще, к черту, бегонии? Господи, что за говенная ночь! У вас есть жена?

— Нет, — сказал я.

— А у меня есть. Бегонии... Говно.

— Сюда, сенатэр, — сказал Харден. Он помог Роу сесть спереди. Девицы взобрались на заднее сиденье, между ними сел красавчик с

Уолл-стрит. Харден сел за руль и попросил у Роу ключи. Я отвернулся. Патрульные машины отъезжали. Харден опустил стекло окна и посмотрел на меня.

— Спасибо за все.

— Счастливого пути, — сказал я.

Он вывел „линкольн“ с лужайки, снова перескав клумбу.

— И за ирисы заплатите! — крикнул человек в халате, взглянув на меня. — Говорю вам, правил тот, и он был пьян.

— Вот моя карточка, — сказал я. — Если что — позвоните.

Он посмотрел на карточку, покачал головой и пошел в дом. Мы с Коннором вернулись в машину и поехали с холма.

— У вас есть данные о помощнике сенатора? — спросил Коннор.

— Да.

— Что у него было в кармане?

— Мне показалось, женские трусики.

— Мне тоже.

Конечно, мы не могли ничего сделать. Я бы с удовольствием прижал ублюдка к машине и обыскал. Но мы оба знали, что руки у нас связаны — для обыска, не говоря об аресте, не было веской причины. Молодой человек везет двух девиц на заднем сиденье, каждая может быть без трусиков, а впереди пьяный сенатор. Единственное разумное решение — не трогать их.

Казалось, это был вечер, когда вообще всех отпускают на свободу.

Зазвонил телефон. Я нажал кнопку:

— Лейтенант Смит слушает.

— Эй, парень! — Это был Грэхем. — Я в морге, а тут такие дела! Какой-то японец наседает на нас, хочет присутствовать при вскрытии. Сидеть и наблюдать, представляешь? Чуть не взбесился, когда узнал, что вскрытие начали без него. Но уже есть кое-какие результаты, которые японцам придется не по вкусу. Я почти уверен: это дело их рук. Ты приедешь или как?

Я посмотрел на Коннора. Тот кивнул.

— Мы едем, — сказал я.

В морг попасть проще всего через неотложку Центральной больницы. Когда мы вошли, окровавленный негр, одурманенный наркотиками, сидел на каталке и орал: „Смерть папе римскому! К черту его!“. Полдюжины служащих пытались уложить негра. У него были прострелены плечо и рука. Пол и стены помещения были забрызганы кровью. Санитар вытирали их шваброй. В коридорах была очередь из негритянок и латиноамериканок, некоторые держали на руках детей. Все отворачивались от окровавленной швабры. Откуда-то доносились крики.

Мы вошли в лифт. Стало тихо.

— Каждые двадцать минут убийство, — сказал Коннор. — Каждые семь — изнасилование. Каждые четыре часа убивают ребенка. Никакая другая страна на стала бы терпеть такое насилие.

Двери открылись. По сравнению с неотложкой в подвальных коридорах было спокойно. В воздухе стоял сильный запах формальдегида. Мы пошли к столу, где худой, костлявый Гарри Лэндом склонился над бумагами, жуя сэндвич.

— Хелло, ребята.

— Хелло, Гарри.

— Что вам? Данные вскрытия Остин?

— Да.

— Полчаса как начали. Кажется, насчет нее большой шум?

— Как это?

— Шеф вытащил доктора Тима из постели и велел поторопиться. Здорово разозлил его. Ты знаешь, как привередлив доктор Тим. — Гарри улыбнулся. — И еще кучу людей позвали. Кто когда слышал, чтобы посреди ночи работали все? Ты знаешь, сколько стоят сверхурочные?

— А что насчет Грэхема?

— Он где-то здесь. Какой-то японец гоняется за ним, как тень. Каждые полчаса спрашивает у меня разрешения позвонить и звонит. Говорит по-японски, потом опять пристает к Грэхему. Говорит, что хочет присутствовать на вскрытии — ничего себе. Лезет, лезет... десять минут назад позвонил и внезапно весь переменился. Я был за столом и видел его лицо. Он говорил „мойо, мойо“, словно ушам не верил, а потом вылетел отсюда. Именно вылетел.

— А где вскрытие?

— Во второй комнате.

— Спасибо, Гарри.

— Закройте дверь!

— Привет, Тим, — сказал я, когда мы вошли. Тим Хеллер, известный всем как доктор Тим, склонился над столом из нержавейки. Хотя было уже без двадцати два, он, как всегда, был безупречен: аккуратно причесан, галстук завязан безукоризненно. В карманчике накрахмаленного халата выстроились ручки.

— Ты что, оглох?

— Я закрываю, Тим. — Дверь закрывалась автоматически, но, видимо, для Тима недостаточно быстро.

— Я не хочу, чтобы этот японец заглядывал.

— Он ушел, Тим.

— Да? Но он может вернуться. Он ужасно назойлив, меня это раздражает. — Тим глянул через плечо. — А кто это с тобой? Джон Коннор? Давно я тебя не видел, Джон.

— Привет, Тим. — Мы с Коннором подошли к столу. Я видел, что вскрытие уже здорово продвинулось: разрез сделан, часть органов извлечена и аккуратно разложена на стальных подносах.

— Может быть, кто-нибудь объяснит, почему такая суeta? Грэхем так разозлился, что не говорит ни слова. Сейчас он ушел в соседнюю комнату за результатами. Я хочу знать, почему меня вытащили из постели. Вызов я получил от Марка, но это явно не в его полномочиях. А главного нет в городе, он на конференции в Сан-Франциско. Теперь, когда у него новая подружка, он всегда в отъезде. И вызвали меня. Не припомню, когда меня в последний раз поднимали с постели.

— Ты-то не помнишь? — усмехнулся я. Тим славился отличной памятью.

— Последний раз — в январе, три года назад. Но тогда — другое, срочная подмена. Большинство врачей боролись с эпидемией гриппа, а дел накопилось много. Когда я приехал, везде на полу лежали тела в мешках, просто громоздились штабелями, вонь ужасная. Но я не при-

юмню, чтобы меня вызывали среди ночи из-за того, что дело с политическим душком. Вроде этого...

— Мы тоже не знаем, почему такая суета, — сказал Коннор.

— Может быть, выясните? На нас сильно давят. Шеф позвонил мне из Сан-Франциско и все твердил: „Сделайте все поскорее, сегодня же ночью“. Я сказал: „Ладно, Билл“. Потом он добавил: „Слушайте, Тим. Делайте вскрытие тщательно, фиксируйте любую мелочь. Снимайте двумя камерами, не жалейте пленки. Я чувствую, что мы можем здорово вlipнуть на этом деле“. Вот и все. Естественно, удивляешься, что за суета.

— Когда тебя вызвали? — спросил Коннор.

— Примерно в пол-одиннадцатого — одиннадцать.

— Твой шеф сказал, кто звонил ему?

— Нет. Но это могут быть лишь двое — шеф полиции или мэр.

Тим поглядел на печень, раздвинул ее доли, затем разложил на подносе. Его ассистент сфотографировал каждую и отодвинул поднос в сторону.

— Что-то интересное?

— Честно говоря, пока самое интересное снаружи. На шее под косметикой множество ссадин различной давности. Даже без спектрскопического анализа гемоглобина я определяю эти ссадины как двухнедельные. Может, и старше. Неоднократные травмы. Вряд ли можно сомневаться — здесь случай сексуального удушения.

— Она задохнулась?

— Да.

Келли так и думал. Хоть разок Келли оказался прав.

— Это чаще встречается у мужчин, но бывает и у женщин. Суть синдрома в том, что субъекты сексуально возбуждаются, лишь когда их душат. Они просят партнера душить их или надевать им на голову пластиковый мешок. Если субъект один, то занимается онанизмом с петлей на шее. Поскольку желаемый эффект достигается только на пороге смерти, легко переступить черту. Так иногда и случается.

— А в данном случае?

Тим покал плечами.

— Анализ показывает устойчивый синдром сексуального удушения. А ссадины на гениталиях говорят о половом контакте в вечер ее смерти.

— Ты уверен, что ссадины на гениталиях появились до смерти?

— О да. Явно до смерти. Нет сомнения, половой контакт был форсирован.

— Ты хочешь сказать, ее изнасиловали?

— Нет. Так далеко я не пойду. Понимаешь, ссадины легкие, на остальных частях тела нет соответствующих травм. В сущности, следов борьбы вообще нет. Я бы считал это результатом преждевременного соития, когда ее гениталии еще недостаточно увлажнились.

— Эти ссадины появились задолго до смерти?

— Возможно, за час или два. Не непосредственно перед смертью. Это можно определить

по опухоли на пораженных местах. Если смерть происходит вскоре после ранения, кровь свертывается и опухоль маленькая или ее вовсе нет. Здесь, как видишь, опухоль вполне заметна.

— А сперма?

— Образцы ушли в лабораторию вместе с другими жидкими субстанциями. — Он пожал плечами. — Поживем — увидим. Теперь вы расскажете мне, в чем дело? Ясно, что эта девочка рано или поздно попала бы в беду. Она хорошенькая, но чокнутая. Так в чем же дело? Почему меня подняли среди ночи и велели тщательно исследовать какую-то задохшуюся нимфоманку?

— Сам не знаю, — сказал я.

— Брось! Играй честно. Я тебе открыл свои карты, открай свои.

— Ну, Тим, — сказал Коннор. — Мы и в самом деле не знаем.

— Врешь! Я вам все рассказал. Теперь ваша очередь.

— И все же Питер сказал правду. Все, что мы знаем, — убийство произошло во время большого приема у японцев, и они хотят замять это дело.

— Это уже кое-что, — сказал Тим. — В последний раз нашумели из-за дела, с которым было связано японское консульство. Помнишь, похищение ребенка Такасима? Может быть, и не помнишь, газеты смолчали. Японцам удалось замять его. Но тогда убили охранника, и два дня они страшно давили на нас. Я был поражен их возможностями. Сенатор Роу лично позвонил и продиктовал, как нам себя вести. Губернатор

лично звонил, да все звонили! Можно было по-
думать, что украли сына президента! Да, у этих
людей есть связи.

— Конечно. Они за них хорошо платят, —
сказал Грэхем, входя.

— Дверь закрой! — рявкнул Тим.

— Но на сей раз их связи не помогут, —
сказал Грэхем. — Теперь мы держим их за
яблочко. Совершилось убийство, и после лабо-
раторного анализа нет сомнения, что убийца —
японец.

ГЛАВА 18

Патологоанатомическая лаборатория была рядом — большая комната с люминисцентным освещением. Микроскопы стояли в ряд. Была поздняя ночь, работали только два эксперта. Грэхем весь сиял, стоя рядом с ними.

— Смотрите сами. Прочесав волосы на лобке, мы обнаружили мужские волосы, слегка вьющиеся, почти наверняка принадлежащие азиату. Анализ семени показал группу крови АВ, редкую у нас, но часто встречающуюся у азиатов. Первый анализ белка в семенной жидкости отрицательный для генетической... как эта штука называется?

— Этанол дегидрогеназа — ответил эксперт.

— Точно. Это фермент, которого нет у японцев. И как раз в этой сперме его нет. И еще фактор Диего — это насчет белка группы крови. Вот. Будут еще анализы, но уже ясно, что японец изнасиловал девушку, а потом убил.

— Пока ясно только, что сперма, обнаруженная в ее влагалище, может принадлежать японцу, — сказал Коннор.

— Господи! И сперма, и волосы, и грушиа крови — все здесь принадлежит японцу! И преступление совершил японец, — сказал Грэхем.

Он разложил несколько снимков, где Черил лежала на столе, и стал ходить взад и вперед.

— Я знаю, где вы были, ребята, но вы зря тратили время. Вы искали видеокассеты, но они исчезли, верно? Тогда вы поехали на квартиру, но ее очистили до вас. Что и следовало ожидать, имея в виду, что преступник — японец. Это же ясно как день. — Грэхем указал на фото. — Вот какая девушка Черил Остин из Техаса. Миловидная, свеженькая. Хорошая фигура, прямо как у актрисы. Она работает в рекламе, может быть, на „Ниссан“ или что-то в этом роде. Встречается с людьми, заводит нужные знакомства, находит связи... Вы меня слушаете?

— Да, — сказал я. Коннор разглядывал фото.

— Так или иначе, наша Черил достаточно преуспела, чтобы надеть черное платье от Ямamoto, когда ее пригласили на открытие „Башни Накамото“. Пришла она с кем-то, может быть, с дружком или со своим парикмахером. Возможно, она знала кое-кого на приеме, а может, и нет. На приеме некто из влиятельных гостей предложил ей на минуточку смыться. Она согласилась пойти наверх. Почему нет? Эта девушка любила приключения, даже опасности. Такие штучки любят взбучки. И она идет наверх, может быть, с ним, может быть, одна, но наверху они встречаются и ищут подходящее местечко. Потом решают — вероятно, он так решает — потрахаться прямо на столе. И начинают, колотятся, но дело не идет. То ли он немного увлек-

ся, то ли он с причудами, но... он чересчур сдавил ей шею. И она умирает. Вы еще слушаете?

— Да.

— Теперь у любовничка проблема. Он пошел наверх трахаться, но нечаянно убил девушку. Что же делать? Он идет вниз, присоединяется к гостям и, поскольку он большой самурай, говорит одному из подчиненных, что вышла маленькая неувязка — он нечаянно пришил местную блядь. Очень неудобно для такого большого человека. Подчиненный бежит туда и замечает все следы босса, потом крадет кассеты. Дальше его люди едут на ее квартиру и уничтожают все улики. Все идет прекрасно, но занимает много времени, а полицию известить надо. И тут в игру вступает их гладенький сукин сын Исигура и задерживает нас на добрых полтора часа. Вот и все. Что скажете?

Наступило молчание. Я ждал, пока заговорит Коннор.

— Ну, — сказал он наконец, — снимаю шляпу, Том. Эта версия во многом звучит логично.

— Ты прав, черт побери, — Грэхем раздулся от важности.

Зазвонил телефон.

— Капитан Коннор здесь? — спросил эксперт. Коннор подошел к телефону.

— Говорю тебе, — сказал Грэхем. — Девушку убил япошка, и мы найдем его и сдерем с него шкуру. Сдерем!

— Кстати, что ты имеешь против них? — спросил я.

Грэхем мрачно взглянул на меня:

— О чём ты?

— О том, что ты ненавидишь японцев.

— Слушай, — сказал Грежем, — давай начистоту, Пити-сан. Я никого не ненавижу. Я делаю свою работу. Белый, черный, японец — для меня никакой разницы.

— Вот и хорошо, Том. — Было поздно, и мне не хотелось спорить.

— Нет, черт возьми! Ты думаешь, я к ним предвзято отношусь?

— Оставим это, Том.

— Нет уж! Не оставим! Позволь мне сказать кое-что, Пити-сан. Ты получил работу связного, так?

— Так, Том.

— А почему ты хотел ее получить? Ты так любишь японскую культуру?

— Ну, я работал в то время в пресс-центре...

— Не трепись! Ты захотел ее потому, что там высокая стипендия, верно? Две-три тысячи в год. Стипендия на образование от Фонда Американо-японской дружбы. Наше управление считает, что это действительно стипендия на образование, и платит полицейским, чтобы они могли изучать японский язык и культуру. Вот так-то. Как идет учеба, Пити-сан?

— Хожу на занятия.

— Как часто?

— Раз в неделю.

— Так. А если пропускаешь, теряешь стипендию?

— Нет.

— Правильно. В сущности, можешь совсем не ходить, разницы не будет. Дело в том, парень, что ты просто берешь взятку. Получаешь три тысячи долларов прямо из Страны Восходящего

щего Солнца. Конечно, это не так много. Тебя же нельзя купить всего за три тысячи, верно?

— Эй, Том...

— Но они и не покупают тебя. Они только влияют на тебя. Просто хотят, чтобы ты о них был хорошего мнения. А почему нет? Все этого хотят. Они сделали твою жизнь чуточку лучше, внесли вклад в благосостояние твоей семьи, твоей девочки. Они тебе чешут спину, почему бы тебе им не почесать? Разве не так, Пити-сан?

— Нет, не так! — я начал злиться.

— Именно так. И в этом смысл их влияния. Ты говоришь, его нет. Ты внушаешь это самому себе — но оно есть. Единственный способ быть чистым — это быть чистым. Если ты ни в чем от них не зависишь, если они тебя не содержат, тогда ты можешь спорить. А уж если, парень, они тебе платят, значит, ты им обязан, значит, ты у них в кармане.

— Да погоди ты...

— И не говори мне, что ты их тоже не любишь. Наша страна находится в состоянии войны, некоторые это понимают, а кое-кто поддерживает врага. Во время второй мировой войны Германия платила таким, чтобы они поддерживали пропаганду нацистов. Нью-Йоркские газеты публиковали статьи, прямо продиктованные Гитлером. Иногда они даже не понимали этого, но факт остается фактом. Вот как бывает на войне, парень. И ты просто говенний коллаборационист.

Я был благодарен Коннору за то, что он вернулся в этот момент, — мы с Грэхемом чуть не сцепились. Коннор спокойно сказал:

— Том, а что, по твоей версии, случилось с кассетами после того, как девушку убили?

— Как что? Они исчезли! Ты их никогда не увидишь.

— Интересно. Кстати, мне звонили из управления. Судя по всему, появился господин Исигура и принес для меня ящик с кассетами.

Я поехал с Коннором, а Грэхем на своей машине.

— Почему вы сказали, что японцы никогда не станут связываться с Грэхемом?

— Из-за его дяди. Тот во время войны попал в плен, его увезли в Токио, где он исчез. После войны отец Тома поехал туда узнать, что случилось с его братом. Он доставил японцам немало неприятностей. Вы, вероятно, знаете, что некоторые американцы погибли в Японии при медицинских опытах. Рассказывали также, что японцы кормили своих солдат печенью пленников.

— Я не знал.

— Вероятно, все предпочитают забыть то время и идти дальше. Наверное, это правильно. Япония теперь — совсем другая страна. А что вы не поделили с Грэхемом?

— Мою стипендию офицера связи.

— Вы говорили мне, что это пятьдесят в неделю.

— Немножко больше.

— Насколько?

— Примерно сто в неделю. Пять с половиной тысяч в год. Но этого хватает на плату за обучение, на книги, на расходы по связи, на няньку для ребенка — и все.

— Значит, вы получаете пять с половиной тысяч. И что?

— Грэхем говорит, что таким образом японцы на меня влияют, что они меня купили.

— Конечно, они пытаются вас купить. И действуют весьма тонко.

— Они и вас пытались купить?

— Разумеется. — Он помолчал. — И я часто соглашался. Задаривать кого-нибудь, чтобы заевовать симпатию, в природе японцев. И этим они не так уж отличаются от нас, когда мы приглашаем босса на ужин. Но мы не угождаем босса, когда предстоит повышение, а считаемличным приглашать его, пока еще ничего не предвидится. Просто из лучших побуждений. У японцев то же самое. Они считают, что если делаешь подарок заранее, то это не взятка, а именно подарок. Сначала завязывают дружбу, а уж потом начинают оказывать давление.

— И вы считаете, что это хорошо?

— Я думаю, это в порядке вещей.

— Вы не полагаете, что это развращает?

Коннор посмотрел на меня.

— А вы?

Я долго молчал.

— Наверное, развращает.

Он засмеялся.

— Ну, так-то лучше. А то бы японцы истрастили на вас все свои деньги.

— А что тут смешного?

— Ваше смущение, кохай.

— Грэхем считает, что идет война.

— Он прав. Мы определенно воюем с Японией. Но давайте посмотрим, чем удивит нас господин Исигура.

ГЛАВА 19

В приемной отдела детективов на пятом этаже даже в два часа ночи было шумно. Детективы ходили среди проституток, корчащихся наркоманов, приведенных для допроса. В углу человека в клетчатом спортивном пиджаке кричал женщина-полицейскому: „Закрой, говорю!“

Среди этого гама Касагуро Исигура выглядел явно посторонним. Он сидел в своем синем костюме в углу, опустив голову и сдвинув колени, на которых покоялась картонная коробка. Увидев нас, он вскочил, низко поклонился, прижав шляпу к ноге в знак особого уважения. Несколько секунд он не разгибался, затем немедленно поклонился вновь. Глядя в пол, он дождался, пока Коннор не заговорил с ним по японски. Исигура отвечал тихо и почтительно, продолжая глядеть в пол.

Том Грэхем потянулся к холодильнику.

— Господи! — сказал он. — Похоже, этот парень готов расколоться.

— Может быть, — сказал я. Я не был убежден, так как и прежде видел, как Исигура может перемениться. Я смотрел на Коннора. Японец выглядел виновато и продолжал глядеть вниз.

— Я никогда бы не подумал, что это он, —
сказал Грэхем. — Кто угодно, только не он.

— Почему?

— А ты не понимаешь? Убить девушки, но-
том остаться с нами да еще водить нас за нос!
Для этого нужны стальные нервы! А сейчас, по-
смотря, он чуть не плачет.

Так оно и было. В глазах Исигуры, казалось,
набухали слезы. Коннор взял коробку, подошел
к нам и дал ее мне.

— Займитесь этим. Я хочу взять показания у
Исигуры.

— Так, — сказал Грэхем. — Он признался?

— В чем?

— В убийстве.

— С какой стати?

— Он же чуть не ревет в голос.

— Это просто сумасед. Я бы не принимал
это всерьез.

— Он прямо плачет.

— Просто думает, что это ему поможет.

— Так он не признался?

— Нет. Но он обнаружил, что кассеты все-
таки унесли. Это значит, что он сделал серьез-
ную ошибку, публично солгав в присутствии
мэра. Его могут обвинить в сокрытии улик, мо-
гут уволить. Его фирма будет опозорена. У Исигуры
большие неприятности, и он понимает это.

— И поэтому так унижается? — спросил я.

— Да. В Японии, если проштрафился, лучше
всего пойти к начальству и разыграть сцену бур-
ного раскаяния, показать, что тебе плохо и ты
никогда не повторишь ошибки. Это формаль-
ность, но начальство потрясает твоя реакция.

Вот что такое *сумимасен* — бесконечные изви-
нения. Японская версия сдачи на милость суда.
Лучший способ сискать прощение. Это и дела-
ет сейчас Исигура.

— Ты хочешь сказать, что это игра?

— И да, и нет. Трудно объяснить. Лучше посмотрите кассеты. Исигура сказал, что принес свой видеомагнитофон, так как эти кассеты нестандартные, и он боится, что мы не сможем прокрутить их. Ясно?

Я открыл картонку и увидел двадцать небольших видеокассет. Там были и провода для подсоединения видеомагнитофона к телевизору.

— Ладно, — сказал я. — Посмотрим.

На первой кассете был вид сорок шестого этажа из атриума, сверху вниз. Люди на этаже работали — обычный день в офисе. Ее мы прокрутили быстро. Постепенно свет смягчался, затуманивался — день шел к концу. Одна за другой зажигались лампы на столах. Служащие постепенно расходились. Когда народ стал редеть, мы заметили еще кое-что. Камера двигалась за тем или иным служащим, проходящим мимо, а иногда останавливалась. Мы поняли, что камера имеет автоматическую фокусировку. Если в поле съемки много движения — например, несколько людей идут в разных направлениях, — камера неподвижна. Но если поле почти пусто, камера засекает одиночку и следит за ним.

— Интересная система, — сказал Грэхем.

— Для камеры охраны это, вероятно, логично, — сказал я. — Их больше интересует один человек, чем толпа.

Зажглись ночные огни. Все столы опустели. Вдруг на плёнке стали появляться какие-то вспышки.

— Что случилось? — спросил с подозрением Грэхем. — Они испортили ленту?

— Не знаю... Нет, подожди. Дело не в этом. Взгляни на часы.

На стене были видны часы. Минутная стрелка сразу метнулась от 7.30 к 8.

— Пропуск, — сказал я.

— А почему вспышки? Камера делает моментальные снимки?

Я кивнул.

— Вероятно, когда некоторое время никого нет, система делает каждые десять–двадцать секунд отдельные снимки, пока...

— Эй! Что это?

Вспышки прекратились. Камера двинулась вправо, но в кадре никого не было. Только пустые столы и ночные огни.

— Может быть, у неё повышенная чувствительность, — сказал я. — Если так, то она ощущает предмет прежде, чем он появится. Или камеру кто-то передвигает, какой-нибудь охранник. Может быть, снизу, из комнаты охраны.

Камера остановилась около дверей лифта. Они были справа в тени, над ними был козырек, не позволявший их видеть.

— Черт, как темно. Там кто-нибудь есть?

— Я ничего не вижу, — сказал я.

Изображение начало входить и выходить из фокуса.

— А теперь что? — спросил Грэхем.

— Видимо, автомат растерялся, не может решить, что снимать. Может быть, выступ мешает.

У моей видеокамеры бывает то же самое: фокус пропадает, когда не может показать то, что я снимаю.

— Значит, камера пытается что-то снять? Но я ничего не вижу. Там, кажется, просто темно.

— Нет, смотри, там кто-то есть. Бледное, очень слабое очертание ног.

— Господи! — сказал Грэхем. — Это же наша девушка стоит у лифта. Нет, теперь движется!

Через секунду из-под навеса выступила Черил Остин, и мы впервые ясно увидели ее.

Она была красива и, судя по всему, уверена в себе. Не колеблясь, твердым шагом вошла в комнату.

— Красивая чертовка, — сказал Грэхем.

Черил Остин была высокой, стройной, с короткой стрижкой. Держалась она прямо. Медленно повернулась, изучая комнату, как хозяйка.

— Даже не верится... — пробормотал Грэхем.

Я понял его. Несколько часов назад эту девушку убили. А мы сейчас видим ее на экране за считанные минуты до смерти.

Черил взяла с одного стола бумагодержатель, повертела и положила. Открыла кошелек, потом закрыла. Посмотрела на часы.

— Заволновалась.

— Не любит ждать, — сказал Грэхем. — И, ручаюсь, не привыкла. Еще бы — такая девушка!

Она стала постукивать пальцами по столу в

четком ритме. Он показался мне знакомым. Кивала головой в такт. Грэхем сощурился.

— Она что-то говорит?

— Похоже, — сказал я. Мы еле улавливали движения губ. Потом я внезапно сопоставил их и понял, что могу прочесть по ее губам: „Я ногти грызу и пальцы ломаю, не вижу просвета, покоя не знаю, о, бэби, меня свела ты с ума...“

— Господи! — удивился Грэхем. — Откуда ты это знаешь?

„Добро, милосердье...“

Черил замолчала, повернулась к двери лифта.

— Ага. Любовничек заявился.

Черил пошла к лифту. Войдя под навес, обняла прибывшего мужчину. Они поцеловались. Но он оставался под навесом, мы видели его руки, обвивавшие Черил, но не лицо.

— Вот черт! — выругался Грэхем.

— Не волнуйся, — сказал я. — Мы его увидим через минуту. Не с этой, так с другой камеры. Но, по-моему, это не первая их встреча. Она его давно знает.

— Если она действительно рада ему. Смотри, смотри! Парень не теряет зря времени.

Руки мужчины скользнули по черному пластью, подняли подол. Он обхватил ее ягодицы. Черил прижалась к нему. Объятие было страстным. Они вместе отступили в комнату, медленно поворачиваясь. Теперь мужчина был к нам спиной. Юбка Черил собралась вокруг талии, а ее руки были у него между ног. Парочка добрались до стола и свалилась на него. Мужчина прижал ее к столу, но внезапно Черил оттолкнула его.

— Ага! Не так быстро! — сказал Грэхем. — У нашей девочки есть все-таки правила.

Я сомневался, есть ли. Черил, казалось, соблазняла его, потом передумала. Я заметил, что у нее постоянно меняется настроение. Не играла ли она все время, не притворялась ли влюбленной? Мужчину это не очень удивляло. Он отступил, по-прежнему спиной к нам. Лица мы не видели. Как только он отступил, она вновь переменилась: улыбки, ласки. Медленно встала со стола, оправила юбку, соблазнительно изгинаясь.

Мы видели его ухо и часть лица, видели, что челюсти двигаются. Он говорил с ней. Она улыбнулась, подошла, обвила его шею руками. Они снова стали целоваться, руки задвигались. Медленно прошли через офис к конференц-залу.

— Она хочет в конференц-зал?

— Трудно сказать.

— Черт, все не вижу его лица.

Теперь они были в центре комнаты и камера снимала почти вертикально вниз. Мы видели только его макушку.

— Ты думаешь, он японец? — спросил я.

— Черт! Кто его знает? Сколько камер в этой комнате?

— Еще четыре.

— Ну, какая-нибудь да поймает его лицо. Тут мы его и прищучим.

— Знаешь, Том, парень очень крупный. Он, кажется, выше ее, а она девушка высокая.

— Как можно судить при съемке под таким углом? Я вижу только, что на нем пиджак. Ладно, вот они идут в конференц-зал.

На пороге Черил внезапно начала сопротивляться.

— Ну вот! — сказал Грэхем. — Опять ей не по душе. Капризная крошка, да?

Мужчина схватил ее, она завертелась, пытаясь вырваться. Он не то внес, не то втащил ее в конференц-зал. В дверях она снова попыталась вырваться, ухватившись за косяк.

— Тут она потеряла кошелек?

— Вероятно. Я плохо вижу.

Конференц-зал был расположен прямо напротив камеры, и мы видели его целиком. Но внутри было очень темно. Два силуэта освещались лишь огнями небоскребов сквозь наружную стеклянную стену. Мужчина поднял девушку, посадил на стол, опрокинул на спину. Она не оказала сопротивления, когда он задрал ей юбку выше бедер. Казалось, она соглашается, готова принять его. Он сделал быстрое движение, и что-то внезапно полетело прочь.

— Трусики.

Они, видимо, упали на пол. Сказать наверняка было трудно. Если трусики, то черные или очень темные. Тем лучше для сенатора Рой, — подумал я.

— Когда мы пришли, трусиков не было, — сказал Грэхем, глядя на экран. — Утащили такую улику! — Он потер руки. — Будь у меня акция „Накамото“, я бы ее продал, парень. Завтра к вечеру за нее и куска говна не дадут.

На экране Черил обнимала его, а он возился с молнией. Но внезапно она выпрямилась и дала ему пощечину.

— Вот так, — сказал Грэхем, — для остроты ощущений.

Тот схватил ее за руки, пытался поцеловать, но она сопротивлялась, отворачивалась. Он толкнул ее на стол и навалился на нее всем телом. Она лягала голыми ногами.

Силуэты сливались и разделялись. Трудно было определить, что происходит. Черил как будто пытала сесть, а он толкал ее назад, рукой упираясь в грудь. Она извивалась и лягала. Он все еще удерживал ее на столе, но вся сцена скорее раздражала, чем возбуждала. Я не понимал, что происходит. Это действительно насилие? Или она играет? Она лягала, боролась, но не сумела оттолкнуть его. Возможно, он был сильнее ее, но, по-моему, захоти она по-настоящему, смогла бы справиться с ним. А порой мне казалось, что ее руки обнимают его, а не отталкивают. Но понять в точности было трудно.

— Смотрите! Вот оно!

Мужчина прекратил свои ритмичные движения. Черил под ним обмякла, ее руки соскользнули с его плеч, упали на стол. Ноги бессильно замерли вдоль его тела.

— Убийство? — спросил Грэхем.

— Не знаю.

Мужчина похлопал ее по щеке, затем встряхнул посильнее. Он, казалось, говорил с ней некоторое время, может быть, полминуты, затем слез с нее. Она осталась на месте. Он обошел стол, двигаясь медленно, словно не веря своим глазам.

Потом посмотрел налево, будто услышав что-то. На миг замер, затем, видимо, решился. Он начал шарить по полу, что-то нашел и поднял.

— Трусы.

— Он взял их, — сказал Грэхем. — Вот гад! Он обошел девушку кругом и наклонился над ней.

— Что он делает?

— Не знаю, не видно.

— Черт возьми!

Он выпрямился и вышел из конференц-зала в атриум. Теперь можно было бы рассмотреть его, но он обернулся, глядя в конференц-зал, на девушку.

— Эй, парень! — позвал Грэхем. — Глянь-ка сюда. Обернись на минуточку.

Человек на экране сделал несколько шагов, все глядя на труп. Потом быстро пошел влево.

— Он не к лифтам идет, — сказал я.

— Да. Но лица не видно.

— Куда же он идет?

— Там в конце есть лестница. Запасный выход.

— Почему он идет туда, а не к лифту?

— Кто знает? Эх, взглянуть бы на его лицо хоть разок.

Но тот был уже далеко слева, и, хотя не отворачивался, мы видели только левое ухо и скулу. Шел он быстро — скоро скроется под навесом в дальнем конце помещения.

— Ах, черт. Угол съемки плохой. Давай возьмем другую кассету.

— Постой! — сказал я.

Наш тип шел к темному проходу, который, очевидно, вел к лестнице. Но по дороге он минаовал зеркало в золоченой раме, висящее на стенах, как раз перед тем, как уйти во тьму под навесом.

— Смотрите!

— Как бы это остановить?

Я лихорадочно нажимал кнопки плеяера. Нашел наконец нужную и остановил кассету. Мы прокрутили пленку назад, потом опять вперед.

Снова человек двинулся к тесному проходу быстрыми широкими шагами. Миновал зеркало, и на миг — в одном только кадре — мы ясно увидели отражение его лица в зеркале. Я нажал кнопку „стоп“.

— Дьявол!

— Чертов япошка! — сказал Грэхем. — Говорил я тебе!

В зеркале застыло лицо убийцы. Я без труда узнал напряженные черты Эдди Сакамуры.

ГЛАВА 20

— Теперь он мой! — сказал Грэхем. — Дальше мое дело! Я хочу взять ублюдка.

— Конечно, — ответил Коннор.

— Я хочу взять его один.

— Пожалуйста, это твое дело, Том. Поступай как знаешь.

Коннор написал ему адрес Эдди Сакамуры.

— Не то что я не ценю вашей помощи, но мне будет лучше управиться самому. Теперь ответьте, ребята, вы толковали с ним сегодня вечером, но не взяли его?

— Верно.

— Ладно, не беспокойтесь. Я буду молчать. Обещаю, никто ничего не узнает. — Грэхем, предвкушая арест Сакамуры, был великодушен. Он взглянул на часы. — Высший класс! Шести часов не прошло с первого звонка, а убийца уже у нас в кармане. Неплохо!

— Еще не у нас, — сказал Коннор. — Я бы на твоем месте брал его сейчас же.

— Я еду!

— Да, Том, вот еще что, — сказал Коннор, когда Грэхем пошел к двери. — Эдди Сакамура парень со странностями, но, насколько мне из-

вестно, не буйный. Вряд ли он вооружен. У него, наверное, вообще нет револьвера. Он вернулся домой с какой-то рыженькой и, вероятно, сейчас с ней в постели. По-моему, стоит брать его живым.

— Эй! — удивился Грэхем. — Что это с вами обоими?

— Я просто предлагаю, — ответил Коннор.

— Ты вправду думаешь, что я застрелю этого говнюка?

— Ты пойдешь с подкреплением — парой „черно-белых“, верно? Патрульные могут погорячиться. Я просто даю тебе совет.

— Спасибо, — сказал Грэхем и вышел. Он был так широк в плечах, что ему пришлось пройти боком.

Я смотрел ему вслед.

— Отчего вы отпустили его одного?

Коннор пожал плечами.

— Это дело ведет он.

— Но вы же вели его всю ночь. Почему вы решили остановиться на полпути?

— Пусть слава достанется Грэхему. В конце концов, нам-то что? Я в бессрочном отпуске. Вы — просто подкупленный офицер связи.

Он указал на видеокассету. — Вы прокрутите это для меня, прежде чем отвезете меня домой?

— Конечно. — Я перемотал пленку.

— И хорошо бы чашку кофе. В лаборатории Отдела научных исследований варят хороший кофе.

— Вы хотите, чтобы я взял кофе, пока вы смотрите пленку?

— Это было бы неплохо, кохай.

— «Ладно.» Я поставил кассету и повернулся к двери.

— Да, кохай, вот еще что. Когда будете там, спросите дежурного, какой видеоаппаратурой располагает управление. Потому что это нужно переписать. И могут понадобиться точные копии отдельных эпизодов, особенно если арест Сакамуры вызовет трения японцев с полицией. Может быть, придется, чтобы прикрыть себя, отпечатать фотографии.

Это было разумно.

— Я пью черный кофе с одним куском сахара. — Он повернулся к экрану.

Отдел научных исследований — ОНИ — располагался в подвале Паркер-центра. Я пришел туда в третьем часу, и большинство секций было закрыто.

ОНИ работал с девяти до пяти. Конечно, и по вечерам бригады трудились, собирая вещественные доказательства на местах преступлений, но затем их до утра запирали в сейфы отдела.

Я прошел в их маленький кафетерий. Везде были надписи: „Ты вымыл руки?“ и „Не подвергай риску других. Мой руки!“. Дело в том, что бригады ОНИ используют сильнодействующие яды. В старые времена служащие иногда забывали, сколько ртути и мышьяка может быть в чашке, до которой другой работник лаборатории только дотронулся, и заболевали, напившись из этих чашек.

Но теперь народ стал осторожнее; я взял две чашки кофе и вернулся к столу ночного дежурного. Дежурила Джекки Левин — грузная

дама в бриджах и оранжевом парике. Несмотря на эксцентричную внешность, она считалась лучшей копировальщицей в управлении. Джекки читала журнал „Современная невеста“.

— Вы опять собираетесь, Джекки?

— Нет уж, к черту! — сказала она. — Это моя дочь.

— За кого она выходит?

— Давайте поговорим о чем-нибудь более веселом. Один кофе вы принесли для меня?

— Извините, нет. Но у меня к вам вопрос: кто здесь занимается видеоуликами?

— Какими видеоуликами?

— Например, видеозаписями охраны. Кто их анализирует, делает копии?

— Ну, нас не часто просят об этом. Делали это электронщики, но, кажется, бросили. Сейчас видео поступает или в Вэлли или в Медлархолл. — Она полистала справочник. — Если хотите, поговорите в Медларе с Биллом Харрельсоном. Но когда что-нибудь особо срочное, мы обращаемся в ЛРД* или в видеолабораторию УЮК*. Вам дать телефон или вы пойдете к Харрельсону?

Что-то в ее тоне подсказало мне, как правильно поступить.

— Пожалуй, возьму телефон.

— Записывайте.

Я записал телефон и вернулся в отдел. Коннор закончил просматривать кассету и теперь прогонял кадр, где лицо Эдди появляется в зеркале.

— Разобрались? — спросил я.

*ЛРД — лаборатория ракетных двигателей

*УЮК — Университет Южной Калифорнии.

— Это Эдди, все верно. — Он казался спокойным, почти равнодушным. Взял у меня кофе, глотнул. — Ужасный кофе.

— Да, я знаю.

— Раньше он у них был лучше. — Коннор отставил чашку, выключил видео, встал и потянулся. — Ну, я думаю, мы сегодня хорошо потрудились. Что скажете, если мы поспим немногоП? У меня утром гольф в Сансет-Хиллз.

— Согласен, — сказал я и уложил кассеты и магнитофон обратно в коробку.

— Что вы собираетесь делать с кассетами? — спросил Коннор.

— Положу в сейф для хранения вещественных доказательств.

— Это оригиналы. А копий у нас нет.

— Я знаю, но раньше, чем завтра, их не сделают.

— В том-то и дело. Отчего не взять их с собой?

— Взять домой? — Это строжайше воспрещалось.

Он пожал плечами.

— Я бы не рисковал. Возьмите кассеты с собой и утром попросите, чтобы их переписали.

Я сунул коробку под мышку.

— Вы думаете, что кто-нибудь в управлении...

— Конечно, нет. Но это решающая улика. Мы же не хотим, чтобы кто-нибудь подошел с магнитом к сейфу, пока мы спим, верно?

Таким образом, я, в конечном итоге, забрал с собой кассеты. Выходя, мы миновали Иsigуру, который все еще сидел, всем своим видом выражая раскаяние. Коннор что-то быстро сказал

по-японски. Исигура вскочил, быстро поклонился и поспешил уйти.

— Он и вправду так напуган?

— Да.

Исигура быстро шел по коридору впереди нас, низко опустив голову. Он казался карикатурой на смертельно испуганного человека.

— Почему? — спросил я. — Он долго жил здесь и знает, что обвинение в сокрытии улик не столь серьезно. Тем более в деле против „Накамото“.

— Не в этом суть. Его не тревожит закон. Его волнует скандал. А он бы непременно разразился, случись это в Японии.

Мы завернули за угол. Исигура в ожидании стоял у скамьи близ лифта. Мы тоже ждали. Всем было как-то неловко. Пришел первый лифт. Исигура уступил нам очередь и, пока дверь не закрылась, кланялся нам. Лифт пошел вниз.

— В Японии он и его компания были бы раздавлены навсегда.

— Почему?

— В Японии скандал — самый обычный способ пересмотреть порядок раздела добычи или отделаться от могущественного противника. Там это действует безотказно. Находишь уязвимое место конкурента, сообщаешь о нем прессе и полиции — неизбежно возникает скандал, и человек или организация уничтожены. Так скандал со взятками погубил премьера Такеситу. Так в семидесятых годах в результате финансовых скандалов был сброшен премьер-министр Танака. И таким же образом японцы пару лет назад прижали „Дженерал Электрик“ после

скандала с „Йокагава“. Слышали о нем? Нет! Ну, это классическая японская тактика. Несколько лет назад „Дженерал Электрик“ произвела лучший в мире аппарат для сканирования в медицине. Чтобы продавать его в Японии, компания взяла субсидии у „Йокагава Медикал“. И повела дело по-японски: сверхнизкие цены, чтобы захватить рынок, великолепное обслуживание, для потенциальных покупателей — билеты на самолет и туристские чеки. Мы это называем взятками, но в Японии это обычная деловая практика. „Йокагава“ быстро захватила рынок, обогнав даже такие компании, как „Тошиба“.

Японским компаниям это не нравилось, они жаловались на нечестность конкурента. И вот в один прекрасный день правительственные агенты вошли в офис „Йокагавы“, нашли документы, свидетельствующие о получении взяток, арестовали нескольких служащих и запятнали имя компании скандалом. Продаже изделий „Дженерал Электрик“ это не очень навредило. Не имело значения и то, что и другие японские компании дают и получают взятки. По некоторым причинам пойманной оказалась не японская компания. Но скандал сделал свое дело.

— Это и в самом деле может принести столько вреда?

— Японцы умеют действовать круто. „Бизнес — это война“, — говорят они, и это не пустые слова. Знаете, они всегда твердят, что их рынок открыт. Но если японец покупал американский автомобиль, правительство проверяло его доходы. И вскоре никто не стал покупать американских машин. Чиновники пожимали плечами: если никто не хочет, что можно сделать?

Рынок открыт! Но помехи бесконечны. Каждый ввезенный автомобиль должен быть тщательно проверен — соответствует ли он законам об импорте. Иностранные лекарства могут проверяться только в японских лабораториях. Однажды запретили ввозить иностранные лыжи, заявив, что в Японии снег будто бы более влажный, чем в Англии и США.

Так они обращаются с другими странами, и неудивительно, что их тревожит опасность вкусить собственное лекарство.

— Значит, Исигура ждет скандала, потому что так было бы в Японии?

— Да. Он боится, что „Накамото“ прикончат одним ударом. Но я в этом сомневаюсь. Все шансы за то, что завтра на Лос-Анджелесской бирже кризиса не будет.

Я отвез Коннора домой. Когда он вылезал из машины, я сказал:

— Было очень интересно, капитан. Спасибо, что потратили на меня время.

— Пожалуйста. Звоните в любое время, если понадобится моя помощь.

— Я надеюсь, ваша партия в гольф состоится не слишком рано?

— Вообще-то, в семь, но в моем возрасте в сне не особенно нуждаются. Я буду играть в Сансет-Хиллз.

— Это японская площадка? — Продажа Сансет-Хиллз была одним из последних скандалов в городе. Площадки для гольфа в Западном Лос-Анджелесе были проданы за огромную сумму наличными: двести миллионов. Новые владельцы сказали тогда, что перемен не

будет. Но число американских членов гольф-клуба медленно сокращалось простым путем — как только американец выбывал, его место занимал японец. Членство в клубе Сансет-Хиллз стоило в Токио миллион, но список очередников был длинным.

— Да, — сказал Коннор. — Я играю с японцами.

— Часто играете?

— Японцы, как вы знаете, без ума от гольфа. Я стараюсь играть с ними дважды в неделю. Иногда услышишь кое-что интересное. Доброй ночи, кохай.

— Доброй ночи, капитан.

Я поехал домой.

Я выезжал на шоссе Санта-Моника, когда зазвонил телефон. Это опять была дежурная.

— Лейтенант, примите вызов. Оперативной группе нужна помощь связного.

Я вздохнул: „Ладно“. Она дала мне номер.

— Эй, парень!

Это был Грэхем.

— Привет, Том.

— Ты один?

— Да. Я еду домой. А что?

— Я подумал, может, мне следует иметь связного под рукой?

— Ты же хотел все сделать один.

— Да, но, может, и ты приедешь? Поможешь брату. Сейчас надо все делать по инструкции.

— Хочешь подстраховаться?

— Ты поможешь мне или нет?

— Конечно, Том. Я еду.

— Мы подождем тебя.

ГЛАВА 21

Эдди Сакамура жил на одной из узких извилистых улочек в холмах Голливуда. Было без четверти три, когда я сделал поворот и увидел две „черно-белых“ с выключенными огнями и коричневый „седан“ Грэхема рядом. Грэхем стоял с патрульными и курил. Пришлось отъехать на дюжину метров, чтобы найти место. Затем я подошел к ним.

Мы смотрели на домик Эдди, построенный над горажом, который был на уровне улицы. Один из домиков сороковых годов, белый, с двумя спальнями. Горел свет, и слышалось пение Фрэнка Синатры.

— Он не один, — сказал Грэхем. — Там какие-то бабы.

— Как ты собираешься действовать? — спросил я.

— Ребят мы оставим здесь. Не беспокойся, я велел им не стрелять. А мы с тобой поднимемся и накроем их.

Крутые ступени вели от гаража к дому.

— Ладно. Ты спереди, а я с тыла?

— Ну уж нет! Я хочу, чтобы ты был со мной, парень. Он же не опасен, верно?

Я увидел в окне силуэт женщины, как будто голой.

— Вроде не опасен.

— Ладно, пойдем.

Мы поднялись по лестнице под женский смех. Похоже, что женщин там было по крайней мере две.

— Черт, надеюсь, там нет наркоманов!

Я подумал, что весьма вероятно есть. Мы достигли площадки, сгибаясь, чтобы нас не увидали из окна.

Наружная дверь была в испанском стиле — тяжелая и массивная. Грэхем остановился. Я зашел за угол, туда, где мерцали зеленые огоньки, отражавшиеся в бассейне, и попытался найти заднюю дверь.

Подошедший Грэхем хлопнул меня по плечу. Я вернулся. Он тихо повернул дверную ручку. Дверь была не заперта. Грэхем вынул револьвер и посмотрел на меня. Я вынул свой.

Он помедлил, поднял три пальца. Значит, по счету „три“.

Грэхем распахнул дверь ногой и ворвался, крича:

— Спокойно, полиция! Всем оставаться на местах!

Я, прежде чем войти, услышал вопли женщин.

Женщин было две; совершенно голые, они метались по комнате, вопя во всю мочь: „Эдди, Эдди!“ Эдди не было.

— Где он? Где Эдди Сакамура? — заорал Грэхем. Рыженькая схватила с дивана подушку, прикрылась и заорала: „Вон отсюда, ты, гов-

нюк!“, потом швырнула подушку в Грэхема. Другая, блондинка, побежала, вопя, в спальню. Мы последовали за ней, а рыжая метнула в Грэхема вторую подушку.

В спальню блондинка упала на пол и взвыла от боли. Грэхем с пистолетом склонился над ней.

— Не стреляй! — кричала она. — Я ничего не сделала!

Грэхем схватил ее за лодыжку. Голое тело извивалось на полу. Она была в истерике.

— Где Эдди? — спросил Грэхем. — Где он?

— На совещании! — взвизгнула девушки.

— Где?

— На совещании! — Другой ногой она ударила Грэхема в пах.

— Ох, черт! — простонал Грэхем, отпустив ее. Он закашлялся и сел на пол. Я пошел в гостиную. На рыжей, что сидела там, были только туфли.

— Где он? — спросил я.

— Вы ублюдки, — сказала она. — Чертовы ублюдки!

Я прошел мимо нее к двери в конце комнаты. Она была закрыта. Рыжая подбежала и стала бить меня кулаками по спине.

— Оставь его в покое! Оставь его!

Я пытался открыть дверь, но рыжая повисла на мне. За дверью мне послышались голоса. В следующий момент вломился Грэхем, навалился на дверь всей своей тушей, дерево затрещало. Дверь открылась. Я увидел кухню, освещенную снаружи зеленым светом. Она была пуста, но задняя дверь открыта.

— Ах, сволочь!

Рыжая прыгнула мне на спину, сомкнув ноги на моей груди. Она вцепилась мне в волосы, выкрикивая ругательства. Я завертелся, пытаясь отшвырнуть ее. Странно, но посреди всего этого хаоса я думал только об одном: будь осторожен, не порань ее, плохо, если красивая девушка сломает руку или ребро, это истолкуют как зверство полиции, хотя сейчас она вырывается у меня волосы с корнем. Она больно укусила меня за ухо. Я с размаху прижался спиной к стене и услышал, как рыжая охнула. Наконец она отпустила меня. Из окна я увидел темную фигуру, сбегавшую по ступенькам. Грэхем тоже ее увидел.

— Вот говно! — выругался он и выбежал наружу. Я побежал за ним, но девушка, вероятно, подставила мне ногу. Я упал, сильно ударившись. Вскочив, я услыхал сирены „черно–белых“ и шум включенных моторов.

Я сбежал вниз, отстав на десяток метров от Грэхема, когда из гаража задом выехал „ферари“ Эдди Сакамуры и помчался по улице.

„Черно–белые“ немедленно пустились в погоню. Грэхем бросился к своему „седану“ и выехал, пока я еще бежал к своей машине, стоящей дальше. Он миновал меня, я увидел его мрачное разъяренное лицо. Вскочив в автомобиль, я последовал за ним.

Мчаться по холмам и одновременно говорить по телефону невозможно, я и не пытался. Я рассчитал, что Грэхем в полукилометре опередит меня, а он ненамного позади полицейских. Съехав с холма на шоссе, я увидел пробку. При-

шлось дать задний ход и поехать в объезд через Малхолланд.

Поток машин стал слабее, я включил мигалку и свернул направо.

Я затормозил у бетонного ограждения через полминуты после того, как „феррари“ врезался в него на скорости сто пятьдесят километров в час. Вероятно, взорвался бензобак, и пламя поднялось метров на пятнадцать. Это было настоящее пекло, казалось, загорятся деревья на холме. Нельзя было подойти к искореженным остаткам автомобиля.

Подкатила первая из пяти пожарных машин и еще три „черно–белых“. Ревели сирены, мигалки просто ослепляли.

Я отъехал, уступив место пожарным, потом подошел к Грэхему. Он курил, а пожарники поливали пеной огонь.

— Черт, что за блядство! — выругался Грэхем.

— Почему твои ребята не задержали его в гараже?

— Потому что я запретил стрелять. А нас не было. Они решали, что делать, а парень тем временем улизнул. — Он покачал головой. — Пожалуйста, что рапорт будет говеный.

— Все же, наверное, лучше, что ты его не застрелил.

— Может быть. — Он бросил сигарету.

Когда пожарные наконец потушили пламя, „феррари“ был дымящейся грудой, расплющенной о бетон. В воздухе стоял смрад.

— Ну, — сказал Грэхем, — здесь торчать нет смысла. Я поеду обратно. Может, девушки еще там.

— Я тебе еще нужен?

— Нет, можешь идти. Завтра посмотрим. Черт, еще с рапортом возиться... — Он посмотрел на меня в нерешительности. — Как думаешь, здорово мы влипли с этим делом?

— Да, — сказал я.

— Нельзя было действовать иначе. По крайней мере, я так думаю.

— Нельзя, — сказал я. — Просто так вышло.

— Ладно, парень. До завтра.

— Доброй ночи, Том.

Мы разошлись по машинам. Я поехал домой.

ГЛАВА 22

Миссис Аскенио громко хрюкала на кушетке. Было без четверти четыре. Я прошел на цыпочках и заглянул в комнату Мишель. Она лежала на спине, отбросив одеяло, сунув руки под голову. Ее ножки свешивались сквозь прутья кроватки. Я подоткнул одеяло и пошел к себе.

Телевизор был еще включен. Я его выключил, стянул галстук, сел на постель разуться и внезапно понял, как я устал. Снял пиджак, брюки, бросил на телевизор, лег на спину и подумал, что надо бы снять рубашку. Она пропотела и была грязной. Я закрыл глаза и уронил голову на подушку. Потом меня ущипнули, и что-то стало давить на веки. Я услышал чириканье и в ужасе подумал, что птицы выклевывают мне глаза.

И тут я услышал голос:

— Папа, открай глаза. Открай глаза. — И я понял, что это моя дочь пытается пальчиками поднять мне веки.

Я застонал, увидев мельком дневной свет, перевернулся на живот и уткнулся лицом в подушку.

— Папа, открай глаза. Открай глаза, папа.

— Папа вчера работал допоздна. Папа устал. — Она не обратила внимания.

— Папа, открой глаза. — Я знал, что она будет продолжать, пока я не сойду с ума или не открою глаз. Я повернулся и закашлялся.

— Папа еще спит, Шелли, пойди посмотри, что делает миссис Аскенио.

— Папа, открой глаза.

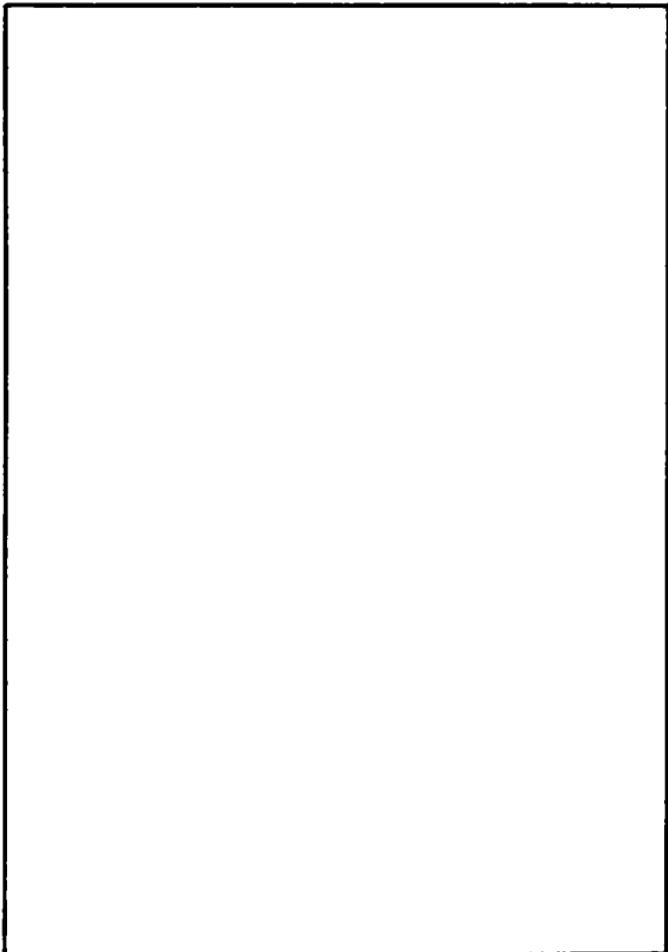
— Ты можешь дать мне немного поспать?

Папа сегодня хочет поспать подольше.

— Уже утро, папа. Открой глаза.

Действительно было утро.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

ГЛАВА 23

— Ешь свои блинчики.

— Я больше не хочу.

— Еще кусочек, Шелли. — Солнечный свет пробивался сквозь кухонное окно. Я зевал. Было семь утра.

— Мама придет сегодня?

— Не отвлекайся. Давай, Шелли. Еще кусочек, ну, пожалуйста.

Мы сидели в углу кухни за ее столиком. Иногда, если ей не хотелось есть за большим столом, удавалось заставить за этим. Но сегодня мне не везло.

Мишель уставилась на меня.

— Мама придет?

— Думаю, да. Но не уверен. — Не хотелось ее разочаровывать. — Поживем — увидим.

— Мама опять уедет из города?

— Может быть. — Интересно, что означает для двухлетней „уехать из города“? Как она это себе представляет?

— Она уедет с дядей Риком?

Какой еще дядя Рик? Я держал вилку перед ее ртом.

— Не знаю, Шелли. Давай, открай рот.
Съешь еще кусочек.

— У него новая машина, — сказала Мишель, важно кивнув, как всегда делала, сообщая серьезную новость.

— Да?

— Угу. Черная.

— Понимаю. Какая машина?

— „Седес“.

— Ты хочешь сказать — „мерседес“?

— Угу. Черный.

— Очень мило.

— Когда приедет мама?

— Съешь еще кусочек, Шелли.

Она открыла рот, и я придвинул вилку. Но в последний момент она уклонилась, надувшись.

— Нет, папа.

— Ладно, — сказал я. — Сдаюсь.

— Папа, я сыта.

— Понимаю.

Миссис Аскенио убирала на кухне, прежде чем вернуться к себе. Было еще пятнадцать минут до прихода няни. Мне нужно было одеть Мишель. Я бросил недоеденный блинчик в раковину. Зазвонил телефон. Это была Эллен Фарли, помощник мэра по связям с прессой.

— Ты смотришь?

— Что?

— Новости, седьмой канал. Как раз сейчас говорят об автомобильной катастрофе.

— Да?

— Позвони мне, как посмотришь, — сказала она.

Я прошел в спальню и включил телевизор. Диктор говорил:

— ... сообщает о погоне на Голливудском шоссе. Человек, правивший спортивным „ферари“, направил его в проезд на Уайн-стрит. По словам свидетелей, машина врезалась в бетонное ограждение со скоростью более ста пятидесяти километров в час и тут же загорелась. Были вызваны пять пожарных машин, но водителя спасти не удалось. Его тело так обгорело, что даже очки расплавились. Возглавлявший погоню детектив Томас Грэхем сказал, что водитель, мистер Эдвард Сакамура, разыскивался в связи с убийством женщины в деловом квартале. Но сегодня друзья мистера Сакамуры выразили недоверие обвинению и заявили, что недопустимые действия полиции напугали его и вынудили бежать. Есть сведения, что у этого инцидента расистская подоплека. Неясно, намеревалась ли полиция обвинить мистера Сакамуру в убийстве. По нашим данным, это третья погоня на высокой скорости за последние полмесяца. Вопрос о допустимости подобных гонок был поднят после того, как в прошлом январе при аналогичных обстоятельствах погибла женщина. Ни детектива Грэхема, ни его помощника лейтенанта Питера Смита проинтервьюировать не удалось. Мы надеемся узнать, будут ли они наказаны или отстранены от работы.

— Папа...

— Минутку, Шелли.

На экране я увидел раздавленный дымящийся корпус машины, который грузили на платформу, чтобы оттащить с дороги. Там, где автомобиль врезался в ограждение, было черное пятно. На экране вновь появился комментатор:

— „Эн-Би-Си“ стало известно, что вечером два полицейских офицера беседовали с мистером Сакамурой, но не арестовали его. Капитан Джон Коннор и лейтенант Смит могут подвергнуться дисциплинарной проверке, если возникнет вопрос о превышении полномочий. Теперь хорошая новость — движение на шоссе возобновилось. Передаю микрофон Бобу...

Я молча уставился в телевизор. Значит, дисциплинарная проверка?

Зазвонил телефон. Опять Эллен Фарли.

— Слыхал?

— Да. В чем дело, Эллен?

— Если тебя интересует, не из офиса ли мэра это исходит, то нет. Но японцы и раньше жаловались на Грэхема. Они считают его расистом. Похоже, что вчера он подтвердил это.

— Я был там. Грэхем действовал правильно.

— Да, я знаю, что ты там был. Честно говоря, это плохо. Я бы не хотела, чтобы ты попал под ту же метлу.

— Грэхем действовал правильно.

— Пит, ты что, не понимаешь?!

— А что насчет отстранения и дисциплинарной проверки?

— Я впервые услышала об этом. Но это исходит от твоего управления. Кстати, это верно? Вы с Коннором видели вчера вечером Сакамуру?

— Да.

— И не арестовали его?

— Нет. У нас тогда не было веских причин для ареста. Они появились потом.

— Ты вправду думаешь, что он совершил убийство?

— Я это знаю. Все зафиксировано на пленке.

— На пленке? Ты шутишь.

— Нет. Убийство заснято одной из камер охраны „Накамото“.

Она замолчала.

— Алло?

— Слушай, — сказала она. — Только не записывай, ладно?

— Конечно.

— Я не понимаю, что творится, Пит. Это что-то странное.

— Почему ты не сказала вчера, кто эта девушка?

— Извини. У меня были на то причины.

— Эллен!

Молчание.

— Пит, эта девушка вращалась в наших кругах, знала очень многих.

— Мэра она знала?

Молчание.

— Она хорошо его знала?

— Послушай, она была красива, имела массу знакомых. Я лично считала ее неуравновешенной, но она здорово действовала на мужчин, можешь мне поверить. Так что многие еще будут вмешиваться в это дело. Ты видел сегодняшнюю „Таймс“?

— Нет.

— Посмотри. Ближайшие два дня ты должен быть очень осторожен. Постарайся не допускать ошибок, веди себя точно по инструкции. И с оглядкой, ясно?

— Ясно. Спасибо, Эллен.

— Не за что. Я тебе не звонила. — Голос ее стал мягче. — Береги себя, Питер.

Раздались короткие гудки.

— Папа!

— Минутку, Шелли.

— Можно посмотреть мультик?

— Конечно, милая.

Я нашел ей программу с мультиком и пошел в столовую. Открыл входную дверь и поднял с циновки „Таймс“. Не сразу нашел на последней странице, в разделе „Городские новости“ статью.

Заголовки кричали: „Полиция обвиняется в расизме“, „Японский праздник омрачен“.

Первый абзац я пропустил. Японские служащие компании „Накамото“ жаловались на „честное и грубое“ поведение полиции, опорочившей украшенный знаменитостями прием в честь открытия нового небоскреба. Один служащий сказал, что действия полиции „продиктованы расизмом“. Представитель „Накамото“ заявил: „Мы не думаем, что полиция вела бы себя так, не будь компания японской. Мы чувствуем, что ее действия отражают истинное отношение к японцам, попавшим в руки американских чиновников“. Председатель правления компании „Накамото“, господин Хироши Огуря был на приеме, привлекшем таких „звезд“, как Мадонна и Том Круз, но воздержался от комментариев. Его представитель сказал: „Господин Огуря глубоко озабочен тем, что враждебность чиновников омрачила вечер. Он очень опечален случившимся“.

Согласно сообщениям обозревателей, мэр Томас послал своего помощника разобраться с полицией, но результат оказался ничтожным.

Полиция не изменила свою тактику, исходя из
на присутствие офицера Спецслужбы лейте-
нанта Питера Смита, чья обязанность разрешать
расовые недоразумения..."

Ну и далее в том же духе.

Лишь после четвертого абзаца становилось
ясно, что произошло убийство. Эта деталь каза-
лась почти несущественной.

Я снова взглянул на заголовок. Сообщение
было дано городской информационной служ-
бой. Без подписи.

Я так разозлился, что позвонил в „Таймс“
Кену Шубику, ведущему репортеру отдела „Го-
родские новости“, с которым был и прежде зна-
ком. Он всегда знал все, что происходит в газе-
те. Поскольку было только восемь утра, я позво-
нил ему домой.

— Кен, это Питер Смит.

— О, привет. Рад, что ты получил мою ве-
сточку.

В трубке я услышал голос девочки лет деся-
ти: „О, папа, почему я не могу туда пойти?“

— Дженифер, дай минуту поговорить, —
сказал Кен.

— Какую весточку? — спросил я.

— Я позвонил тебе вечером, думал, что тебе
сразу следует узнать. Он-то явно работает за
деньги. Но ты представляешь, что за этим кро-
ется?

— За чем? — спросил я, не понимая, о чем
он говорит. — Извини, Кен, но я ничего от тебя
не получал.

— Правда? — спросил он. — Я звонил тебе
примерно в полдвенадцатого. Дежурная сказала,

что ты на задании, но в машине у тебя есть телефон. Я ей сказал, что у меня важные новости и чтобы ты позвонил мне домой. Я был уверен, что тебе нужно знать.

Снова послышался голос девочки: „Па, давай быстрее, мне нужно решить, что я надену“.

— Дженнифер, черт побери! — сказал Кен. — Отстань! У тебя ведь тоже дочь, да? — Это уже мне.

— Да, — сказал я. — Но ей только два года.

— Ну, у тебя все еще впереди. Слушай, Пит, ты вправду не получил моей весточки?

— Нет. Я звоню по другому поводу — насчет статьи в утреннем выпуске.

— Какой статьи?

— Статьи о „Накамото“ на восьмой полосе. Насчет „грубых расистов из полиции“ на приеме.

— Черт, я не думал, что они дадут материал о „Накамото“ в утреннем выпуске. Насколько я знаю, Джуди была на приеме, но ее материал пойдет только завтра. Знаешь, японцы любят, когда мы о них пишем. Но у Джефа вчера в графике ничего не было.

Джеф был редактором отдела „Городские новости“.

Я сказал:

— Но в сегодняшнем утреннем есть проубийство.

— Какое убийство? — Его голос звучал странно.

— Вчера вечером у „Накамото“ произошло убийство. В половине девятого. Убили одну из гостей.

Кен молчал, пытаясь, видимо, сопоставить факты.

— Ты ведешь это дело? — наконец спросил он.

— Меня привлекли как связного с японцами.

— Гм, — сказал Кен. — Слушай, я сяду за стол и посмотрю, что у нас есть. Поговорим через час. И дай свои координаты, чтобы я знал, где тебя искать.

— Ладно.

Он откашлялся.

— Пит, между нами, у тебя есть проблемы?

— Ты о чем?

— Ну, с женщинами или с банковским счетом. Может, что не так с налоговой декларацией? То, о чем мне следовало бы знать, как твоему другу.

— Нет.

— Подробности мне не нужны. Но если у тебя что-то не в порядке...

— Ничего, Кен.

— Понимаешь, если я буду за тебя драться, я не хочу вляпаться в дермо.

— Кен, скажи мне наконец, что происходит?

— Я сейчас не буду вдаваться в подробности. Скажу только, что кто-то хочет схватить тебя за задницу.

Девочка сказала: „Пап, что у тебя за выражения?!“

— А ты не подслушивай! Алло, Пит?

— Да. Я здесь.

— Позвони мне через час.

— Ты отличный товарищ, — сказал я. — Я у тебя в долгу.

— Ладно, брось.
И Кен повесил трубку.

Я огляделся. Все было как обычно. Утреннее солнце продолжало заливать комнату своими лучами. Мишель сидела в своем любимом кресле, смотрела мультики и сосала палец. Но все как-то изменилось. Мир словно опрокинулся. Меня пробрала дрожь.

Однако и время не терпит. Нужно одеть Мишель прежде, чем придет няня. Как только я сказал это Мишель, она начала плакать. Я выключил телевизор, она бросилась на пол, стала дрыгать ногами и кричать:

— Нет, папа! Мультики, папа!

Я поднял ее и отнес в спальню, чтобы одеть. Она вопила благим матом. Телефон зазвонил опять. На сей раз дежурная по отделу.

— Доброе утро, лейтенант. У меня для вас сообщение.

— Дайте взять карандаш. — Я поставил Мишель на пол, она заорала еще громче. Я сказал:

— Ты можешь решить, какие туфли наденешь сегодня?

— Орут так, словно у вас кого-то режут, — сказала дежурная.

— Дочь не хочет одеваться, а ей на занятия.

Мишель тянула меня за ногу.

— Нет, папа! Не надо на занятия, папа!

— Пойдешь как миленькая, — твердо сказал я. Она снова завыла. — Записываю, — сказал я дежурной.

— В 11.45 вам звонил Кен Субботик или Субботник из „Лос-Анджелес Таймс“, просил

позвонить ему. Оставил записку. „Тебя проверят Хорек“. Он сказал, что вы поймете. У вас есть сго телефон?

— Да.

— В 1.42 позвонили от мистера Эдди Сака... вроде Сакамуры. Он сказал, чтобы вы срочно позвонили ему домой, номер 555-84-34. Это на счет пропавших кассет.

Вот черт!

— В котором часу был звонок?

— В 1.42 я направила вызов в Центральную, но они, видимо, не смогли найти вас. Вы были в морге?

— Да.

— Извините, лейтенант, но если вы не в автомобиле, приходится действовать через посредников.

— Ладно. Что еще?

— В 6.43 капитан Коннор оставил номер радиотелефона. Он сказал, что играет утром в гольф.

— Понял.

— И в 7.10 позвонил Роберт Вудсон из офиса сенатора Мортона. Сенатор хочет встретиться с вами и капитаном Коннором в час дня в Загородном Клубе Лос-Анджелеса. Он просил вас позвонить и сообщить, придет ли вы. Я пыталась найти вас, но телефон был занят. Вы позвоните сенатору?

Я сказал, что позвоню. Попросил ее связаться с Коннором и сказать, чтобы он звонил мне в машину.

Дверь квартиры открылась, и вошла няня.

— Доброе утро. К сожалению, Шелли еще не одета.

— Не беда. Я ее одену. Когда миссис Дэвис придет за ней?

— Еще не знаю.

Она много раз задавала этот вопрос и получала один и тот же ответ.

— Давай, Мишель. Выбери платье на сегодня и поторопись на занятия.

Я взглянул на часы и хотел выпить вторую чашку кофе, но зазвонил телефон.

— Лейтенанта Питера Смита, пожалуйста.

Это был заместитель шефа Джим Олсон.

— Привет, Джим.

— Доброе утро, Пит. — Говорил он дружелюбно, однако я знал, что Джим Олсон никогда никому не звонил до десяти утра по пустякам. — Похоже, мы схватили змею за хвост. Газеты видел?

— Видел.

— Утренние новости смотрел?

— Не с начала.

— Шеф позвонил мне и приказал разобраться в этом деле. Прежде чем я выскажу ему свои соображения; я хотел бы узнать твоё мнение. Согласен?

— Да.

— Я только что говорил с Грэхемом. Он признает, что ночью вы здорово напортачили. Так что орденов не ждите.

— Пожалуй, так.

— Две голые девки помешали двум здоровым офицерам задержать подозреваемого. Было такое?

Звучало это, конечно, смехотворно.

— Тебя бы туда, Джим, — сказал я.

— Не надо, — ответил он. — Но пока что одно хорошо: я проверил, вели ли вы погоню по всем правилам. Видимо, да: у нас записи всех компьютеров и переговоров по радио. Все строго по инструкции, слава Богу. Никто даже не ругнулся. Мы напечатаем эти записи, если дела пойдут хуже. Так что с этой стороны мы защищены. Но очень плохо, что этот Сакамура мертв.

— Да.

— Грэхем вернулся забрать девок, но дом был пуст. Они исчезли.

— Понимаю.

— Во всей этой спешке никто не узнал их имена?

— Боюсь, никто.

— Значит, у нас нет свидетелей того, что произошло в доме. Здесь мы слегка уязвимы.

— Да.

— Тело Сакамуры, вернее то, что от него осталось, вытащили из обломков, чтобы перевезти в морг. Грэхем сказал, что дело закрыто. Я так понял, что на кассете показано, как Сакамура убил девушку. Грэхем говорит, что готов представить заключительный рапорт. Ты как считаешь? Дело закрыто?

— По-моему, да, шеф. Наверняка.

— Тогда можно зажать им рот. Японцы считают, что расследование убийства в „Накамото“ для них оскорбительно. Они не хотят, чтобы оно длилось дольше, чем необходимо. Так что, если его можно закончить, это хорошо.

— Я согласен. Давайте закончим.

— Ну, это хорошо, Пит. Я поговорю с шефом, может быть, обойдемся без взысканий.

— Спасибо, Джим.

— Так что будь спокоен. Сам я не вижу причин для взысканий, раз у нас есть видеоулика, доказывающая, что это сделал Сакамура.

— Да, есть.

— Теперь насчет этих кассет. Я велел Марти посмотреть в сейфе, но он их вроде не нашел.

Я глубоко вдохнул и сказал:

— Они у меня.

— Ты их не положил вчера в сейф?

— Нет. Я хотел сделать копии.

Он закашлялся.

— Пит, ты нарушаешь инструкцию.

— Я хотел сделать копии.

— Вот что я тебе скажу: сделай копии, но чтобы оригиналы были у меня на столе в десять часов. Ладно?

— Ладно.

— Именно к этому часу мне принесли бы их из сейфа. Понимаешь?

Он дал понять, что выгородит меня.

— Спасибо, Джим.

— Не за что. И, насколько мне известно, никаких инструкций ты не нарушал.

— Понятно.

— Но, между нами говоря, поторапливайся. Я могу отговариваться два часа. Мало ли что может случиться. Кто знает, откуда может грянуть гром. Так что не тяни, ладно?

— Да, Джим, я уже иду.

Я повесил трубку и пошел снимать копии.

ГЛАВА 24

Пасадена, казалось, лежала на дне стакана с простоквашей. Лаборатория ракетных двигателей притулилась в ее окрестностях на холмах у Роуз-Боул. Даже в половине девятого утра холмы скрывал желтоватый туман.

Я сунул коробку с кассетами под мышку, показал свой значок и отметился у часового. Он направил меня к главному зданию через внутренний двор.

Лаборатория десятилетиями служила центрам управления полетами космических кораблей, фотографирующих Юпитер и кольца Сатурна. Здесь была собрана вся новейшая видеотехника. Если где и могли сделать копии, то здесь.

Мэри Джейн Келлехер, пресс-секретарь, провела меня на третий этаж. Мы прошли светло-зеленым коридором мимо нескольких пустых кабинетов. Я поинтересовался, почему они пусты.

— Мы теряем хороших людей, Питер.

— Куда же они деваются?

— Большинство уходят в промышленность. От нас всегда уходили в „Ай-Би-Эн“, в „Ар-

монах“ или к „Белл“ в Нью-Джерси. Но в тех лабораториях уже нет ни хорошего оборудования, ни денег. Теперь массу американских исследователей забирают японцы — „Хитачи“ в Лонг-Бич, „Санью“ в Торранс, „Кэнон“ в Инглвуде.

— Вас это тревожит?

— Конечно. Все знают, что лучший способ заполучить новую технологию — это заполучить ее носителя. Но что можно сделать? — Она пожала плечами. — Исследователи хотят работать. А в Америке сейчас проводится слишком мало самостоятельных исследований и разработок. Наш бюджет урезан, так что лучше работать для японцев. Они хорошо платят и искренне уважают ученых. Вам нужно самое современное оборудование — получите. Во всяком случае, так говорят мои друзья. Вот мы и пришли.

Она ввела меня в лабораторию, заставленную видеооборудованием. На металлических полках и столах стояли штабеля черных ящиков; по полу змеились провода; множество мониторов и экранов. Среди всего этого богатства восседал тридцатилетний бородач — Келвин Хаузер. На его мониторе было изображение двигателя в инфракрасных лучах. На столе — бутылки кока-колы и конфетные обертки; он здесь работал всю ночь.

— Келвин, это лейтенант Смит из полицейского управления. Ему нужно срочно сделать копии с нескольких видеокассет.

— Только-то? — Хаузер казался разочарованным. — И больше ничего?

— Нет, Келвин.

— Давайте.

Я показал Хаузеру одну кассету. Он повертел ее в руках и пожал плечами.

— Формат странный, а пленка, похоже, стандартная, восемь миллиметров. Что на ней?

— Запись с японского телевидения высокой точности.

— Вы имеете в виду качество изображения?

— Да.

— Нет проблем. Плейер у вас есть?

— Да. — Я достал из коробки плеер и дал ему.

— Господи, красиво же делают, а? Прекрасная штука. — Келвин проверил кнопки. — Да, все в порядке. Можно сделать. — Он снова взял кассету, посмотрел с тыльной стороны, нахмурился, направил на нее свет настольной лампы и раскрыл. На пленке была тонкая серебристая полоска. — Хм. Эти записи могут быть представлены в суде?

— Могут.

Он вернул мне кассету.

— Извините. Я не смогу переписать.

— Почему?

— Видите серебристое? Это испаряется по-крытие пленки. Очень высокая чувствительность. Я не могу сделать копию — нет гарантии, что она будет читаться. Копия окажется неточной. Если дело судебное, вам нужно снять копии в другом месте.

— Где же?

— Там, где берут формат D-4. Единственное место — „Хамагури“.

— Что это?

— Исследовательская лаборатория в Гленда-
ле, собственность компании „Кайкацу“. У них
есть вся видеоаппаратура, известная человече-
ству.

— Думаете, они помогут мне?

— Конечно. Я знаю одного из тамошних ди-
ректоров, Джима Дональдсона. Могу позвонить
ему, если хотите.

— Это было бы чудесно.

— Нет проблем.

ГЛАВА 25

Исследовательский институт „Хамагури“ был безликим зданием с окнами из зеркального стекла в промышленном районе на севере Глендаля. Я внес коробку в холл. Позади стола в приемной виднелся атриум в центре здания и окруженные стенами из матового стекла лаборатории.

Я спросил доктора Дональдсона и уселся в холле. Пока я ждал, вошли двое, кивнули журналисту и сели рядом со мной. Не обращая на меня внимания, они развернули на кофейном столике глянцевитые проспекты.

— Смотрите, — сказал один. — Вот то, о чем я говорил. Последний снимок.

Я бросил взгляд: полевые цветы и снежные вершины. Говоривший похлопал по фото.

— Друг мой, это Скалистые горы. Старая добрая Америка. И мы это продаем! Огромные участки земли!

— Сколько?

— Сто тридцать тысяч акров. Добрая часть штата Монтана, которая еще не продана. Двести квадратных километров девственной почвы

у подножия гор, целый национальный парк. Отличный пейзаж, просторы, богатейшие земли. То, что нужно японскому консорциуму.

— А с ценой они согласны?

— Пока нет. Но, понимаешь, нынешним владельцам ранчо сейчас приходится туго! Сейчас можно ввозить в Токио говядину, она там двадцать—двадцать пять долларов кило. Но никто в Японии не покупает американское мясо. Если его туда посылают, оно гниет в порту. А если ранчо продадут японцам, то мясо можно экспортировать. У своих японцы купят. Японец хочет иметь дело с японцем. Почти все ранчо в Монтане и Вайоминге уже проданы. Оставшиеся ранчero видят японских ковбоев, видят, как другие ранчо процветают, модернизируются, потому что получают прибыль от торговли с Японией. И американские ранчero не дураки, понимают, что их время прошло, что конкурировать они не в силах. И продают.

— Но что тогда остается американцам?

— Работать на японцев. Это самый лучший выход. Японцам нужно, чтобы кто-то учил их. Все работники на ранчо получат повышение. Японцы понимают чувства американцев. Они чуткие.

— Я знаю, — сказал второй. — Но мне все это не нравится.

— Вот как, Тед? Что же ты сделаешь — напишешь своему конгрессмену? Они все работают на японцев, так или иначе. Дьявол, японцы получают на покупку ранчо субсидии от американского правительства! — Он повернулся золотую цепочку на своем запястье и наклонился к собеседнику. — Слушай, Тед, давай обойдемся

без сентиментов. Я не могу себе этого позволить, да и ты тоже. Мы говорим: четыре процента от суммы сделки сразу, а в течение пяти лет выплачивается семь миллиардов. Давай не упускать этого из виду. Ты лично только в первый год получишь два миллиона четыреста тысяч. А платить будут пять лет. Ясно?

— Я понимаю. Просто мне не по себе.

— Ладно, Тед. Я не думаю, что тебя это будет тревожить, когда сделка будет заключена. Но есть детали, которые нужно уточнить. — Тут они, видимо, поняли, что я слушаю, встали и отошли. Я слышал, как первый говорил что-то о „гарантиях, что штат Монтана одобряет и поощряет“, а второй кивал. Первый хлопнул его по плечу, подбадривая.

— Лейтенант Смит? — Рядом со мной стояла женщина.

— Да, это я.

— Я — Кристин, ассистент доктора Дональдсона. Келвин из АРД предупредил, что вы зайдете. У вас кассеты?

— Да. Мне нужно их переписать.

— Извините. Когда он звонил, меня не было. Говорила с ним секретарша, а она не вполне его поняла.

— То есть?

— К несчастью, доктора Дональдсона сейчас нет. Он произносит речь.

— Понимаю.

— И из-за этого возникли некоторые сложности. В его отсутствие...

— Мне нужно только снять копии. Может, кто-нибудь в лаборатории сделает?

— Обычно так оно и бывает, но сегодня, боюсь, это невозможно.

Какая-то Великая Японская Стена. Очень вежливая, но стена. Я вздохнул. Наивно было полагать, что японская компания мне поможет. Даже с таким пустяком, как кассеты.

— Понимаю.

— Сегодня в лаборатории никого нет. Вчера вечером все работали допоздна над срочным заданием, так что сегодня будут поздно. Этого секретарша не учла. Так что не знаю, чем вам помочь.

Я сделал последнюю попытку.

— Как вы знаете, мой босс — шеф полиции. Это уже второе место, куда я обращаюсь. Он буквально замучил меня — нужно срочно получить копию.

— Я бы помогла вам. Я знаю, доктор Дональдсон тоже был бы рад. Мы уже работали по заданию полиции и, конечно, можем скопировать все, что угодно. Может быть, позже? Если вы оставите это нам...

— Боюсь, что не могу.

— Конечно. Я понимаю. Ну, лейтенант, тогда извините. Может быть, все же зайдете позже?

— Наверное, нет. Мне не повезло, что у вас все работали вечером.

— Да. Это довольно нетипично для нас.

— А в чем дело? Срочное исследование?

— Я, по правде говоря, не знаю. У нас масса возможностей, так что к нам обращаются все, кому нужно нечто необычное. Коммерческое телевидение заказывает ролик со специальными эффектами или что-нибудь в этом роде. Недавно мы сделали для „Сони“ новый клип Майкла

Джексона. Или нужно реставрировать плёнку, понимаете? Что было вчера — не знаю, но работы было много. Привезли чуть ли не двадцать кассет и все срочно. Говорят, в лаборатории все сидели за полночь.

„Врет“, — подумал я. Что бы сделал на моем месте Коннор? Попробую спросить наугад.

— Ну, я уверен, „Накамото“ отблагодарит вас за такую работу.

— О да. Мы для них поработали на славу. Они очень довольны.

— Вы сказали, что мистер Дональдсон произносит речь?

— Доктор Дональдсон. Совершенно верно.

— Где же?

— На семинаре для корпораций в отеле „Бонавентура“. Тема — методика управления при проведении исследований. Он, должно быть, очень устал после бессонной ночи. Но он хороший оратор.

— Спасибо. — Я дал ей свою карточку. — Вы были очень внимательны и, если вам что-то понадобится, звоните.

— Ладно. — Она взглянула на карточку. — Спасибо.

Я повернулся, чтобы уйти. Американец лет тридцати, в костюме от Армани и с чопорным видом выпускника Бостонской академии подошел и сказал тем двоим:

— Джентльмены, мистер Накагава вас примет.

Они вскочили, схватили свои глянцевитые проспекты и пошли за франтом, который размerrенно двинулся к лифту.

Я вышел из здания прямо в туман.

ГЛАВА 26

В вестибюле висел плакат: „Японо-американский стиль управления — работать вместе“. В конференц-зале проходил один из семинаров для деловых людей, где мужчины и женщины сидят за длинными столами, покрытыми серым сукном, и делают в получьме заметки, пока лектор жужжит на трибуне.

Я стоял перед столом, где записывали опоздавших. Подошла женщина в очках.

— Вы отметились? Получили пакет документов?

Я показал свой значок.

— Я бы хотел поговорить с доктором Дональдсоном.

— Он выступает следующим, через семь-восемь минут. Кто-нибудь может вам его заменить?

— Мне только на секунду.

Она заколебалась.

— Но осталось так мало времени...

— Тогда позвовите его поскорее.

Она посмотрела на меня так, словно получила пощечину. Не знаю, чего она от меня ожидала.

ла. Я полицейский офицер и мне нужно поговорить с кем-то. Она думает, в данном случае можно возражать? Я разозлился, вспомнив франта в костюме от Армани. Шел вальяжно, как важная птица, а торговцы недвижимостью чуть не бежали за ним. С чего этот юнец вообразил себя столь значительным? Может быть, он что-то и может, но все равно на побегушках у японского босса.

Женщина обошла зал, направляясь к эстраде, где четверо ждали своей очереди выступить. Аудитория записывала, а рыжеватый человек на трибуне говорил:

— Для иностранца в японской корпорации всегда есть место. Конечно, не во главе, может быть, даже не в высших эшелонах, но есть. Вы должны понять, что место, которое вы занимаете, важное, что вас уважают, что вам есть что делать. Как иностранцу вам придется столкнуться с некоторыми сложностями, но они вполне преодолимы. Вы преуспеете, если будете знать свое место.

Я смотрел на бизнесменов. Они записывали, опустив головы. Что они записывают? *Знать свое место?*

Оратор продолжал:

— Мы часто слышим от людей: „Для меня нет места в японской корпорации, и я должен уйти“. Или: „Они меня не слушают, я не могу вовлечь в жизнь свои идеи, у меня нет шансов на продвижение“. Эти люди не понимают положения иностранцев в японском обществе. Они не способны в нем ужиться и должны уйти. Но это их проблема. Японцы готовы принять в свои компании американцев и других иностранцев. В

сущности, они даже хотят этого. И вас примут — если вы будете знать свое место.

Женщина подняла руку и спросила:

— А как насчет дискриминации женщин в японских корпорациях?

— Такой дискриминации нет, — ответил оратор.

— Я слышала, что женщин не продвигают.

— Это неправда.

— А откуда тогда жалобы в суд? Банк „Сумитомо“ только что еле уладил дело о дискриминации. Я читала, что американские служащие судятся с третью японских корпораций. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Это вполне понятно. Когда иностранная корпорация начинает дело в новой стране, она обычно совершает ошибки, пока не привыкнет к местным обычаям. Когда американские компании впервые вплотную занялись Европой в пятидесятых и шестидесятых годах, они встретили трудности, тогда тоже были судебные разбирательства. Поэтому естественно, что японским фирмам нужно некоторое время, чтобы адаптироваться в Америке. Нужно быть терпеливыми.

Кто-то засмеялся:

— А было ли время, когда мы не были терпеливы с японцами? — Но в словах звучала печаль, а не гнев. Остальные продолжали записывать.

— Офицер, я Джим Дональдсон. Чем могу быть полезен?

Я повернулся.

Доктор Дональдсон был высок, худ, в очках, и вид у него был строгий. Одет он был неброско — твидовый спортивный пиджак и красный

галстук. Но по ручкам, торчавшим из кармана рубашки, я догадался, что он инженер.

— Я хотел спросить о кассетах корпорации „Накамото“.

— Каких кассетах?

— Над которыми работали вчера вечером в вашей лаборатории.

— В лаборатории? Мистер...

— Смит. Лейтенант Смит. — Я дал ему карточку.

— Извините, лейтенант, но я вас не понимаю. Какие кассеты?

— Кристин, ваш ассистент, сказала, что вся лаборатория работала допоздна с этими кассетами.

— Да. Это верно. Большинство персонала вчера работало допоздна.

— С кассетами из „Накамото“?

— Из „Накамото“? — Он покачал головой. — Кто вам сказал?

— Она же.

— Уверяю вас, лейтенант, кассеты были не из „Накамото“.

— Я слышал, там было двадцать кассет.

— Да, по крайней мере. Точно не помню. Но они от Мак Кан-Эриксона. Это реклама пива „Асахи“. Мы должны были перевести тексты. Теперь, когда пиво „Асахи“ идет в Америке на расхват...

— А „Накамото“?

— Лейтенант, — сказал он нетерпеливо, взглянув на трибуну. — Позвольте вам объяснить. Я работаю на „Хамагури“. Это собственность „Кайкацу“ — соперника „Накамото“, а конкуренция среди японских фирм очень напря-

женная. Поверьте мне: моя лаборатория вчера вечером ничего не делала для „Накамото“. Такое невозможно при любых обстоятельствах. Если мой ассистент вам это сказала, она ошиблась. Это совершенно нереально. Но мне пора выступать. Что-нибудь еще?

— Нет, — сказал я. — Спасибо. — Оратор закончил, раздались жидкие аплодисменты. Я вышел.

Я ехал из „Бонавентуры“, когда Коннор позвонил с корта. Он казался раздраженным.

— Я получил вашу записку. Мне пришлось прервать игру. А она шла хорошо.

Я сказал о свидании с Мортоном в час дня.

— Ладно, — сказал он. — Заезжайте за мной половине одиннадцатого. Что еще?

Я рассказал о поездке в АРД и в „Хамагури“, о разговоре с Дональдсоном.

Коннор вздохнул.

— Вы зря потратили время.

— Почему?

— Потому что „Хамагури“ основано „Кайкацу“, а они конкуренты „Накамото“. И ничего не сделают, чтобы помочь „Накамото“.

— Дональдсон так и сказал мне.

— Куда вы пойдете теперь?

— В видеолабораторию Университета. Все-таки попробую переписать.

Коннор помолчал, потом спросил:

— Что-нибудь еще?

— Нет.

— Чудно. Увидимся в половине одиннадцатого.

— Почему так рано?

— В половине одиннадцатого, — сказал он и повесил трубку.

Тут же телефон зазвонил снова.

— Ты же обещал позвонить мне. — Это был Кен Шубик из „Таймс“. Голос угрюмый.

— Извини. Я был занят. Сейчас мы можем поговорить?

— Конечно.

— Ты нашел то, что хотел?

— Слушай, ты сейчас где?

— Кварталах в пяти от тебя.

— Тогда приезжай, выпьем кофе.

— Ты не хочешь говорить по телефону?

— Ну...

— Брось, Кен. Ты всегда любил телефонные разговоры. — Шубик, как и все репортеры „Таймс“, любил усесться перед компьютером, надеть наушники и болтать по телефону весь день. Это был его стиль работы. Весь материал лежал перед ним; говоря, он мог печатать свои статьи. Когда я работал с прессой, мой офис был в двух кварталах от „Таймс“, но Кен предпочитал говорить по телефону, а не видеться со мной.

— Приезжай, Пит.

Все было ясно: Кен не мог говорить по телефону.

— Ладно, — сказал я. — Буду через десять минут.

ГЛАВА 27

„Лос-Анджелес Таймс“ — самая процветающая газета Америки. Отдел новостей занимает целый этаж, и эта площадь умело разделена — так, что никогда не поймешь ни подлинной ее величины, ни сколько сот человек здесь работает. Кажется, что ты идешь целую вечность вдоль репортеров, сидящих в своих ячейках перед сверкающими экранами, телефонами и фотокарточками детей.

Кабинет Кена располагался в восточном крыле этажа. Я застал его стоящим у стола. Он взял меня под руку.

— Пойдем выпьем кофе.

— Что такое? Ты не хочешь, чтобы нас здесь видели вместе?

— Чушь! Я не хочу видеть Хорька. Он там обрабатывает новенькую из отдела зарубежных новостей. Она еще не знает, что здесь есть ребята получше. — Кен кивнул в дальний конец зала. Там, у окна, я увидел знакомую фигуру Вилли Вильгельма, всем известного как Хорек. На узком хорькообразном лице Вилли сейчас

была маска доброжелательного внимания. Он болтал с блондинкой, сидящей у терминала.

— Очень соблазнительная.

— Да. Задница чуть велика. Она голландка, здесь всего неделю. Еще не слыхала, что он за фрукт.

В большинстве организаций есть свой Хорек. У него больше честолюбия, чем чести, он находит способы угодить начальству, а все вокруг его ненавидят. Таков был и Хорек Вильгельм.

Как многие подлецы, Хорек верил самому худшему о человеке. Всегда можно было предполагать, что он представит событие в самом неблагоприятном свете, настаивая, что все прочие аргументы — лишь попытка выгородить провинившегося. Он чуял человеческие слабости и любил мелодраматические эффекты. Правда его не волновала, он считал сбалансированный подход мягкотелостью. Его интересовали сенсационные разоблачения.

Другие репортеры презирали его. Мы с Кеном пошли в центральный коридор. Я было направился к кофеваркам, но он повел меня в библиотеку. Посреди этажа у „Таймс“ была библиотека, побольше и получше многих университетских.

— Так что насчет Вильгельма? — спросил я.

— Он был здесь вчера вечером. Я после театра зашел выписать кое-что для утреннего интервью и увидел Хорька. Было часов одиннадцать вечера, но ведь ты знаешь, что порой он землю носом готов рыть. Я увидел по его лицу, что он жаждет чьей-то крови. Естественно, мне захотелось узнать чьей.

— Конечно, — сказал я. Хорек умел нападать исподтишка. Годом раньше он добился увольнения редактора „Воскресного календаря“. Только в последний момент Хорьку не удалось захватить его место.

— И я, — сказал Кен, — шепнул Лили, ночной дежурной: „В чем дело? На что Хорек нацепился?“ Она сказала: „Он проверяет рапорты на одного „фараона“.“ „Ну, это еще ничего“, — подумал я. Потом стал гадать на кого именно, — взыграло профессиональное любопытство. Я все еще пишу дважды в месяц статьи о полиции. Что он знает такого, чего не знаю я? И чего он лезет в мою епархию? И я спросил у Лили имя этого „фараона“.

— Дай мне угадать.

— Не гадай, — сказал Кен. — Это Питер Смит.

— Когда это было?

— Примерно в одиннадцать.

— Здорово! — сказал я.

— Я подумал, тебе следует об этом знать.

— Конечно.

— И еще я спросил у Лили, что он взял. А он вытащил все старые вырезки из газет, и, видимо, кто-то в полиции дал ему отчеты о служебных расследованиях. Что-то насчет совращения малолетнего. Пару лет назад тебя обвили в этом.

— А, чушь! — сказал я.

— Но ведь было?

— Была разборка. И все оказалось чушью.

Кен посмотрел на меня.

— Расскажи подробнее.

— Это было три года назад, я еще работал детективом. Мы с напарником выехали на вызов — семейнаяссора в Ладера-Хейтс. Супруги — испанцы, оба пьяные. Женщина требовала арестовать мужа. Я отказался, она сказала, что он изнасиловал ее ребенка. Я осмотрел ребенка, нашел, что все в порядке, и опять отказался от ареста. Она разъярилась, а на следующий день пришла и обвинила в совращении меня. Обвинение расследовали и отклонили, как безосновательное.

— Понятно, — сказал Кен. — А как насчет местных командировок?

Я нахмурился.

— Что ты имеешь в виду?

— Хорек пытался собрать сведения о местных командировках. Расходы на транспорт, представительские...

Я покачал головой.

— Это у него не пройдет.

— Да, здесь он, похоже, ошибся. Ты одинокий отец, шишка за счет управления устраивать не станешь.

— Нет, конечно.

— Хорошо.

Мы углубились в библиотеку, подошли к углу, откуда сквозь стеклянные стены был виден отдел новостей.

Хорек все еще болтал с девушкой.

— Я не понимаю, Кен, почему он решил катить под меня? За мной ничего нет, я весь на виду. Я уже три года не детектив. Зачем репортеру „Таймс“ все это нужно?

— Ты имеешь в виду, зачем он рылся в библиотеке в четверг в одиннадцать вечера? — Кен

посмотрел на меня, как на идиота, словно у меня слюни текли по подбородку.

— Ты думаешь, это японцы? — спросил я.

— Я думаю, что Хорек выполняет чей-то заказ. Он типичный наемный живодер. Работает на киностудии, компаниях грампластинок, маклеров, даже агентов по продаже недвижимости. Он — консультант. Кстати, Хорек недавно купил новый „мерседес“, знаешь?

— Да?

— Неплохо для бедного репортера?

— Неплохо.

— Теперь скажи: ты наступил кому-то на мозоль вчера вечером?

— Вероятно.

— Кто-то велел Хорьку раскопать на тебя материал.

— Не могу поверить.

— Поверь. Меня только тревожит, кто в полиции снабдил Хорька материалами о служебных расследованиях. У тебя отношения с коллегами хорошие?

— Насколько я знаю, да.

— Хорек явно что-то замыслил. Я сейчас разговаривал с Роджером Баскомбом, нашим юрисконсультом.

— И что же?

— Знаешь, кто к нему вчера приставал с вопросами? Хорек. Хочешь узнать о чем?

Я промолчал.

— О том, является ли офицер полиции общественным деятелем? Потому что общественный деятель не может подать в суд за клевету.

— И какой был ответ?

— А какая разница? Ты понимаешь, как это делается? Хорьку достаточно позвонить кему и заявить: „Привет, это Вилли Вильгельм из „Лос-Анджелес Таймс“. Завтра мы даем статью о том, как лейтенант Питер Смит развращает малолетних, — что вы думаете по этому поводу?“ Несколько хорошо продуманных звонков, и сама статья уже не нужна. Редакторы все равно ее зарежут, но навредить тебе ему удастся.

Я молчал, зная, что Кен прав. Я видел такое не раз.

— Что я могу сделать?

Кен засмеялся.

— Ты можешь доказать, что применение силы полицейским — не такой уж и вымысел.

— Это не смешно.

— В нашей газете никто его не защитит, обещаю. Можешь его даже убить. А если кто-нибудь заснимет это — черт возьми, люди будут платить деньги, чтобы посмотреть на такое зрелище!

— Кен!

Он вздохнул.

— Могу я помечтать? Ладно, есть одна штука. В прошлом году Вильгельм был замешан..., э... в измене руководства в „Календаре“, и я получил по почте анонимное письмо. И еще несколько наших получили, но тогда с этим ничего не сделали. Здорово грязная штука. Тебя интересует?

— Да.

Кен вынул из внутреннего кармана пиджака конвертик. Внутри было несколько фото, где

Вилли Вильгельм занимался любовью с каким-то брюнетом, уткнув голову ему в колени.

— Лицо Хорька не очень хорошо видно, но это, несомненно, он. Репортер развлекает своего информатора. Так сказать, хорошо проводит время.

— Кто этот парень?

— Мы не сразу выяснили. Зовут его Барри Борман. Руководит продажей электроники „Кайсей“ в Южной Калифорнии.

— Что же мне делать с этим?

— Дай мне твою карточку. Я вложу ее в конверт, и все это вручат Хорьку.

Я покачал головой.

— Не согласен.

— Он наверняка задумается после этого.

— Нет, это не для меня.

Кен пожал плечами.

— Впрочем, это может и не сработать. Даже если мы схватим Хорька за яйца, японцы, вероятно, найдут другой способ. Я до сих пор не выяснил, кто велел дать статью о „Накамото“. Слышал только: приказ сверху. А это и все, и ничего.

— Но кто-то же написал статью?

— Говорю тебе, я не могу выяснить. Но, понимаешь, у японцев огромное влияние на прессу. Дело не только в их рекламе, не только в непрерывных бюллетенях, которыми они нас бомбардируют из Вашингтона, не в местном лобби и вкладах в кампании политических деятелей. Это — все вместе взятое, и еще больше. И дело начинает принимать опасный оборот. Сидишь на совещании, обсуждаешь, можно ли печатать какую-нибудь статью, и вдруг понима-

ешь, что никто не хочет их обидеть. Дело не в том, верна статья или нет, и даже не в том, что японцы нас могут лишить рекламы. Здесь нечто потоньше. Я иногда гляжу на своих редакторов и вижу, что они не пропускают материал, потому что боятся. Чего боятся, не знают сами, но боятся.

— Вот тебе и свободная печать.

— Эх, — сказал Кен, — то, что ты говоришь — это для детишек. Ты же знаешь, как это делается. Американская печать держится мнения тех, у кого власть, а она сейчас у японцев. Тут удивляться нечего. Так что будь осторожен.

— Постараюсь.

— И непременно позвони, если решишься использовать фото.

Я хотел поговорить с Коннором. Я начал понимать, почему он тревожится и хочет закончить расследование быстро. Потому что хорошо организованная кампания дискредитации — страшная штука. Умелый практик — а Хорек умелый — устроит так, что, даже если ничего не случится, каждый день будет новая статья обо мне. Заголовки вроде: „Суд присяжных не решил, виновен ли полицейский“, хотя присяжные еще не заседали. Но люди видят заголовки и делают выводы.

Кампанию можно начать всегда. А в ее конце, если жертва окажется невиновной, все равно будет заголовок: „Присяжные не сумели установить вину полисмена“ или „Прокурор не желает выдвигать обвинение против полисмена“.

Такой заголовок звучит не хуже обвинения.

И нет способов отбиться от враждебной прессы. Все помнят обвинение, никто не помнит оправдания. Такова человеческая натура. Раз уж тебя обвинили, значит, ты нечист.

Меня пробрала дрожь, я был полон дурных предчувствий. Когда я остановил останавливаю машину у физического факультета Университета, зазвонил телефон. Это был заместитель шефа Олсон.

— Питер?

— Да, сэр.

— Почти десять. Я думал, ты уже кладешь кассеты на мой стол, как обещал.

— Я не могу добиться, чтобы их скопировали.

— Ты занимаешься этим?

— Конечно, а что?

— Мне сообщили, что ты вроде все еще ведешь расследование. То ты задаешь вопросы в японском исследовательском институте, то беседуешь с ученым, который там работает, то сидишь на каком-то японском семинаре. Давай честно, Питер. Кончено расследование или нет?

— Кончено. Я просто пытался скопировать кассеты.

— Я могу тебе верить?

— Да, Джим.

— В интересах управления и всех его работников — пустьстрей покончить с этим делом.

— Я понял, Джим.

— Я не хочу, чтобы меня посадили в лужу.

— Ясное дело.

— Сделай копии и приезжай сюда. — Он повесил трубку.

Я припарковал машину и вошел в здание.

ГЛАВА 28

Я ждал на галерее, пока Филипп Сэндерс закончит свою лекцию. Он стоял перед черной доской, исписанной сложными формулами. В зале было примерно тридцать студентов, большинство сидело внизу перед лектором, я видел только затылки.

Доктору Сэндерсу было лет сорок. Энергичный, подвижный, он все время расхаживал, резкими короткими движениями указывая на записи „сигнальных конвариантов рационального определения и факторной дельты шума при записи“. Я даже не догадывался, что он преподает. Наконец заключил, что это электротехника.

Раздался звонок, студенты встали и начали укладываться. Я вздрогнул — почти все они, и мужчины и женщины, были азиатами. Если не с Дальнего Востока, то из Индии или Пакистана. Только трое белых.

— Действительно, — сказал мне Сэндерс, когда мы шли к его лаборатории. — Физический факультет уже много лет не привлекает американцев. А промышленность нуждается в специалистах. Мы сидели бы в дерьме, не будь азиатов,

которые приезжают, становятся математиками и инженерами, а затем работают в американских компаниях.

Мы спустились по лестнице и, повернув налево, оказались в подвальном коридоре. Сэндерс шел быстро.

— Но беда в том, что положение меняется. Мои азиаты начинают возвращаться домой. Корейцы в Корею, то же самое тайванцы. Даже индузы возвращаются. Уровень жизни в этих странах растет, на родине у них стало больше возможностей. В их странах теперь много хорошо обученных людей. — Он быстро повел меня вниз. — Знаете, в каком городе больше всего дипломированных физиков?

— В Бостоне?

— В Сеуле. Задумайтесь об этом на пороге XXI века.

Мы прошли по другому коридору, затем вышли во двор, залитый солнечным светом, и проследовали в другое здание. Сэндерс оглядывался, боясь потерять меня, но не умокал.

— Если иностранцы уезжают, у нас не хватает инженеров, чтобы создавать новую технологию. Простой подсчет: не хватает специалистов. Даже у больших компаний, вроде „Ай-Би-Эм“, трудности. Специалистов просто нет. Осторожно, дверь!

Дверь распахнулась, я вошел.

— Но если у инженеров есть гарантии на будущее, почему это не привлекает студентов?

— Привлекает, но меньше, чем финансы или юриспруденция, — засмеялся Сэндерс. — Америке не хватает инженеров и ученых, но по про-

изводству юристов мы первые. Половина юристов мира — наши. Подумайте и об этом.

Он покачал головой.

— У нас четыре процента населения Земли, восемнадцать процентов мировой экономики и пятьдесят процентов юристов. А каждый год прибавляется еще тридцать пять тысяч выпускников колледжей. Вот на что направлено наше образование, вот на чем мы сосредоточились. Половина телепередач — о юристах. Америка стала страной юристов. Все ведут процессы, все что-то оспаривают, все в судах. В конце концов три четверти миллиона юристов должны делать что-то. Каждый хочет зарабатывать свои триста тысяч в год. Другие страны считают нас сумасшедшими.

Он отпер дверь. Я увидел нарисованный от руки указатель: „Лаборатория по исследованию изобразительных процессов“ и стрелку. Сэндерс ввел меня в коридор подвала.

— Даже талантливейшие ребята плохо обучены. Сейчас мы на двенадцатом месте в мире, после развитых стран Европы и Азии. И это наши лучшие специалисты! Что же говорить о прочих? Треть выпускников колледжей не может прочесть расписание автобусов, они просто неграмотны.

Мы дошли до конца коридора и повернули направо.

— И еще: они ленивы. Работать никто не хочет. Я преподаю физику, чтобы овладеть ею, нужны годы. Но все хотят одеваться, как Чарли Шин, и уже в двадцать восемь лет зарабатывать миллионы. Это возможно только в юриспруденции и банковском деле, где идет бумажная игра,

где получают нечто за ничто. Именно этого и хочет нынешняя молодежь.

— Может быть, только ваши студенты?

— Поверьте мне, этого хотят все. Телевизор смотрит вся молодежь.

Он распахнул другую дверь. Еще один коридор. Пахнуло плесенью.

— Понимаю, я старомоден, все еще верю, что каждый человек должен к чему-то стремиться, вы стоите за что-то, я стою. Просто существуя на нашей планете, нося одежду, работая, каждый из нас к чему-то стремится. И мы у себя в лаборатории к чему-то стремимся. Анализируем программы новостей и видим, что они жульничают при монтаже. Анализируем рекламные клипы и видим, какие трюки...

Сэндерс внезапно остановился.

— В чем дело?

— Здесь кто-то есть. Вы никого не привели с собой?

— Нет. Я один.

— Хорошо. — Сэндерс продолжал так же мчаться сломя голову. — Я всегда боюсь, вдруг кто-нибудь заблудится. Вот мы и пришли. Лаборатория здесь.

Он широким жестом распахнул дверь. Я замер на пороге пораженный.

— Я знаю, выглядит она не очень, — сказал Сэндерс.

Это было мягко сказано.

Передо мной был подвал со ржавыми трубами и свисающей с потолка арматурой. Зеленый линолсум на полу скорчился в нескольких местах, обнажив бетон. Комната была уставлена поломанными деревянными столами, заваленны-

ми оборудованием, свисали провода. За каждым столом сидел студент и глядел на монитор. С потолка капала вода в ведра на полу.

— Мы смогли получить место только в подвале, а на такую роскошь, как побелка потолка, у нас нет денег. Не обращайте внимания, это неважно. Только берегите голову.

Он прошел в комнату. Во мне метр восемьдесят, пришлось нагнуться. Откуда-то сверху послышался скрежет.

— Конькобежцы, — объяснил Сэндерс.

— Кто?

— Мы находимся под катком, но уже привыкли к этому. Сейчас, в сущности, неплохо. Вот когда у них тренировки по хоккею, шумновато.

Мы прошли дальше. Я чувствовал себя как на подводной лодке. Все студенты были погружены в работу, никто и не взглянул на нас.

— Что за кассеты вы хотите переписать? — спросил Сэндерс.

— Восьмимиллиметровые, японские. Это, может быть, трудно.

— Трудно? Сомневаюсь. Знаете, в молодости я записывал большинство алгоритмов, улучшающих изображение на видео, уничтожающих пятна, искажения, склейки. Алгоритмами Сэндерса пользовались все. Я тогда был выпускником Калифорнийского технологического и работал в свободное время в ЛРД. Не сомневайтесь, все сделаем как надо.

Я протянул ему кассету. Он взглянул на нее.

— Хитрая штучка.

— А что потом случилось с вашими алгоритмами?

— Коммерческой пользы в них не было. В восьмидесятых крупные американские компании вроде „Дженерал Электрик“ не желали заниматься коммерческой электроникой. В Америке новинки не пригодились. — Он пожал плечами. — И я попытался продать их „Сони“.

— И что же?

— У японцев уже были на них патенты. В Японии, конечно.

— Вы хотите сказать, что у них уже были подобные алгоритмы?

— Нет, но патенты были. В Японии патентование — род войны, они шлепают патенты как одержимые. Но у них странная система: чтобы получить в Японии патент, нужно восемь лет, а заявка публикуется через полтора года. В этом случае вопрос о гонораре становится спорным. И, конечно, у Японии нет лицензионных соглашений с Америкой. Это один из их способов удерживать за собой преимущество.

Как бы то ни было, приехав в Японию, я обнаружил, что у „Сони“ и „Хитачи“ есть патенты на нечто схожее с моими новинками и они пользуются этим вовсю, одновременно мешая другим. Права использовать мои алгоритмы у них не было, но и у меня тоже, поскольку они уже запатентовали *внедрение в практику* моего изобретения. Объяснить это трудно. Ну, ладно, это давняя история. Теперь у японцев намного больше сложной видеотехники, далеко превосходящей нашу. Они обогнали нас. Но мы еще поборемся в этой лаборатории! А, вот кто вам нужен! Дан! Вы заняты?

Молодая женщина выгнула из-за комьютера. Большие глаза, очки в роговой оправе, темные волосы. Всего лица не было видно из-за трубы.

— Это не Дан, — сказал удивленно Сэндерс. — Где Дан, Тереза?

— „Хвосты“ сдает, — ответила Тереза. — А я здесь помогаю определять временную корреляцию. Сейчас мы закончим. — Она показалась мне старше других студентов. Трудно сказать почему. Не из-за одежды, конечно: на голове была яркая повязка, под джинсовой курткой водолазка. Но она держалась уверенно и поэтому казалась старше.

— Можете переключить это на другой экран? — сказал Сэндерс обходя стол, чтобы взглянуть на монитор. — У нас дело спешное. Нужно помочь полиции. — Я шел за Сэндерсом, ныряя под трубы.

— Конечно, — сказала Тереза. Она начала выключать аппараты на своем столе, стоя ко мне спиной, но я наконец разглядел ее.

Экзотическая брюнетка, почти не похожа на азиатку. По правде говоря, красива, очень красива. Похожа на одну из тех скуластых манекенщиц, что охотно печатают в журналах. Я на миг смущился — она была слишком красива для этой подземной электронной лаборатории. Явное несовпадение.

— Познакомьтесь с Терезой Асакума, — сказал Сэндерс. — Это единственная японская студентка, работающая здесь.

— Привет, — сказал я и покраснел, на миг почувствовав себя тутицей. Сэндерс сказал, что она японка, а мне не хотелось бы давать эти

кассеты японке. Но имя ее не было японским, да она и не была похожа на японку.

— Доброе утро, лейтенант, — сказала она и протянула левую руку. Так делают, когда правая повреждена.

— Хелло, мисс Асакума.

— Меня зовут Тереза.

— Очень приятно.

— Разве она не прекрасна? — спросил Сэндерс, словно это была его заслуга. — Просто прекрасна.

— Да, — сказал я. — Вы могли бы работать манекенщицей.

Наступила неловкая пауза. Непонятно почему. Она быстро отвернулась.

— Меня это никогда не интересовало.

Сэндерс немедленно вмешался.

— Тереза, лейтенанту Смиту нужно сделать копии с этих кассет.

Сэндерс показал ей одну. Она взяла ее левой рукой и поднесла к свету. Правая осталась согнутой в локте, прижатой к боку. И тогда я заметил, что она была высокой, кончалась культий, торчащей из рукава джинсовой куртки.

— Интересно, — сказала она прищурившись. — Пленка восемь миллиметров, высокой плотности. Возможно, это тот формат, о котором мы слышали. Тот, что гарантирует улучшенное изображение.

— Извините, не знаю, — сказал я. После своих слов о манекенщице я чувствовал себя дураком.

Я вытащил из куртки плейер. Тереза немедленно взяла отвертку и, сидя крышку, склонилась над механизмом. Я видел зеленую панель,

черный мотор и три кристаллических цилиндра.

— Да, это новая улучшенная модель. Очень хитро. Доктор Сэндерс, посмотрите: они обошлись всего тремя головками.

— Вероятно, по аналогии с конвертором. Очень аккуратно. Такой маленький... — Он повернулся ко мне, подняв коробку. — Вы понимаете, почему японцы могут делать такое, а мы нет? Потому что у них есть *кайцен* — процесс терпеливого, постоянного улучшения. Каждый год их продукция становится чуточку лучше, чуточку меньше по размерам, чуточку дешевле. Американцы думают о другом. Они всегда стремятся к скачку, к большому шагу вперед. Американцы хотят поразить мир, а затем сесть и отдохнуть. Японец же бьет в одну точку и никогда не отступает. Та же картина и в философии, и во всем.

Он говорил об этом некоторое время, разглядывая цилиндрики, любуясь ими. Наконец я спросил:

— Вы можете сделать копии?

— Конечно, — ответила Тереза. — С конвертора мы можем передать сигнал на любой приемник. Это легко.

— Но копия будет точной? В ЛРД мне сказали, что не могут гарантировать точность копии.

— А, ЛРД! Да ну их! — сказал Сэндерс. — Они говорят так потому, что работают на правительство. А мы здесь все сделаем в лучшем виде. Верно, Тереза?

Но Тереза не слушала. Она прилаживала провода, быстро орудуя здоровой рукой, а культий придерживая аппарат. Как у многих калек,

се движения были плавными, отсутствие правой руки почти не было заметно. Вскоре маленький плейер был прикреплен ко второму магнитофону и нескольким мониторам.

— Зачем это все?

— Проверить сигнал.

— Вы имеете в виду — при воспроизведении записи?

— Нет. На большой монитор пойдет изображение. Остальные позволяют определить характеристики сигнала и методику записи.

— Вам это нужно?

— Для работы — нет. Но я хочу разобраться, как им удается добиться такой высокой точности записи.

— Что это за материал? — спросил Сэндерс.

— Это снято камерой охраны.

— Это оригинал?

— Думаю, да. А что?

— Ну, если оригинал, нужна крайняя осторожность. — Сэндерс повернулся к Терезе. — Мы не можем допустить, чтобы пленка получила хоть какие-то дефекты. И не дай Бог, чтобы сигнал с головок нарушил показания таймера.

— Не волнуйтесь, — сказала она. — Я справляюсь. — Она показала на свой аппарат. — Видите? Центральный процессор под контролем.

— Ладно, — сказал Сэндерс. Он сиял, как отец, гордый своей дочерью.

— Сколько времени это займет? — спросил я.

— Мы быстро управимся. Можно вести запись на очень высокой скорости. Это зависит от

воспроизводящего прибора. На этом, очевидно, можно сделать запись за две-три минуты.

Я посмотрел на часы.

У меня встреча в половине одиннадцатого, опоздать нельзя, а я не хочу оставлять это...

— Вам нужно скопировать все кассеты?

— Фактически важны только пять.

— Тогда начнем с них.

Мы проверили все кассеты, отыскивая пять, снятых камерами сорок шестого этажа. Каждый раз я видел изображение на центральном мониторе на столе у Терезы. На остальных мониторах сигналы прыгали и метались. Я сказал ей об этом.

— Все правильно, — сказала Тереза. — Это гарантирует отсутствие дефектов. — Она вынула кассету, вставила другую, нажала кнопку воспроизведения.

— Что это? Вы же сказали, что оригинал! Нет, это копия.

— Откуда вы знаете?

— Есть сигнал начала записи. — Тереза склонилась над оборудованием, глядя на трассы сигналов.

— Я тоже так думаю, — сказал Сэндерс, повернувшись ко мне. — Понимаете, на видео трудно отличить копию от оригинала. Раньше любая копия была несколько хуже, сейчас разницы вообще нет. Каждая копия буквально идентична оригиналу.

— Как же вы решили, что это копия?

— Тереза не смотрит на изображение. Она смотрит на сигнал. Таким образом можно определить, что запись была сделана с другого видеомагнитофона, а не с камеры.

— Не понял.

— Дело в том, как ложится сигнал в первые полсекунды. Если записывающий аппарат включается прежде воспроизведяющего, то начало записи несколько неустойчиво. Моторы воспроизводящего аппарата не могут сразу взять необходимую скорость. Есть электронная схема, снижающая этот эффект, но интервал будет всегда, — сказала Тереза.

— И вы это определили?

Она кивнула.

— Это называется „сигнал начала записи“.

— Такого никогда не бывает, если сигнал идет с камеры, она всегда берет нужную скорость сразу, — сказал Сэндерс.

Я нахмурился:

— Значит, эти кассеты — копии?

— Это плохо? — спросил Сэндерс.

— Не знаю, если копировали, то могли что-то подправить, верно?

— Теоретически это возможно, но на практике это очень трудно. Так что сказать наверняка нельзя. Это кассеты из японской компании?

— Да.

— „Накамото“?

Я кивнул.

— Честно говоря, то, что это копии, меня не удивляет. Японцы исключительно осторожны. Они не доверяют посторонним. Японские корпорации в Америке чувствуют то же, что мы в Нигерии — думают, что окружены дикарями.

— Доктор Сэндерс! — укоризненно сказала Тереза.

— Извините, — сказал Сэндерс, — но поймите меня правильно, японцы вынуждены ужи-

ваться с нами, с нашей медлительностью, тупостью, некомпетентностью. Это заставляет их защищать себя. И если кассеты имеют для них какое-то значение, то японцы не отдаут оригиналы варвару-полицейскому, вроде вас. Нет, они дадут копии, а оригиналы сохранят на всякий случай. Они совершенно уверены, что из-за низкого качества нашей технологии вы все равно не отличите копию от оригинала.

Я нахмурился.

— Как долго сделать с этого копию?

— Недолго, — Сэндерс покачал головой. —

В том темпе, как сейчас крутит Тереза, — пять минут на кассету. Японцы, вероятно, могут гораздо быстрее, скажем за две минуты.

— Тогда у них вчера вечером было полно времени.

Мы говорили, Тереза продолжала возиться с кассетами. В начале каждой она смотрела на меня. Я отрицательно качал головой — все не то. Наконец появилось изображение сорок шестого этажа, знакомая картина.

— Вот эта.

— Начнем записывать. — Тереза погнала пленку на высокой скорости, кадры быстро менялись. На боковых мониторах сигналы прыгали и нервно метались.

— Это как-то связано со вчерашним убийством? — спросила она.

— Да. Вы знаете о нем?

Она пожала плечами.

— Я видела репортаж в программе новостей. Убийца погиб в автокатастрофе.

— Верно.

Тереза отвернулась. Ее профиль, линии ее скулы, были невыразимо прекрасны. Я подумал о том, каким плейбоем был Эдди Сакамура.

— Вы знали его?

— Нет. — Спустя секунду она прибавила: — Он был японцем.

Снова я почувствовал себя неловко. Было нечто, известное лишь Сэндерсу и Терезе, но не мне, и я не знал, как их об этом спросить. И я смотрел на экран.

Я снова увидел солнечный луч на полу. Потом зажглись огни, служащие стали расходиться, этаж опустел. Показалась Черил Остин, а следом мужчина. Они страстно поцеловались.

— Ага, — сказал Сэндерс. — Это?

— Да.

Он нахмурился, внимательно смотря на экран.

— Вы хотите сказать, что убийство заснято?

— Да. Несколькими камерами.

— Вы шутите?

Сэндерс замолчал, глядя на экран. Из-за высокой скорости трудно было разглядеть подробности. Пара идет в конференц-зал. Внезапная борьба. Он опрокидывает ее на стол. Неожиданно отступает. Поспешно выходит из комнаты.

Мы молчали, не отрываясь от экрана.

Я взглянул на Терезу. Ее лицо было непроницаемо. Изображение отражалось в ее очках.

Эдди миновал зеркало и прошел в темный коридор. Пленка закончилась, и кассеты выскочила.

— Это одна. Вы говорите, снимали несколько камер. Сколько?

— Пять, по-моему.

Она пометила ярлычком первую кассету, вставила вторую и опять начала запись на высокой скорости.

— Эти копии будут точны? — спросил я.

— Да.

— Значит, они законны?

Сэндерс нахмурился.

— В каком смысле?

— Ну, они могут быть представлены в суде как улика?

— О нет! Суд никогда их не примет.

— Но если они точны...

— Дело не в этом. Все формы фотоулик, включая видео, уже не рассматриваются судом.

— Я не слышал об этом.

— Этого еще нет, но будет в самом ближайшем времени. Сейчас на фотографии полагаться нельзя, ибо их можно безуказненно фальсифицировать. Безуказненно! Причем совершенно новыми методами. Помните, несколько лет назад русские удаляли своих политиков с фотографий майских праздников? Это была грубая работа — вырезали, снова склеили, и всегда было ясно, что с фотографией что-то сделано. Оставались странные просветы между плечами оставшихся... или обесцвеченная стена за спиной, или следы ретуши. Без труда можно было заметить, что снимок изменен. Смех да и только.

— Я помню.

— Фотографии всегда считались неоспоримыми уликами именно из-за невозможности их изменить. Мы считали, что они в точности отражают реальность. Но уже несколько лет компьютеры могут изменять фото так, что никаких стыков не видно. Несколько лет назад „Нэшнл

Джиографик" передвинул на фото обложки египетскую пирамиду. Редакторам не понравилось место пирамиды, и они решили для лучшей композиции ее передвинуть. Никто ни о чем не догадался. Но если вы приедете в Египет и попробуете снять тот же ракурс, вам это не удастся. На самом деле пирамиды стоят совсем по-другому. Фотография уже не отражает реальность, но доказать фальсификацию почти невозможно.

— И кто-то мог проделать подобное с пленкой на кассете?

— Теоретически это возможно.

На экране я снова видел смерть. Камера была в дальнем конце комнаты. Саму сцену убийства она показала не очень хорошо, но отражение Сакамуры было видно ясно.

— Как именно можно изменить изображение?

Сэндерс засмеялся:

— Сейчас — как угодно.

— А подменить изображение личности убийцы можно?

— Технически да. Вмонтировать другое лицо в движущееся изображение в принципе возможно. Но на практике это чертовски трудно.

Я промолчал. Все равно Сакамура подозревается больше всех, и он мертв. Шеф захочет закрыть дело. Я тоже.

— Конечно, у японцев есть все виды прекрасной новейшей аппаратуры для трансформации изображения. Они могут делать то, чего вы и не вообразите. — Он побарабанил пальцами по столу. — Когда были записаны эти кассеты? Откуда они у вас?

— Убийство совершилось вчера в 8.30, как показывают часы. Нам сказали, что кассеты исчезли из комнаты охраны в 8.45. Мы их требовали, и японцы тянули с этим.

— Как обычно. И когда наконец вы получили их?

— Примерно в 1.30 их доставили нам в управление.

— Так. Это значит, что кассеты были у них с 8.45 до 1.30.

— Верно. Около пяти часов.

Сэндерс нахмурился.

— Пять кассет, записанных с камер, снимающих с пяти различных ракурсов, изменить за пять часов? — Он покачал головой. — Нельзя. Это просто невозможно, лейтенант.

— Да, — сказала Тереза. — Невозможно, даже для них. Надо изменить слишком много.

— Вы уверены?

— Как вам сказать? Быстро это можно сделать лишь с автоматической программой, но самые совершенные программы нужно отделять вручную. Расплывающиеся пятна могут все смастить.

— Какие? — спросил я. Мне нравилось задавать ей вопросы и глядеть на ее лицо.

— Пятна от движения, — сказал Сэндерс. — Нормальная скорость видеосъемки тридцать кадров в секунду. Вообразите каждый кадр как картинку, которая выстреливается со скоростью одной тридцатой секунды. Это очень медленно — гораздо медленнее карманных камер. Если снять с такой скоростью бегуна, ноги его будут просто полосами — расплывутся. Это называется „пятна движения“. И если кадры ме-

нять местами механически, то они будут выглядеть нереально. Слишком резкое, угловатое изображение, странные края. Как у русских — видно, что изменено. Для правдоподобного изображения нужно правильное соотношение этих пятен.

— Понимаю.

— И цвет изменится, — сказала Тереза.

— Верно. Цвет меняется внутри самого пятна. К примеру, посмотрите на этот монитор. Мужчина в синем костюме, его пиджак развеивается, когда он кружит девушку по комнате. Если взять кадр и увеличить, вы обнаружите, что пиджак темно-синий, но постепенно светлеет и у краев становится почти прозрачным — нельзя точно сказать, где кончается пиджак и начинается фон.

Я согласился, хотя мало что понял.

— Если края светлеют не постепенно, вы заметите это сразу. Чтобы подчистить несколько секунд пленки, нужны часы. Но не сделаешь это — все сразу выявится. — Сэндерс щелкнул пальцами.

— Значит, если они даже переписали кассеты, они не могли внести в них изменения?

— За пять часов — нет. У них просто не было времени.

— Значит, мы видели то, что произошло на самом деле.

— Несомненно. Но когда вы уйдете, мы еще повозимся с этими записями. Я знаю, Тереза хочет поиграть с ними. Я тоже. Позвоните нам позже. Мы вам скажем, есть ли что-нибудь интересное. Но по логике этого нет и не может быть.

ГЛАВА 29

Подкатив к стоянке клуба „Сансет-Хилз“, я увидел Коннора перед большим белым зданием. Он кланялся трем японским игрокам, а они кланялись ему. Потом он всем пожал руки, сел в мою машину и бросил ключки на заднее сиденье.

— Вы опоздали, кохай.

— Извините. Только на несколько минут. Меня задержали в лаборатории.

— Ваше опоздание всем причинило неудобство. Они из учтивости вынуждены были оставаться со мной перед дверьми клуба, когда я ждал вас. Людям их ранга стоять там неуместно. Но оставить меня они не могли. Вы меня удивили. О нашем управлении теперь плохо будут думать.

— Извините, я не предполагал этого.

— А вы попробуйте предположить. Вы не один в мире.

Я завел мотор и выехал со стоянки, посмотрев в зеркало на японцев. Они махали на прощанье и вовсе не казались расстроенными, не спешили уйти.

— С кем вы играли?

— Аоки-сан возглавляет судоходную компанию в Ванкувере. Ханада-сан — вице-президент отделения банка „Мицуи“ в Лондоне. Кеничи Асака руководит всеми заводами „Тойота“ от Малайзии до Сингапура. Резиденция его в Бангкоке.

— Что они делают здесь?

— У них отпуск. Короткий отдых в Штатах для гольфа. Им нравится отдыхать в стране, где никто никуда не спешит.

Я повернулся на Сансет-бульвар и остановился у светофора.

— Куда мы едем?

— В отель „Четыре времена года“.

Я повернулся налево, направляясь к Беверли-Хиллз.

— А почему они играют в гольф с вами?

— О, мы давно знакомы. Услуга здесь, услуга там; и так несколько лет. Я для них никто, но отношения нужно поддерживать. Позвонить, поднести подарок, сыграть в гольф, если я в городе. Никогда не знаешь, когда человек может понадобиться. Личные отношения — источник информации, предохранительный клапан и способ предупреждения об опасности. Так японцы видят мир.

— Кто предложил сыграть?

— Ханада-сан в любом случае собирался играть. Я лишь присоединился к нему. Я, знаете, играю довольно неплохо.

— Почему вы захотели сыграть с ними?

— Мне хотелось побольше узнать о субботнем совещании. Я вспомнил о нем. Когда Сакамура схватил Черил Остин за руку, он сказал:

„Ты не понимаешь, все это из-за субботнего совещания“.

— И они вам рассказали?

Коннор кивнул.

— Это, видимо, давно началось. В восьмидесятом или около того. Сперва собирались в „Сэнчури Глаза“, потом в „Шератоне“ и, наконец, в „Билтморе“.

Коннор поглядел в окно. Машина подпрыгивала на канализационных люках Сансет-бульвар.

— Несколько лет они собирались регулярно. Видные японские промышленники, оказавшиеся в нашем городе, решали, что делать с Америкой, как управлять американской экономикой.

— Что?

— Именно так.

— Это возмутительно!

— Почему?

— Как почему? Это наша страна! Нельзя, чтобы банда иностранцев собиралась втайне и решала, как управлять ею!

— Японцы смотрят на это иначе.

— Не сомневаюсь! И, наверное, думают, что они правы, сукины дети!

Коннор пожал плечами.

— Да, так они и думают. И считают, что имеют право решать...

— О, Господи!

— ... потому что вложили массу средств в нашу экономику. Они одолжили нам кучу денег, Питер, сотни миллиардов долларов за последние пятнадцать лет. У США миллиард долларов дефицита в неделю при торговле с Японией. Должны же они что-то делать с этим миллиар-

дом в неделю! На них обрушился поток денег, но им эти доллары особенно не нужны. Что можно сделать с этими лишними миллиардами?

Они решили снова одолжить их нам. У нашего правительства из года в год дефицит бюджета, оно не может обеспечить свои программы. И японцы нас финансировали, делали вклады, одолживали деньги, получая определенные обязательства со стороны правительства. Вашингтон уверял японцев, что мы наведем у себя порядок, сократим дефицит, улучшим образование, перестроим инфраструктуру, даже поднимем налоги, если необходимо. Короче, произведем чистку. И все это потому, что только тогда для японцев будет смысл вкладываться в американскую экономику.

— Да...

— Но мы ничего этого не сделали. Дефицит стал больше, доллар упал. В восемьдесят пятом мы девальвировали его стоимость наполовину. Знаете, как это повлияло на японские вклады? Это просто убило их. Они получили половину за то, что вложили в восемьдесят четвертом году.

Мне что-то смутно припомнилось.

— Я думал, мы сделали это, чтобы справиться с дефицитом в торговле, увеличить экспорт.

— Да, но это не сработало. Наш торговый баланс с Японией стал хуже. Если валюта девальвируется наполовину, все цены обычно поднимаются вдвое. Но японцы сбили цены на свою бытовую электронику и копировальные машины и удержали свою долю рынка. Бизнес — это война, помните?

На деле мы достигли лишь того, что наша земля и наши компании подешевели для японцев, ибо иена в то же время поднялась вдвое. Крупнейшие банки мира стали японскими. А Америку мы сделали бедной страной.

— А какое отношение это имеет к субботнему совещанию?

— Ну, предположим, у вас дядя — пропойца. Он говорит: одолжите мне деньги, и я брошу пить, но не бросает. А вы хотите вернуть свои деньги, спасти что возможно из своего неудачного вклада. Но вы также знаете, что дядя, напившись, может разбушеваться и побить кого-нибудь. Он неконтролируем. Однако что-то надо делать. И вот собирается семья и решает, что делать с дядей. То же самое делают и японцы.

— Ясно. — Коннор должен был услышать в моем голосе скептицизм.

— Слушайте, выбросьте из головы чепуху о каком-то заговоре. Вы хотите захватить Японию? Хотите управлять ею? Конечно, нет. Ни одна разумная страна не хочет захватить другую. Заниматься бизнесом — да. Иметь связи — да. Но захватить — нет. Никто не хочет брать на себя ответственность, хлопоты. Так же, как с дядей-пьяницей, — созывают совещание, но только когда есть крайняя необходимость. Это — последнее средство.

— И японцы считают, что время для последнего средства наступило?

— Они думают о миллиардах своих долларов, кохай, вложенных в страну, переживающую огромные трудности. Страну с непонятными людьми, которые без конца болтают, без

конца конфликтуют, спорят. Которые плохо образованы, мало знают о мире, получают информацию из телевизора. Работают спустя рукава, безропотно терпят преступность и наркоманию. Японцы вложили миллиарды в это странное государство и хотят получить приличные дивиденды. И даже если американская экономика гибнет — скоро она будет третьей в мире после Японии и Европы — все же важно удержать ее на плаву. Что они и стремятся сделать.

— Вот как? Значит, они просто хотят спасти Америку?

— Кому-то надо нас спасать. Мы не можем так жить дальше.

— Мы сами справимся.

— Англичане тоже так говорили. — Он покачал головой. — Но теперь Англия бедна, и Америка тоже беднеет.

— Почему? — сказал я громче, чем намеревался.

— Японцы говорят: Америка стала страной без основы. Мы запустили нашу промышленность. Мы больше ничего не производим. При налаженном производстве растет цена сырья и создается богатство. Но Америка прекратила производить. Америка делает деньги, манипулируя бумагами, а японцы считают, что так мы попадаем в ловушку, потому что бумажная прибыль не приносит реального богатства стране. Японцы считают безумием и наше восхищение биржей и акциями.

— И потому японцам следует руководить нами?

— Они считают, что кто-то должен руководить нами. И предпочитают делать это сами.

— О, Господи!

Коннор заерзal на месте.

— Поберегите свой гнев, кохай. Ханада-сан сказал, что субботние совещания прекратились в девяносто первом.

— Неужели?

— Да. Японцы тогда решили не тревожиться о том, справится ли Америка. Текущая ситуация показалась им выгодной: Америка погрузилась в сон и можно купить ее по дешевке.

— Значит, субботних совещаний больше нет?

— Есть, но проводятся они нерегулярно. На них рассматриваются отдельные вопросы *личи-бей* — японо-американских отношений. Экономики обеих стран сейчас переплетены. Ни одна из них не может существовать отдельно от другой, даже при желании. Совещания теперь уже не важны. И то, что Сакамура сказал Чарльз Остин, неверно. И смерть ее ничего общего не имеет с субботними совещаниями.

— А с чем она связана?

— Мои друзья, видимо, считают, что причины убийства личные. *Нинъозата* — убийство из-за страсти. Красивая женщина и ревнивый мужчина.

— И вы верите им?

— В этом были единодушны все трое бизнесменов. Японцы, конечно, вообще не любят показывать свои разногласия, идет ли речь о гольфе или об отсталой стране. Но я знаю, что единодушие перед *гайином* может скрывать тьму грехов.

— Вы думаете, они лгут?

— Не совсем так. — Коннор покачал головой. — Но мне кажется, что они, умалчивая, все же сказали мне нечто. Этим утром мы играли в *хара по нака о мисенай*. Но мои друзья в этой игре не преуспели.

Коннор рассказал об игре. Все четверо были учтивы и внимательны, но говорили мало и сдержанно. Расхаживали по полу в полном молчании.

— А вы ведь хотели получить от них информацию. Как вы это терпели?

— О, информацию я получил. — Он объяснил, что она лишь не была высказана вслух. Японская культура взаимопонимания насчитывает несколько столетий, так что они могут общаться без слов. Такая близость существует в Америке между родителями и детьми — часто ребенок только по взгляду матери понимает все. Но в Америке такое взаимопонимание не стало правилом, а у японцев стало, словно все они — члены одной семьи и могут общаться молча. Безмолвие у них многозначительно.

— Здесь нет ничего мистического. Японцы так обременены правилами и условностями, что подчас просто не способны сказать что-нибудь. Из учтивости, чтобы не осрамиться, гостю приходится догадываться о событии по контексту, по жестам, по своим ощущениям, потому что хозяин не может своими словами выразить чувство. Любая речь была бы неприлична. Значит, надо добиваться цели другими путями.

— Так вы и провели утро? Без слов?

Коннор покачал головой. По его мнению, он отлично пообщался с этими японцами. Молчание нисколько не помешало ему.

— Поскольку я просил их рассказать о других японцах — членах одной большой семьи, — я должен был задавать вопросы в крайне деликатной форме, как если бы, например, захотел узнать, сидела ли ваша сестра в тюрьме, или еще что-то столь же щекотливое. Я бы отмечал медлительность вашей речи, паузы между фразами, тембр голоса, словом, читал бы между строк. Понимаете?

— Понимаю.

— То есть воспринимал бы ваш ответ интуитивно.

— Что же вы восприняли?

— Они как бы сказали мне: „Мы помним ваши прошлые услуги и хотели бы сейчас помочь вам. Но это убийство связано с Японией, и мы не скажем всего, что могли бы. Из нашей сдержанности вы в состоянии сделать полезные выводы о том, что за этим кроется“. Вот что они сказали мне.

— А что за этим кроется?

— Они несколько раз упомянули „Микрокон“.

— Компанию высокой технологии?

— Да, ту, которая продается. По виду это маленькая фирма в Силикон-Вэлли, производящая запчасти для компьютеров. При продаже возникли сложности политического характера. Они несколько раз сказали об этом.

— Значит, убийство имеет отношение к „Микрокону“?

— Наверняка. Кстати, что вы узнали в Университете насчет кассет?

— Во-первых, это копии.

Коннор кивнул.

— Я допускал это.

— Допускали?

— Исигура никогда бы не выдал оригиналы.

Японцы считают всех иностранцев варварами в буквальном смысле слова. Вонючими, тупыми, вульгарными варварами. Они с вами вежливы, понимая, что вы не виноваты, что не родились японцем, но все равно думают о вас именно так.

Сэндерс говорил примерно то же самое.

— С другой стороны, японцы исключительно преуспевают, но не любят риска. Они добиваются своего трудом и интригами. Они не дали нам оригиналы, потому что не хотят рисковать. Что вы еще узнали?

— Почему вы думаете, что есть еще что-то?

— Когда вы смотрели кассеты, вы, наверно, заметили одну важную деталь...

И тут нас прервал телефон.

— Капитан Коннор? — сказал бодрый голос. — Это Джерри Опп из клуба „Сансет“. Вы ушли, не взяв документы.

— Документы?

— Заявление, — сказал Опп. — Вам нужно его заполнить. Это, конечно, просто формальность. Могу вас уверить, никаких проблем не будет, особенно если иметь в виду ваших рекомендателей.

— Моих рекомендателей?

— Да, сэр. И поздравляю вас. Как вам известно, стать теперь членом клуба почти невозможно. Но компания господина Ханады некоторое время назад купила членство, и они решили оформить его на ваше имя. Должен сказать, весьма благородный жест со стороны ваших друзей.

— Да, конечно, — сказал Коннор нахмурясь.
Я смотрел на него.

— Они знают, как вы любите гольф, — продолжал Опп. — Вам, конечно, условия известны. Пять лет владельцем членства будет Ханада, потом оно передается вам, и вы сможете продать его, когда выйдете из клуба. Вы здесь все напишете, или послать бумаги вам домой?

— Мистер Опп, пожалуйста, передайте господину Ханаде мою сердечную благодарность за его неслыханную щедрость. Я не знаю, как благодарить его. Я вам еще позвоню.

— Отлично. Дайте нам знать, куда выслать документы.

— Я вам позвоню, — повторил Коннор.

Он повесил трубку и уставился, нахмурясь, вперед. Наступило долгое молчание.

— Сколько стоит членство в этом клубе? — спросил я.

— Семьсот пятьдесят тысяч. Может быть, миллион.

— Очень мило со стороны ваших друзей. — Я вспомнил Грэхема, который всегда говорил, что Коннор у японцев в кармане. Сейчас это было почти несомненно.

Коннор качал головой.

— Я не понимаю.

— Что тут понимать, капитан? По-моему, все очень откровенно.

— Нет, не понимаю.

Тут телефон зазвонил снова. На сей раз вызывали меня.

— Лейтенант Смит? Это Луиза Гербер. Я так рада, что нашла вас.

Я не помнил этого имени.

— Я слушаю.

— Поскольку завтра суббота, я хотела бы знать, найдете ли вы время посмотреть дом?

Тут я вспомнил. Месяц назад я поехал с маклером смотреть дома. Мишель подросла, мне хотелось найти ей жилище попроще. Пусть у нее будет садик, если удастся. Но результаты поездки меня разочаровали. Маленькие домики, несмотря на падение цен, стоили по четыреста-пятьсот тысяч. С моим жалованьем это было недоступно.

— Есть одна возможность, — сказала она, — и я подумала о вас и о девочке. Маленький домик в Палмс — очень маленький, но с очаровательным садиком. Цветы и лужайка. Просят триста тысяч. Владелец срочно вынужден его продать. По-моему, вы сможете получить его за бесценок. Хотите посмотреть?

— А кто продает?

— Точно не знаю. Тут дело такое. Дом принадлежит старушке, которая ушла в богадельню, и ее сын, живущий в Тореке, хочет его продать, но предпочитает вместо уплаты получать постоянный доход. Формально дом еще не переведен на его имя, но я знаю, что в ближайшее время это будет сделано. Если вы приедете завтра, можно будет договориться. Садик просто очаровательный. Я уже вижу, как ваша девочка там играет.

Теперь Коннор глядел на меня.

Я сказал:

— Мисс Гербер, я бы хотел знать подробности. Кто продавец и прочее.

Она удивилась:

— Смотрите-ка, я думала, что вы ухватитесь за это предложение. Подобные случаи редки. Не хотите посмотреть?

Коннор глядел на меня, кивая. Губы его шевелились — скажи „да“.

— Я вам перезвоню, — сказал я.

— Ладно, лейтенант, — сказала она неохотно. — Пожалуйста, сообщите мне о вашем решении.

— Сообщу.

Я повесил трубку.

— Что за черт? — сказал я. — От этого никак не уйти. Нам обоим только что предложили кучу денег.

Коннор покачал головой:

— Не знаю, что и сказать.

— Это связано с „Микроконом“?

— Не знаю. Я полагал, что „Микрокон“ — маленькая компания. Нет, это не имеет смысла. Что же такое, собственно, „Микрокон“? — Коннор выглядел очень смущенным.

— Я, кажется, знаю, где это выяснить, — сказал я.

ГЛАВА 30

— „Микрокон“? — переспросил Рон Левин, зажигая большую сигару. — Я, конечно, могу рассказать вам о нем. Безобразная история.

Мы сидели в отделе новостей телекомпании „Эй-Эф-Эн“, расположенной возле аэропорта. В окно кабинета Рона я видел белые тарелки спутниковых антенн на крыше близлежащего гаража. Рон попыхивал сигаретой и усмехался. Он был финансовым репортером „Таймс“ до того, как пришел сюда. „Эй-Эф-Эн“ — одна из немногих телекомпаний, где комментаторы не читают текст по бумажке, они должны знать, о чем говорить, и Рон знал.

— „Микрокон“, — сказал он, — создан пять лет назад консорциумом американских производителей компьютеров. Компания предполагала выпускать новое поколение литографических машин с лазерными принтерами. В то время в Америке эти машины не производились — в восемидесятых годах их вытеснила конкуренция японцев. „Микрокон“ разработал новую технологию и производил машины для американских компаний. Ясно?

— Ясно.

— Два года назад „Микрокон“ был куплен „Дарли-Хиггинс“, компанией из Джорджии. Потом „Дарли“ стала создавать другие предприятия, нужны были деньги, и решено было продать „Микрокон“. Нашелся покупатель — „Акаи Керамикс“, компания, делавшая подобные машины в Японии. Денег у „Акаи“ было полно, и она охотно купила американскую компанию за высокую цену. Но тут вмешался Конгресс и приостановил продажу.

— Почему?

— Падение производства встревожило даже Конгресс. Мы потеряли слишком много — сталь и судостроение в шестидесятых, микросхемы и компьютеры — в семидесятых, машиностроительные заводы — в восьмидесятых. Кто-то вдруг проснулся и понял, что эти отрасли жизненно необходимы для обороны. Мы же теперь полностью зависим в них от японцев. Конгресс наконец зашевелился, но я слышал, что сделка все же состоится. А почему вас это интересует? Вы, ребята, имеете отношение к продаже?

— В каком-то смысле, — ответил Коннор.

— Счастливчики, — сказал Рон, попыхивая сигарой. — Продавать что-либо японцам лучше, чем владеть нефтеносными землями. Тут каждый разбогатеет. Представляю, какие подарки они вам преподнесут.

Коннор кивнул:

— Немалые.

— Не сомневаюсь. Они о вас позаботятся; купят дом или машину, дадут денег — да все что угодно.

— Зачем они станут это делать? — спросил я.

Рон засмеялся.

— А зачем они едят суси? Это их стиль, так они проворачивают дела.

— Но ведь „Микрокон“ — это мелочь, — сказал Коннор.

— Да, мелочь. Он стоит всего сто миллионов. „Акаи“ дает сто пятьдесят. Сверх того, вероятно, еще двадцать миллионов для поощрения служащих компании, может быть, десять миллионов за юридическое оформление сделки, десять — консультантам в Вашингтоне и десять на подарки для таких, как вы. В общем, около двухсот миллионов.

— Двести миллионов за компанию, которая стоит сто? Зачем так переплачивать?

— Они не переплачивают, — сказал Рон. — С их точки зрения, это выгодно.

— Почему?

— Потому что, если ты владеешь производством, которое делает, скажем, запчасти для компьютеров, ты владеешь и всей промышленностью, зависящей от этой продукции. „Микрокон“ дает им контроль над нашими компьютерами. Как всегда, мы это допускаем. Именно так мы потеряли наше производство телевизоров и станкостроение.

— А чем оказались плохи наши телевизоры?

Он посмотрел на часы.

— После второй мировой войны Америка была ведущим производителем телевизоров. Двадцать семь американских компаний, таких как „Зенит“, „Эр-Си-Эй“, „Дженерал Электрик“ и „Эмерсон“ значительно превосходили по тех-

нологии иностранцев. Они завоевали весь мир, кроме Японии — не смогли проникнуть на закрытый японский рынок. Им сказали, что, если они хотят продавать в Японии, пусть дадут японцам лицензии. И они это сделали, неохотно, под нажимом американского правительства, которое хотело союза с Японией против России. Ясно?

— Ясно.

— И это вышло нам боком. Япония получила технологии для своих нужд, а мы потеряли японский рынок. Вскоре Япония стала делать дешевые черно-белые телевизоры и экспортirовать их в Америку — чего мы по отношению к Японии делать не можем, верно? К семидесят второму году шестьдесят процентов черно-белых телевизоров Америка импортировала. К семидесят шестому году — сто процентов! Мы потеряли рынок и прекратили их производство.

Мы говорили: „Это неважно, наши фирмы перешли на цветные“. Но японское правительство начало интенсивную программу развития цветного телевидения. И снова Япония берет американские лицензии, совершенствует их на своем закрытом рынке и затопляет нас экспортом. Снова экспорт вытесняет продукцию наших компаний. Та же самая история. К восемидесятому году только три американские компании еще выпускали цветные телевизоры. К восемьдесят седьмому — только одна, „Зенит“.

— Но японские приемники дешевле и лучше.

— Может быть, они лучше, но дешевле они только потому, что продаются ниже себестоимости, чтобы уничтожить американских конку-

рентов. Это называется демпинг. Это нарушение и американских и международных законов.

— Почему же мы не остановим это?

— Хороший вопрос. Особенно если учесть, что демпинг — лишь одно из многих беззаконий, творимых японцами. Они еще фиксируют цену, у них так называемая Группа Десяти Дней устанавливает цены на японские товары в Америке — их бизнесмены встречаются для этого в одном токийском отеле каждые десять дней. Мы протестуем, но они продолжают. Они договариваются о распределении сфер влияния, дают миллионы на взятки американским торговым фирмам, вроде „Сирз“, не гнушаются и контрабандой. И разрушают нашу промышленность, которая уже сегодня не может с ними конкурировать.

Конечно, наши компании протestуют и судятся — есть десятки дел о демпинге, обмане, нарушении антитрестовых законов. Дела о демпинге обычно решаются в течение года. Но наше правительство не помогает производителям, а японцы умеют затягивать дела. Они платят американским лоббистам миллионы. И вот лет эдак через двенадцать, когда суд наконец собирается, рынок уже завоеван. И уж, конечно, все это время американские компании не могут нанести ответный удар в Японии, не могут даже ступить туда ногой.

— Вы говорите, что Япония незаконно овладела нашим рынком телевизоров?

Рон пожал плечами.

— Они не смогли бы этого сделать без нашей помощи. Правительство нянчилось с Японией, считая ее маленькой развивающейся стра-

ной, а американскую индустрию — не нуждающейся в заботах государства. В Америке никогда не любили бизнес. Но наше правительство, видимо, не поняло, чем здесь пахнет. Когда „Сони“ выпустила карманный плейер, мы не сказали: „Прекрасная штучка. Давайте возьмем лицензию для „Дженерал Электрик“ и будем продавать их через американскую компанию“. Мы не отвечали на просьбы японцев так: „Извините, но американские магазины давно договорились с американскими компаниями. Вы можете продавать свою продукцию только через них“. Если они хотели получить патент, мы не говорили: „Получите через восемь лет, а за это время ваша заявка будет опубликована и американские компании смогут узнать, что вы изобрели, и бесплатно скопировать, и у нас будет уже свой вариант вашей технологии“.

Всего этого мы не делали, в отличие от японцев. Их рынки закрыты, а наши — широко распахнуты. Игра неравная, если о ней вообще можно говорить. Это дорога с односторонним движением. Теперь у нас плохие перспективы для бизнеса. Американские компании сначала уступили японцам производство черно-белых телевизоров, теперь — цветных. Правительствоказалось помочь в борьбе с незаконной японской торговлей. И „Ампекс“, изобретя кассетный видеомагнитофон, даже не попыталась производить его. Просто продала Японии лицензию и отступила. А скоро американцы вообще перестанут изобретать. Зачем, если собственное правительство настроено так враждебно, что нельзя даже выйти на рынок?

— Но ведь американское производство действительно слабое и отвратительно управляемое.

— Именно это утверждают японцы и их американские союзники. Вот вам несколько примеров того, как возмутительно действуют японцы — дело „Худейль“. Знаете? „Худейль“ — станкостроительная компания — заявила, что ее патенты и лицензии незаконно используются в Японии. Федеральный суд послал в Японию адвоката компании, собирать улики. Но японцы не дали ему визы.

— Вы шутите?

— Им что? Они знают, что мы не ответим тем же. Администрация Рейгана ничего не сделала, и „Худейль“ потеряла рынок. Невозможно конкурировать с дешевым японским товаром — вот в чем суть.

— Разве демпинг не убыточен?

— Некоторое время, да. Но если поставить производство на поток, можно его усовершенствовать и снизить расходы. Через пару лет производство удешевится, а к этому времени конкурент уже уничтожен и рынок под контролем. Понимаете, японцы — стратеги, они смотрят вдаль, на полвека вперед. Американская компания обязана каждые три месяца доказывать, что она прибыльна, иначе служащие окажутся на улице. А японцы о быстрой прибыли вообще не заботятся. Они думают о рынке. Бизнес для них — война. Обосноваться, выкинуть конкурентов, получить контроль над рынком — вот что они делают уже тридцать лет.

Вот они и устроили демпинг стали, телевизоров, электроники, микросхем для компьюте-

ров, станков — и никто их не остановил. А мы потеряли все это. Высокотехнологичная промышленность — вот их цель, и они добились этого. Мы сдаем им отрасль за отраслью, а сами сидим и болтаем о свободной торговле. Но свободная торговля может быть только честной, а японцы в такую торговлю вообще не верят. Поэтому они и любят Рейгана, при нем они здорово нажились. Во имя идеала свободной торговли он им просто подставился.

— Почему американцы не понимают этого?

Коннор засмеялся.

— А почему они едят гамбургеры? Таковы уж мы, кохай.

В комнату заглянула женщина:

— Здесь Коннор? Звонят из отеля „Четыре времена года“.

Коннор посмотрел на часы, извинился и вышел. Сквозь стекло я видел, как он говорил по телефону и что-то записывал.

— Понимаете, — сказал Рон, — все это продолжается. Почему японская видеокамера в Нью-Йорке дешевле, чем в Токио? Расходы по транспортировке, пошлины, торговые наценки — и все равно дешевле! Как это возможно? Японские туристы покупают свои товары здесь, потому что они дешевле. А наши товары в Японии дороже, чем здесь, на семьдесят процентов. Почему наше правительство не реагирует? Не знаю. Но вот вам часть ответа.

Он указал на экран: там человек достойного вида что-то говорил над бежавшей лентой тиккера*.

Звук был приглушен.

*Аппарат, печатающий на ленте биржевые новости.

— Видите этого типа? Это Дэвид Ролингс, профессор экономики в Стэнфорде, специалист по Тихоокеанскому региону. Он выражает мнение многих — хотите послушать? Возможно, он как раз говорит о „Микроконе“.

Я нажал кнопку. На экране Ролингс говорил: "... считают наше отношение совершенно нелогичным. В конце концов, японские компании обеспечивают американцев работой, а американские компании стремятся за границу, лишая работы своих сограждан. Японцы не могут понять, чем наши компании недовольны".

Рон вздохнул:

— Противно слушать это дермо.

„По—моему, американский народ неблагодарен — иностранные инвестиции помогают нам“, — говорил Ролингс с экрана.

Рон засмеялся.

— Ролингс принадлежит к группе „Поклонников хризантемы“ — академических экспертов, проводящих японскую линию. Выбора у них нет — они на содержании у японцев, и если они начнут их критиковать, контакты с Японией завянут. Перед ними закроются двери. И в самой Америке японцы шепнут кому надо, что им нельзя доверять, что их взгляды „устарели“, а то и хуже — что они расисты. Каждый, кто критикует Японию, — расист. И очень скоро эти „академики“ потеряют и работу, и консультации. Они знают, что случилось с их коллегами, вышавшими из обоймы, и не повторят их ошибок.

Вернулся Коннор.

— В продаже „Микрокона“ есть что-нибудь незаконное? — спросил он.

— Конечно, — сказал Рон. — Все зависит от того, что скажет Вашингтон. У „Акаи Керамикс“ уже шестьдесят процентов нашего рынка. Покупка „Микрокона“ обеспечит ей подлинную монополию. Будь „Акаи“ американской компанией, правительство запретило бы продажу на основании антимонопольного закона. Но так как „Акаи“ — иностранная компания, к этому особо не придираются. В конечном счете продажу, вероятно, разрешат.

— Вы хотите сказать, что японцы могут быть у нас монополистами, а американцы не могут?

— Так обычно и происходит. Американские законы часто способствуют продаже наших компаний иностранцам. Так „Мацушита“ купила „Юниверсал Студиос“, бывшую в продаже годы. Несколько американских компаний раньше пытались купить ее, но не могли. В восемидесятом году嘗試ed „Вестинггауз“, потом „Эр-Си-Эй“, но нельзя — нарушение закона. А когда явилась „Мацушита“, возражений вообще не было. Недавно закон изменился. Теперь „Эр-Си-Эй“ могла бы купить „Юниверсал“. А тогда — нет. А продажа „Микрокона“ — просто последний пример безумия наших законов.

— Что говорят наши компьютерные компании о продаже „Микрокона“?

— Это им не нравится, но они и не противятся ей.

— Почему?

— Потому что им уже и так невмоготу от давления со стороны правительства. Соображения безопасности подавляют сорок процентов американского экспорта. Нашим компаниям,

производящим компьютеры, запрещено торговать с Восточной Европой. „Холодная война“ кончилась, но запреты остались. А японцы и немцы торгуют с ними вовсю. Американцы сейчас выступают против любых запретов. Любую попытку блокировать продажу „Микрокона“ они воспринимают как очередное вмешательство правительства.

— Мне это все равно кажется глупым.

— Согласен. Следуя по этому пути, наши компании погибнут через несколько лет. Япония окончательно монополизирует производство деталей для компьютеров и будет диктовать свою волю американским компаниям.

— Вы думаете, они решатся на это?

— Так уже было, и не раз. Американские компании разобщены, ссорятся между собой. Тем временем японцы быстро скапают компании высокой технологии — одну в десять дней. Так продолжается уже шесть лет. Нас просто выпотрошили. Правительство ничего не замечает, так как есть КИИСШ — Комитет по Иностранным Инвестициям в Соединенные Штаты, — который наблюдает за продажей таких компаний. Но КИИСШ ничего не делает. Он приостановил только одну из пятисот последних продаж. Компании продаются, а в КИИСШ никто даже не пикнет. Сенатор Мортон шумит, но его никто не слушает.

— Значит, продажа все-таки идет?

— Сегодня я еще раз в этом убедился. Японская пропаганда работает успешно, подавляя прессу, сочувствующую нам. И они упорны. Они во всем одерживают верх. Они...

В дверь постучали. Вошла какая-то блондинка.

— Извини, Рон, что мешаю, но Кейту только что позвонил местный представитель „Эн-Эйч-Кей“ — японского телевидения. Он хочет знать, почему наш репортер оскорбил Японию.

Рон нахмурился.

— Оскорбил Японию? О чем он говорит?

— Он утверждает, что наш репортер сказал по радио: „Эти чертовы япошки захватили нашу страну“.

— Брось! Никто бы такого не сказал! На кого он бочку катит?

— На Ленни. Передача из Нью-Йорка по спутниковой связи.

Рон встрепенулся.

— Так... Ты проверила?

— Да. Сейчас идет проверка записи в монтажной. Но я думаю, что это правда.

— Черт!

— Что случилось? — спросил я.

— Мы пожинаем плоды развития нашей спутниковой связи. Мы каждый день берем отрывки из сообщений из Нью-Йорка и Вашингтона и включаем их в программу. Всегда есть задел в минуту до и после нужного отрывка, который не идет в эфир, мы его вырезаем. Но передача может быть перехвачена, что и происходит сплошь и рядом. Мы предупреждаем выступающих: будьте осторожны, когда находитесь перед камерой. Но в прошлом году Луиза после выступления расстегнула блузку — и нас одолели звонками со всех концов страны.

Зазвонил телефон Рона. Он послушал секунду и сказал:

— Ладно. Понимаю, — и повесил трубку. — Они проверили запись. Ленни до передачи сказал Луизе: „Проклятые япошки завладеют нашей страной, если мы не поумнеем“. Это не пошло в эфир, но он так сказал. — Рон грустно покачал головой. — Этот тип из „Эн-Эйч-Кей“ знает, что это не пошло в эфир?

— Да. Но он говорит, что передачу можно перехватить, и на этом основании протестует.

— Черт! Значит, они перехватывают даже нашу спутниковую связь! Чего хочет Кейт?

— Он говорит, что ему надоело предупреждать нью-йоркских гениев, и хочет, чтобы этим занялся ты, а заодно уладил бы и это дело.

— Он хочет, чтобы я позвонил японцу?

— Он говорит: „Поступайте, как знаете, но у нас дела с „Эн-Эйч-Кей“, мы каждый день посылаем им получасовое шоу“. И он не хочет рисковать. Считает, что тебе следует извиниться.

Рон вздохнул.

— Извиняться за то, чего даже не было в эфире? Черт возьми! — Он посмотрел на нас. — Ребята, мне надо идти. Что-нибудь еще?

— Нет, — сказал я. — Желаю удачи.

— Сейчас нам всем нужна удача. „Эн-Эйч-Кей“ начинает новую программу новостей, рас считанную на весь мир, и кладет на это миллиард. Они хотят на мировой арене схватиться с „Си-Эн-Эн“ Теда Тернера. И если учесть прецеденты в прошлом... — Он пожал плечами. — Тогда прости-прощай, американское телевидение!

Уходя, мы слышали, как Рон говорил по телефону:

— Мистер Касака? Это Рон Левин из „Эй-Эф-Эн“. Да, сэр. Да, мистер Касака. Сэр, я хочу выразить свое сожаление и принести глубокие извинения за то, что наш репортер...

Мы закрыли дверь.

— Куда теперь? — спросил я.

ГЛАВА 31

В отеле „Четыре времени года“ охотно селились кинозвезды и политические деятели. Там был красивый парадный вход, но мы припарковались за углом, возле служебного. Большой молочный фургон подтянулся к приемному окну, и кухонный персонал разгружал товар. Коннор взглянул на часы. Мы ждали минут пять.

Женщина в деловом костюме вышла к приемному окну, огляделась и помахала нам. Коннор помахал ей в ответ. Она исчезла. Коннор вынул бумажник и достал пачку двадцаток.

— Первое, что я выучил, став детективом, — сказал он, — это то, что прислуга в отеле бывает порой исключительно полезна. Особенно теперь, когда полицию так ограничили в правах. Мы не можем войти в номер без ордера на обыск. А если войдем, то все, что найдем, не будет считаться уликой, верно?

— Верно.

— А вот горничная или коридорный могут. Я научился заводить нужные знакомства в больших отелях.

Он открыл дверцу.

— Я только на минуту.

Он подошел к приемному окну и ждал. Я постукивал пальцем по рулю. В памяти всплыли слова:

„Я передумал, любовь — чудный дар,
Прекрасный, сверкающий, огненный шар...“

Вышла горничная, быстро поговорила с Коннором. Он записывал. У нее в руке была какая-то золотая вещь. Он не дотронулся до нее, только взглянул и кивнул. Она сунула драгоценность обратно в карман. Он дал ей денег, и она ушла.

„Шалят мои нервы, в душе моей тьма.
От этой любви схожу я с ума.
Нет больше стыда, но что за беда...“

Из двери рядом с приемным окном вышел коридорный, неся синий костюм на вешалке. Коннор что-то спросил, коридорный взглянул на часы, прежде чем ответить. Коннор нагнулся и внимательно осмотрел полу пиджака, потом откинулся и стал разглядывать брюки.

Коридорный убрал костюм и принес другой, синий в полоску. Коннор его тоже осмотрел и что-то бережно соскреб с полы в маленький целлофановый мешочек. Потом уплатил коридорному и вернулся к машине.

— Хотели что-то узнать о сенаторе Роу? — спросил я.

— Многое хотел узнать. И о сенаторе Роу тоже.

— У помощника Роу вчера были в кармане белые трусики. А на Черил были черные.

— Это так. Но я думаю, мы на верном пути.

— Что вы положили в мешочек? — Он вынул его и поднес к свету. Я увидел сквозь пластик темные нити. — Я думаю, это нити от ковра. Они темные, как ковер в конференц-зале „Накамото“. Надо проверить в лаборатории. А пока у нас есть другие дела. Едем.

— Куда?

— В „Дарли-Хиггинс“. К владельцам „Микрокона“.

ГЛАВА 32

В холле рядом с портье рабочий прикреплял к стене большой щит с золотыми буквами: „Компания „Дарли-Хиггинс“. Качество обслуживания гарантируется“. Другие рабочие укладывали в коридоре ковер.

Мы показали свои значки и попросили проводить нас к главе компании, Артуру Грейману.

Курносый портье ответил с южным выговором:

— Мистер Грейман весь день на совещании. Он вам назначил?

— Мы здесь по поводу продажи „Микрокона“.

— Тогда вам нужен мистер Эндерс, наш вице-президент по связям с прессой. Он ведет переговоры о продаже „Микрокона“.

— Хорошо, — сказал Коннор.

Мы сели на диван в приемной. Напротив нас сидела красавица в узкой юбке. Под мышкой у нее был рулон чертежей. Рабочие продолжали стучать молотками.

— Я думал, что у компании тugo с финансами, а они занимаются отделкой помещений.

Коннор пожал плечами.

Секретарь говорил по телефону.

— „Дарли-Хиггинс“, секунду, пожалуйста...

„Дарли-Хиггинс“... о, пожалуйста, подождите, сенатор... „Дарли-Хиггинс“. Да, спасибо...

Я взял с кофейного столика брошюру с ежегодным отчетом правления компании „Дарли-Хиггинс“ с филиалами в Атланте, Далласе, Сиэтле, Сан-Франциско и Лос-Анджелесе. Я нашел портрет Греймана, вид у него был счастливый и довольный. В докладе было его выступление, озаглавленное: „Мы обязаны быть безупречными“.

— Мистер Эндерс сейчас подойдет, — сказал секретарь.

— Спасибо.

Спустя секунду из коридора вышли двое в строгих костюмах.

Женщина с чертежами встала и сказала:

— Хелло, мистер Грейман.

— Хелло, Беверли, — сказал тот, что постарше. — Подождите минуту.

Коннор тоже встал.

— Мистер Грейман, эти люди... — начал секретарь.

— Минутку, — сказал Грейман и повернулся к своему спутнику, который был моложе, лет тридцати с небольшим. — Постарайтесь договориться с Роджером.

Тот покачал головой.

— Ему это не понравится.

— Я знаю. Но все равно скажите ему. Шесть миллионов четыреста тысяч в качестве компенсации — это минимум.

— Но, Артур...

— Так и скажите ему.

— Я скажу, Артур. — Молодой поправил галстук и понизил голос. — Но совет станет возражать против превышения суммы в шесть миллионов, когда заработки служащих компании и так понизились.

— Мы говорим не о заработках, а о компенсации. Заработки здесь ни при чем. Кстати, совету стоит пересмотреть оклады директоров. Если Роджер не сможет убедить совет, я отменю мартовское собрание и потребую перевыборов. Скажите ему это.

— Ладно, Артур, я скажу, но...

— Вот и скажите. Вечером позвоните мне.

— Хорошо, Артур. — Они попрощались.

Молодой ушел с несчастным видом.

Портье сказал:

— Мистер Грейман, эти джентльмены...

Грейман повернулся к нам. Коннор сказал:

— Мистер Грейман, нам бы хотелось поговорить с вами о „Микроконе“. — Он показал свой значок.

Грейман пришел в ярость.

— О Господи! Опять! Это же сущая травля!

— Травля?

— А как это, по-вашему, называется? Здесь были помощники сенаторов, ФБР, теперь полиция Лос-Анджелеса пожаловала. Мы не преступники! У нас есть компания, и мы вправе продать ее. Где Луи?

— Мистер Эндерс сейчас придет, — сказал портье.

— Мистер Грейман, — сказал спокойно Коннор, — извините за беспокойство, но у нас только один вопрос.

— Что за вопрос? — спросил сердито Грейман.

— Сколько было покупателей на „Микро-кон“?

— Это не ваше дело. Во всяком случае, по соглашению с „Акаи“ мы не можем публично обсуждать продажу.

— Но более, чем один покупатель?

— Слушайте, если у вас есть вопросы, говорите с Эндерсоном. Я занят.

Он повернулся к женщине с чертежами.

— Беверли, что у вас?

— Новый план комнаты заседаний совета, мистер Грейман, и образцы кафеля для ванной. Очень милый, серый, по-моему, вам понравится.

— Хорошо, хорошо, — он повел ее по коридору.

Коннор глядел им вслед, потом резко повернулся к лифту.

— Идем, кохай, подышим свежим воздухом.

ГЛАВА 33

— Зачем вы спросили о других покупателях? — сказал я, когда мы сели в автомобиль.

— Это возвращает нас к первоначальному вопросу: кто хочет подставить „Накамото“? Мы знаем, что продажа „Микрокона“ имеет стратегическое значение, поэтому Конгресс взволнован. Но остальные заинтересованные стороны почти наверняка тоже волнуются.

— Вы имеете в виду японские корпорации?

— Да.

— Кого это интересует?

— „Акаи“.

Дежурная-японка прыснула, увидев значок Коннора.

— Мы хотели бы видеть господина Иосиду. — Иосида был главой компании.

— Подождите, пожалуйста. — Она встала и заспешила прочь, почти бегом.

„Акаи Керамикс“ размещалась на пятом этаже мрачного здания в деловом квартале. Из приемной виднелся большой зал, не разделенный

перегородками, металлические столы и люди у телефонов; пощелкивали вычислительные машины.

Я осмотрел офис.

— Довольно скучная обстановка.

— Все для дела, — сказал Коннор. — В Японии роскошь осуждают, считают легкомыслием. Когда старик Мацушита руководил третьей по величине компанией Японии, он летал из Осаки в Токио рейсовым самолетом. Представляете — возглавлял компанию с капиталом в пятьдесят миллиардов долларов, но не признавал частных самолетов.

Мы ждали, я смотрел на людей за столами. Японцев было немного, большинство белые. Женщин почти не было. Все были одеты в синее.

— В Японии, — сказал Коннор, — если дела фирмы плохи, директора прежде всего снижают жалованье себе. Они чувствуют ответственность за успехи фирмы и считают, что их благосостояние должно расти или падать в зависимости от ее положения.

Женщина вернулась и молча села за стол. Почти сразу подошел японец в синем костюме. Черноволосый, очки в роговой оправе, манеры изысканные.

— Доброе утро. Я Иосида.

Коннор представился сам и представил меня. Мы раскланялись и обменялись карточками. Господин Иосида брал каждую обеими руками, церемонно кланяясь. Мы делали то же. Я заметил, что Коннор на этот раз не говорил по-японски.

Иосида повел нас в свой кабинет. Окна выходили на аэропорт. Обстановка была очень скромная.

— Кофе или чай?

— Нет, спасибо. Мы здесь по службе.

— Понимаю. — Он жестом пригласил нас сесть.

— Нам бы хотелось поговорить о покупке „Микрокона“.

— Ах, да. Беспокойное дело. Но я не знал, что полиция и этим должна заниматься.

— Может быть, и нет, — сказал Коннор. — Вы можете рассказать о покупке, или это тайна?

Господин Иосида как будто изумился.

— Тайна? Вовсе нет. Никакой тайны нет и не было с самого начала. Господин Кобаяси, представитель „Дарли-Хиггинс“ в Токио, в сентябре прошлого года посетил нас. Тогда мы узнали впервые, что „Микрокон“ продается. Честно говоря, предложение нас поразило. В начале октября начались переговоры. К первоначальному соглашению пришли в середине ноября, потом продолжили переговоры. Но шестнадцатого ноября Конгресс выдвинул возражения.

— Вы сказали, что вас поразило предложение о продаже компании?

— Да, конечно.

— Почему?

Господин Иосида положил руки на стол и заговорил, отчеканивая каждое слово.

— Мы понимали, что „Микрокон“ принадлежит правительству. Оно его частично финансирует и, если не ошибаюсь, владеет тринадцатью процентами капитала. В Японии это означает, что собственник фирмы — правительство. И мы,

естественно, вели переговоры осторожно, не хотели никого обидеть. Но наши представители в Вашингтоне уверяли, что препятствий не будет.

— Понимаю.

— А теперь возникли трудности, как мы и боялись. Кое-кого в Вашингтоне эта сделка задела, хотя мы и не хотели этого.

— Вы не ожидали, что Вашингтон будет возражать?

Господин Иосида пожал плечами.

— Наши страны очень различны. В Японии мы знаем, чего ожидать от правительства. А здесь всегда найдется кто-то со своим особым мнением и выскажет его. Но „Акаи Керамикс“ не желает шума. Сейчас это неуместно.

Коннор сочувственно кивнул.

— Вы говорите так, словно готовы отступить.

— Многие критикуют меня за то, что я не предвидел случившегося. Но я им говорю, что в Америке заранее ничего знать невозможно. У Вашингтона нет твердой линии. Каждый день она меняется в зависимости от отдельных политиков. — Он улыбнулся и добавил: — По крайней мере, мне так кажется.

— Но вы все же думаете, что продажа состоится?

— Не могу сказать. Возможно, протесты из Вашингтона будут учтены. Наше правительство хочет дружить с Америкой. Оно требует, чтобы бизнесмены не совершали сделок, которые могут вызвать недовольство Америки. Нас и так ругали, когда мы приобрели „Рокфеллер-центр“ и „Юниверсал Студиос“. Нам велят быть *йон букай*. То есть...

— Скромнее, — сказал Коннор.

— Осторожнее. Внимательнее. — Он взглянул на Коннора. — Вы говорите по-японски?

— Немного.

Иосида кивнул. Казалось, он решал, не перейти ли на японский, но не сделал этого.

— Мы хотим дружить с вами и критику в свой адрес считаем несправедливой. „Дарли-Хиггинс“ сейчас переживает финансовые трудности. Может быть, из-за плохого руководства или по другим причинам. Не знаю. Но это не наша вина. Мы за это не отвечаем. И мы не навязывались, они сами предложили нам купить „Микрокон“. А теперь за попытку помочь нас критикуют. — Он вздохнул.

С аэродрома взлетел большой самолет. Стекла задребезжали.

— А другие покупатели „Микрокона“? Когда они отпали?

Господин Иосида нахмурился.

— Других не было. Предложение купить было частным. „Дарли“ не хотела огласки своих финансовых трудностей. И мы с ними сотрудничали. Но теперь... пресса многое скажает. Мы чувствуем, что нас... кега о суга... обидели?

— Да.

Он пожал плечами.

— Да, мы это чувствуем. Надеюсь, вы понимаете мой плохой английский?

Наступила пауза. Минуту или больше все молчали. Коннор глядел на Иосиду. Взлетел другой самолет, стекла вновь задребезжали. Молчание продолжалось. Иосида глубоко вздохнул, покривился на стуле и сложил руки на животе. Коннор тоже вздохнул и что-то про-

бурчал. Оба, казалось, были полностью погружены в свои мысли. Что-то происходило, но я не догадывался, что. Наконец решил, что они понимают друг друга без слов.

Иосида первым прервал молчание.

— Капитан, я хочу, чтобы меня правильно поняли. „Акаи Керамикс“ — фирма уважаемая. Мы не желаем вмешиваться в ваши внутренние дела. Сейчас у нас нелегкое положение. Но я помогу вам, чем могу.

— Я вам признателен, — сказал Коннор.

— Не за что.

Иосида встал, Коннор и я тоже поднялись. Мы раскланялись и пожали друг другу руки.

— Пожалуйста, не стесняйтесь звонить мне, если понадобится моя помощь.

— Спасибо, — сказал Коннор.

Иосида проводил нас до дверей кабинета. Мы снова поклонились, и он открыл дверь.

На пороге стоял цветущий американец лет сорока. Я сразу узнал его — тот самый блондин, который был в машине с сенатором Роу. Тогда он не представился.

— А, Ричмонд-сан, — сказал Иосида. — Очень хорошо, что вы здесь. Эти джентльмены спрашивают о „Микроконе“. — Он повернулся к нам. — Может быть, вам стоит поговорить с господином Ричмондом? Он говорит по-английски гораздо лучше меня и может рассказать много интересных подробностей.

— Боб Ричмонд, представитель компании „Майер, Лоусон и Ричмонд“. — Он крепко пожал нам руки и весело улыбнулся. — Мир тесен, правда?

Мы с Коннором представились.

— Сенатор Роу тогда доехал благополучно? — спросил я.

— О да. Спасибо за помощь. — Ричмонд улыбнулся. — Не хочется думать, как он чувствует себя сегодня. Но ему, вероятно, не приывать. — Он покачивался на пятках, как теннисист, ожидающий подачи противника. Мне показалось, что он слегка озабочен. — Должен сказать, я меньше всего предполагал увидеть вас здесь. Могу я вам чем-нибудь помочь? Я представляю „Акаи“ в переговорах о продаже „Микрокона“.

— Нет, — сказал мягко Коннор. — Мы уже узнали все, что хотели.

— Это как-то связано со вчерашним происшествием в „Накамото“?

— В сущности, нет.

— Если хотите, можем побеседовать в конференц-зале.

— К сожалению, мы опаздываем на важную встречу. Но, может быть, поговорим позже?

— Конечно, — сказал Ричмонд. — Буду рад. Я вернусь в свой офис примерно через час. — Он дал нам свою карточку.

— Замечательно, — сказал Коннор.

Ричмонд положительно казался встревоженным. Он проводил нас до лифта.

— Господин Иосида — человек старой школы, — сказал он. — Он неизменно учтив, но должен сказать, что у него были крупные неприятности из-за „Микрокона“. Ему в Токио намылили шею, хотя он ни в чем не виноват. В сущности, Вашингтон ударил его в спину. Его уверяли, что препятствий не будет, и тут-то Мортон выдернул у него коврик из-под ног.

— Вот как? — спросил Коннор.

— Все так и было. Я не знаю, какая муха укусила Джона Мортонса, но он просто помешался на этой продаже. Мы сделали все, что от нас зависело. КИИСШ выдвинул возражения только после того, как переговоры давно закончились. Так дела не делаются! Я все еще надеюсь, что Джон опомнится и не будет нам мешать. А вообще-то его действия попахивают расизмом.

— Вы так считаете?

— Конечно. В точности, как в деле „Фэрчайлда“. Помните? „Фуицу“ пыталась купить в шестьдесят восьмом году фирму „Фэрчайлд“, но Конгресс запретил продавать ее иностранцам — это, дескать, угрожает национальной безопасности США. Через два года французская компания все же купила ее, а Конгресс и ухом не повел. Значит, можно продавать иностранцам — но не японцам. Я считаю, что это расизм чистейшей воды. — Мы подошли к лифту. — Звоните, я всегда к вашим услугам.

— Спасибо, — сказал Коннор.

Мы вошли в лифт. Дверь закрылась.

— Гадина, — сказал Коннор.

ГЛАВА 34

Мы ехали к сенатору Мортону.

— Почему вы назвали его гадиной? — спросил я.

— Боб Ричмонд в прошлом году представил фирму „Арманда Марден“ в торговых переговорах с Японией. Он принимал участие в заседаниях правительства. Потом переметнулся и стал работать на японцев. Сейчас они платят ему полмиллиона в год плюс премиальные по завершению каждой сделки. И он стоит того, так как знает все, что можно знать.

— А как на это смотрит закон?

— Ничего незаконного здесь нет. Многие так делают. Если бы Ричмонд работал на фирму, использующую новейшие технологии, вроде „Микросяфт“, ему бы пришлось подписать обязательство не переходить в течение пяти лет к конкурентам. Но у нашего правительства условия помягче.

— Почему все же гадина?

— Все его рассуждения насчет расизма — чушь, — Коннор фыркнул. — И он это знает.

Дело о продаже ему известно не понаслышке.
Расизмом там и не пахло.

— Вы так считаете?

— Ричмонд знает и еще кое-что: японцы —
самые отъявленные расисты на земле.

— Неужели?

— Безусловно. Когда японские дипломаты...

Его перебил телефонный звонок. Я снял
трубку.

— Лейтенант Смит слушает.

— Господи, наконец. Где вы были, черт
возьми? Я уже собирался лечь спать!

Я узнал голос Фреда Гофмана, вчерашнего
дежурного.

— Спасибо, что нашел нас, Фред, — сказал
Коннор.

— Что ты хотел?

— Мне хотелось узнать о вчерашнем звонке
из „Накамото“.

— И тебе, и всем в городе, — сказал Гоф-
ман. — Половина управления наседает на меня
из-за этого. Джим Олсон не вылезает из-за мо-
его стола, просматривает все бумаги. Дело-то
вроде самое обычное...

— Расскажи, что произошло.

— Пожалуйста. Во-первых, мне сообщили,
что был звонок в газету. Там сперва не разобра-
лись, так как звонивший говорил с сильным ак-
центом и сбивчиво, словно наркотиками напич-
кался. Все твердили: „Как быть с трупом“. Они не
могли разобрать, в чем дело. Как бы то ни было,
я в 8.30 послал патрульную группу. Те подтвер-
дили, что произошло убийство, и я отправил в
„Накамото“ Тома Грэхема и Родди Мерино. Из-
за чего потом поимел кучу неприятностей.

— Так.

— Какого черта на меня бочку катят, ведь была их очередь! Ты же знаешь, мы должны строго соблюдать очередность выезда детективов на задания. Такова инструкция, и я ей следовал.

— Ясно.

— В девять позвонил Грэхем, сообщил, что есть трудности и что японцы требуют связного Спецслужбы. Я опять проверил — очередь Петера Смита. Я дал Грэхему твой телефон, и, помоему, он до тебя дозвонился, Пит.

— Да, — сказал я. — Дозвонился.

— Хорошо, — сказал Коннор, — а дальше?

— Через две минуты после Грэхема, кажется, в 9.05, кто-то позвонил и сказал с акцентом — может быть, с японским, но я не уверен, — что просит от имени „Накамото“ подключить к делу капитана Коннора.

— Он не называл себя?

— Назвал, конечно, после моей просьбы. Я записал имя — Койчи Ниси.

— И он был из „Накамото“?

— Так он сказал. Я сидел, принимал звонки, как я мог его проверить? А сегодня утром „Накамото“ официально возразила против привлечения к делу Коннора и сказала, что у них нет никакого Койчи Ниси. Они заявляют, что это обман. Но звонок был, я его не выдумал.

— Конечно нет. Ты сказал, говорили с акцентом?

— Да. Очень хороший английский, но с акцентом. Кстати, он, видимо, хорошо знает тебя.

— Да?

— Да. Начал он с того, что спросил, знаю ли я твой телефон, и предложил дать его мне. Я сказал, что знаю. Не хватало еще мне узнавать у японцев телефоны своих сослуживцев. Тогда он сказал: „Знаете, капитан Коннор не всегда берет трубку. Попытайтесь кого-нибудь за ним“.

— Интересно, — сказал Коннор.

— Тогда я позвонил Питу и велел ему привезти тебя. Больше ничего не знаю. Но я уже тогда подумал, что в „Накамото“ дело нечисто. Я понимал, Грэхему придется трудно, да и другим нелегко. Все знают, что у Коннора особые отношения с японцами, вот я и позвонил ему. А теперь все говно вылилось на меня.

— Расскажи подробнее.

— Все началось вчера вечером в одиннадцать, когда шеф позвонил насчет Грэхема, почему, дескать, я отправил именно его? Я объяснил, но он не успокоился. К концу моего дежурства, может быть, в пять утра, начались звонки насчет Коннора — как он попал сюда, почему. Потом статья в „Таймс“, вся эта чушь о расизме в полиции. Не знаю, как теперь обернется дело. Я им твержу, что поступал по инструкции, а они не слушают. А ведь я говорю сущую правду!

— Конечно, — сказал Коннор. — Еще одно, Фред. Ты прослушал запись первого звонка в газету?

— Еще бы! Я последний раз прослушивал ее час назад. А что?

— Голос тебе не напоминает этого господина Ниси?

Гофман засмеялся.

— Господи, кто знает? Может быть. По мне, все азиаты говорят одинаково. Первый голос

звучал очень сбивчиво, может быть, этот парень был в шоке. Но кто бы ни был этот Ниси, он хорошо тебя знает.

— Это очень важно. Ладно, отдохтай. — Коннор поблагодарил его и повесил трубку. Я съехал с шоссе и направился к Уилширу, где жил сенатор Мортон.

ГЛАВА 35

— Хорошо, сенатор, посмотрите теперь сюда, пожалуйста... еще немного... вот теперь отлично, мне нравится. Да, чертовски хорошо! Еще три минуты, пожалуйста.

Режиссер, возбужденный человек в куртке и бейсбольной кепке, вылез из-за камеры и пролаял с британским акцентом:

— Джерри, дай заслонку, солнце слишком яркое. И можно что-нибудь сделать с глазами? Эллен? Видишь блеск на правом плече? Приглуши его, крошка. Пригладь воротник. На галстуке виден микрофон. И седина в волосах незаметна, выяви ее. И поправьте ковер, чтобы сенатор не споткнулся. Теперь давайте, а то мы потеряли освещение!

Мы с Коннором стояли сбоку вместе с бойкой помощницей режиссера Дебби, прижимавшей к груди папку с бумагами. Она сказала со значением:

— Это режиссер Эдгар Линн.
— Мне это имя ни о чем не говорит, — сказал Коннор.

— Он самый известный и дорогой режиссер коммерческого кино в мире. Великий художник. Эдгар сделал фантастический рекламный фильм... Снимал и художественные тоже. Эдгар сейчас самый лучший режиссер. — Она помолчала и добавила: — И не такой псих, как все остальные.

Сенатор Джон Мортон терпеливо ждал, пока четверо людей возились с его галстуком, пиджаком, волосами, гримом. Он стоял под деревом на фоне площадки для гольфа и небоскребов Беверли-Хиллз. Киношники расстилали ковер.

— А как сенатор? — спросил я.

— Очень хорошо, — кивнула Дебби. — У него есть шансы.

— Вы имеете в виду — стать президентом? — спросил Коннор.

— Да, особенно если Эдгар хорошо его отснимет. Честно говоря, сенатор отнюдь не кинозвезда. У него большой нос, лысинка, веснушки — все это отвлекает от выражения глаз. А для кандидата в президенты важно именно это.

— Вы так полагаете? — спросил Коннор.

— Ну да. Люди выбирают президента по глазам. — Она пожала плечами, словно это было общеизвестно. — Но если сенатор отдает себя в руки Эдгара... Эдгар — великий художник. Он все сделает как надо.

Эдгар Линн прошел с оператором мимо нас.

— Господи, уберите эти мешки под глазами! И дайте подбородок! Сделайте хорошую линию подбородка!

— Ладно, — сказал оператор.

Дебби извинилась и ушла, а мы ждали, наблюдая за сенатором издали. Над ним работали костюмерши и гримерши.

— Мистер Коннор? Мистер Смит? — Я обернулся. Перед нами стоял молодой человек в синем костюме в полоску. Был он, видимо, из людей сенатора — учтивый, внимательный, вежливый... — Я Боб Вудсон, из офиса сенатора. Спасибо, что пришли.

— Это наш долг, — сказал Коннор.

— Я знаю, сенатор очень хотел видеть вас. Извините, он еще не освободился. Мы предполагали закончить съемку к часу. — Он посмотрел на часы. — Но, видимо, она закончится еще не скоро. Однако сенатор хочет говорить с вами.

— Вы знаете о чем?

Кто-то крикнул:

— Прогон! Прогон со звуком, пожалуйста!

Кучка киношников вокруг сенатора исчезла. Вудсон повернулся к камере. Эдгар Линн смотрел в объектив.

— Недостаточно седины, Эллен! Прибавь седины, она не просматривается.

— Надеюсь, он не покажется слишком старым, — сказал Вудсон.

— Это как раз то, что нужно. Седина при съемке не просматривается, значит, нужно добавить. Эллен наложила ее только на виски, сейчас сенатор выглядит недостаточно импозантно, — сказала Дебби.

— Плохо, если он будет выглядеть стариком. Хотя иногда он так и выглядит, особенно когда устает.

— Не волнуйтесь, — сказала Дебби.

- Вот теперь хорошо. Вполне достаточно.
Сенатор, вы готовы? — спросил Линн.
- С чего я начинаю? — спросил Мортон.
- Дайте текст!
- Девушка подала реплику:
- „Возможно, вас, как и меня...“
- Значит, первая часть уже сделана, — сказал Мортон.
- Верно, — согласился Эдгар Линн. — Мы начнем так: вы повернетесь к камере, посмотрите очень строго, мужественно, и начнете: „Возможно, вас, как и меня...“ Ясно?
- Да, — сказал Мортон.
- Не забудьте, взгляд должен быть мужественным, властным.
- Можно начинать? — спросил Мортон.
- Линн хочет разозлить его, — сказал Вудсон.
- Начали, — сказал Линн. — Делаем пропон. Поехали!
- Сенатор Мортон направился к камере.
- Возможно, вас, как и меня, тревожит падение нашего престижа в последние годы. Америка все еще величайшая военная держава, но ее безопасность зависит от нашей способности защитить себя не только в военной, но и экономической сфере. Именно в экономике Америка отстает. Насколько? При двух последних президентах Америка превратилась из величайшего кредитора в величайшего должника в мире. Наша промышленность отстает от мирового уровня. Наши рабочие теряют квалификацию. Наши вкладчики хотят быстрых прибылей и лишают промышленность возможности вести дол-

госрочное планирование. В результате уровень жизни быстро понижается. Будущее наших детей безрадостно.

— Кто бы сомневался, — пробормотал Коннор.

— И в это время, во время национального кризиса, — продолжал Мортон, — нам угрожает новая опасность. Наш экономический потенциал падает, и нам угрожает своеобразная агрессия. Многие боятся, что мы превратимся в экономическую колонию Японии или Европы. Особые опасения вызывает Япония. Америка видит, что Япония завладевает нашей промышленностью, нашими курортами, даже нашими городами. — Он указал на площадку для гольфа на фоне небоскребов. — При этом многие опасаются, что Япония в скором времени сможет диктовать Америке, как ей жить дальше.

Мортон остановился у дерева и, казалось, погрузился в размышления.

— Насколько оправданы эти страхи? Насколько мы должны опасаться? Кое-кто говорит, что иностранные инвестиции — это благословение Божье, что они нам помогают. Другие придерживаются противоположного мнения, считая, что мы распродаем свое национальное достояние. Какой взгляд правилен? Каким мы должны... каким... каким... О, черт! Дайте текст!

— Стоп, стоп! — крикнул Линн. — Перерыв пять минут! Кое-что почистим и отснимем еще один дубль. Очень хорошо, сенатор. Мне нравится.

Девушка с текстом подсказала:

— „Каким мы должны видеть будущее Америки...“

— Каким мы должны видеть будущее... — повторил Мортон. — Неудивительно, что я не мог запомнить. Давайте изменим эту строчку, Марджи? Пожалуйста, измените. Или дайте мне текст, я сам изменю.

Костюмеры и гримеры вновь набросились на него.

— Подождите здесь, я попробую залучить его к вам на несколько минут, — сказал Вудсон.

Мы стояли у гудящего трейлера, от которого шли провода. Как только Мортон подошел, подбежали два его помощника с толстыми папками.

— Джон, посмотрите это.

— Джон, как вы считаете, что лучше сделать?

— Что это? — спросил Мортон.

— Джон, вот последние данные опроса избирателей.

— Джон, вот анализ анкет, разданных избирателям.

— Ну и что вы от меня хотите?

— Вам не стоит говорить слово „экономия“ в выступлении по телевидению.

— Я не могу говорить об экономии?

— Не можете, Джон.

— Это гибель, Джон.

— Все данные показывают это.

— Хотите посмотреть данные, Джон?

— Нет, — Мортон взглянул на меня и Коннора. — Сейчас к вам подойду, — сказал он улыбаясь.

— Все же посмотрите результаты анализа, Джон.

— Все очень просто, Джон. Призыв к экономии означает: затянуть пояса, снизить уровень потребления. Людям это уже знакомо, они не хотят испытывать это и впредь.

— Но это ошибка, — сказал Мортон. — Экономия означает совсем другое.

— Джон, избиратели думают именно так.

— Но они ошибаются.

— Джон, вы хотите учить избирателей уму-разуму?

— Да, хочу. Проводить режим экономии — не значит снизить уровень жизни. Напротив, это значит — добиться больших доходов, независимости и свободы. Суть экономии не в том, чтобы обходиться меньшим, а в том, чтобы, например, обогревать дом или водить машину, расходуя меньше газа и нефти. Мы заведем более экономное отопление в домах, наладим выпуск более экономных автомобилей. Воздух станет чище, люди — здоровее. Это вполне реально, другие страны уже давно сделали это, и Япония — раньше всех.

— Джон, пожалуйста!

— Не говорите о Японии!

— За последние двадцать лет, — продолжал Мортон, — Япония снизила затраты энергии в промышленности на шестьдесят процентов. Америка не сделала ничего подобного. Японцы производят более дешевые товары, потому что они вложили деньги в энергосберегающие технологии. Экономия — это суть конкуренции. А сейчас мы не можем с ними конкурировать.

— О Боже, Джон. Экономия, статистика...
Вас никто не будет слушать, это скучно!

— Никому до этого нет дела, Джон. Всем наплевать!

— Народу не наплевать, — сказал Мортон.

— Джон, уверяю вас...

— Они не захотят вас, Джон. Люди не хотят снижения уровня жизни, особенно те, кому за пятьдесят, а это солидная группа избирателей. Они не хотят „экономить“.

— Но у них есть дети и внуки. Они должны думать о будущем.

— Старики вас не поддержат, Джон. Это ясно как дважды два. Они считают, что детям они безразличны, и они правы. Поэтому им садим наплевать на детей. Все очень просто.

— Но дети, разумеется...

— Дети не имеют права голоса, Джон.

— Джон, пожалуйста, послушайтесь нас.

— Никакой „экономии“, Джон. Конкуренция — да. Взгляд в будущее — да. Преодоление трудностей — да. Новый дух — да. Но не экономия. Все, что угодно, только не это.

— Пожалуйста!

— Я подумаю об этом, ребята, — сказал Мортон.

Помощники, видимо, поняли, что большего им не добиться. Они со стуком захлопнули свои папки.

— Сказать Марджи, чтобы она изменила текст?

— Нет. Я еще подумаю об этом.

— Может быть, Марджи все же набросает несколько строк?

— Нет.

— Ну, хорошо, Джон.

— Знаете, — сказал Мортон на прощанье. — Когда-нибудь американский политик будет делать то, что считает правильным, а не то, что подсказывают опросы. И это будет подлинной революцией.

Оба помощника обернулись.

— Джон, бросьте. Вы устали.

— Долгая поездка... мы понимаем...

— Джон, поверьте нам, у нас все данные.

Мы знаем настроения избирателей.

— Я сам знаю, что чувствует народ. Он чувствует растерянность, и я знаю почему. Уже пятнадцать лет у нас нет достойного лидера.

— Джон, давайте не будем об этом. Сейчас двадцатый век. Быть лидером — значит говорить народу то, что он хочет услышать.

Они ушли.

Немедленно появился Вудсон с переносным телефоном. Он хотел заговорить, но Мортон поднял руку.

— Не сейчас, Боб.

— Сенатор, я думаю, вам нужно...

— Не сейчас.

Вудсон попятился. Мортон взглянул на часы.

— Вы мистер Коннор и мистер Смит?

— Да, — ответил Коннор.

— Пойдемте. — Мортон отошел от киношников и направился к холму напротив площадки для игры в гольф. Была пятница, игроков там было немного.

— Я просил вас прийти, — сказал Мортон, — так как узнал, что вы занимаетесь делом „Накамото“.

Я хотел было возразить, что это поручено Грэхему, но Коннор сказал:

— Это верно, дело поручено нам.

— Я хотел спросить вас кое о чем. Как я понимаю, дело закончено?

— Судя по всему, да.

— Ваше расследование завершено?

— Практически завершено, — ответил Коннор.

Мортон кивнул:

— Мне говорили, что вы хорошо знаете японскую общину, верно? Один из вас даже жил в Японии.

Коннор слегка поклонился.

— Это вы играли сегодня в гольф с Ханадой и Асакой?

— У вас верные сведения.

— Я говорил утром с Ханадой. Раньше нам приходилось часто встречаться. — Мортон резко повернулся. — А вопрос у меня такой: имеет ли дело „Накамото“ отношение к продаже „Микрокона“?

— Что вы имеете в виду?

— Продажу „Микрокона“ японцам должен обсудить Финансовый Комитет Сената, который я возглавляю. Комитет по Науке должен утвердить продажу, он запросил наши соображения. Как вы знаете, дело это непростое. Раньше я возражал против продажи. По разным причинам. Вы знаете об этом?

— Да, — сказал Коннор.

— Я до сих пор сомневаюсь. Передовая технология „Микрокона“ была создана на деньги американских налогоплательщиков. Меня возмущает, что оплаченные ими программы продают-

ся японцам, а те используют их в конкурентной борьбе с нашими фирмами. Я чувствую, что следует защитить интересы Америки в области высокой технологии, прекратить разбазаривание нашего интеллектуального потенциала, ограничить иностранные инвестиции в наши корпорации и университеты. Но я, кажется, в этом одинок. Не нахожу поддержки ни в Сенате, ни среди промышленников. От торговцев тоже нет толку. Они боятся, что любые санкции могут сорвать переговоры о поставках риса. Подумать только — риса! Даже Пентагон против меня. „Акаи Керамикс“ — дочерняя фирма „Накамото“, поэтому мне хотелось бы знать, связано ли вчерашнее происшествие с предполагаемой сделкой.

Он остановился, внимательно посмотрел на нас, словно ожидая, что мы скажем ему что-то очень важное.

— Не вижу никакой связи, — сказал Коннор.

— „Накамото“ использовала какие-то незаконные приемы, чтобы ускорить продажу „Микрокона“?

— Насколько мне известно, нет.

— И ваше расследование официально закончено?

— Да.

— Это я и хотел выяснить. Мне не хочется оказаться в дерьме, если я снова решусь возражать против продажи. Кое-кто может утверждать, что прием у „Накамото“ был попыткой привлечь на свою сторону противников сделки. И перемена моей позиции может вызвать наре-

кания. Понимаете, в Конгрессе за подобные вещи могут провалить.

— А сейчас вы не возражаете против продажи? — спросил Коннор.

Через лужайку помощник крикнул:

— Они готовы, сэр!

— Войдите в мое положение. С моей позицией никто не согласен. Лично я полагаю, что это повторение дела „Фэрчайлда“. Но если победить невозможно, не вступай в драку. В конце концов таких баталий будет еще немало.

Он выпрямился, одернул пиджак.

— Когда вы будете готовы, сэр? — снова позвал помощник. — Их тревожит освещение.

— Надо же! — сказал Мортон, покачивая головой.

— Мы не хотим вас задерживать, — сказал Коннор.

— Как бы то ни было, я рад, что поговорил с вами. Теперь я понял, что вчерашнее никак не связано с „Микроконом“. Присутствовавшие гости не имели к этому отношения. Я не хотел бы через месяц прочесть в газетах, что кто-то за кулисами пытался помочь или помешать сделке. Ничего подобного вы не знаете?

— Нет, — сказал Коннор.

— Джентльмены, благодарю вас за визит. —

Он пожал нам руки и отошел, потом вернулся. — Хотелось бы, чтобы наша беседа осталась конфиденциальной. Нужно быть осторожными. Мы находимся в состоянии войны с Японией. — Он кисло улыбнулся. — Болтливый рот потоплит флот.

— Да, — сказал Коннор. — Не забудем Пирл-Харбор*.

— Верно. — Мортон понизил голос и заговорил доверительно: — Знаете, некоторые мои коллеги говорят, что рано или поздно нам придется бросить еще одну бомбу на Японию. Они думают, что мы дойдем до этого. — Он улыбнулся. — Но я так не считаю. По крайней мере, пока.

Все еще улыбаясь, он пошел к киношникам. По дороге к нему присоединились сперва женщина с текстом, потом костюмер, потом звукооператор, возившийся с микрофоном, потом гримерша — пока сенатор наконец не исчез из виду.

* В 1941 году Япония внезапным ударом уничтожила основные силы Тихоокеанского флота США в бухте Пирл-Харбор.

ГЛАВА 36

— Он мне понравился, — сказал я.

Мы возвращались в Голливуд. Дома смутно виднелись в тумане.

— Почему бы и нет? — сказал Коннор. — Это его ремесло — нравиться.

— Тогда он хорошо знает свое ремесло.

— По-моему, отлично.

Коннор молча глядел в окно. Я чувствовал: что-то его тревожит.

— Вам понравилось то, что он говорил на съемке? Очень похоже на ваши слова.

— Да, похоже.

— Так в чем же дело?

— Ни в чем. Я просто думаю о том, что он хотел сказать.

— Он упомянул дело „Фэрчайлда“.

— Естественно. Мортон очень хорошо знает правду об этом деле.

Я хотел спросить, в чем она, но Коннор уже рассказывал:

— Вы когда-нибудь слышали о Сэймуре Крее? Долгие годы он был лучшим в мире изобретателем суперкомпьютеров. Фирма „Крей

Рисёрч" производила лучшие компьютеры в мире. Японцы пытались соперничать с ней, но бесполезно, они не могли даже близко подойти к ее уровню. Но в середине восьмидесятых японский деминг вывел из строя большинство фирм, работавших на Крея, и ему пришлось заказывать микросхемы в Японии, поскольку в Америке их никто не производил. А японские фирмы тянули с поставками. Пока суд да дело, японцы сильно продвинулись вперед. Возможно, они украли новую технологию „Крей Рисёрч“. Крей был вне себя, он понял, что его надули, и решил организовать производство необходимых деталей в США. Для этого он избрал компанию „Фэрчайлд“, хотя она была не из лучших. Но Крей больше не доверял японцам и решил довольствоваться сотрудничеством с „Фэрчайлдом“. Фирма наладила выпуск микросхем нового поколения — и тут Крей узнал, что фирма будет продана „Фуицу“, его главному конкуренту. Однако по соображениям национальной безопасности Конгресс приостановил продажу.

— И что тогда?

— Это не решило финансовых проблем „Фэрчайлда“. Фирма дышала на ладан, и со временем ее все равно пришлось бы продать. Был слух, что ее купит „Булл“ — французская компания, которая не занимается компьютерами. Такую сделку Конгресс мог бы разрешить. Но в конце концов „Фэрчайлд“ купила американская фирма.

— И „Микрокон“ — второй „Фэрчайлд“?

— Да, в том смысле, что он дает японцам монополию на производство микросхем. А если у них будет монополия, они смогут диктовать

условия американским компаниям. Но теперь я думаю...

Тут зазвонил телефон.

Это была Лорен. Моя бывшая жена.

— Питер?

— Хэлло, Лорен.

— Питер, я возьму Мишель сегодня пораньше, — голос ее звучал напряженно, строго официально.

— Да? Я думал, ты не возьмешь ее вообще.

— Я так не говорила, Питер, — ответила она быстро. — Конечно, я ее возьму.

— Ладно, прекрасно. Кстати, кто такой Рик?

— Питер, это недостойно тебя! — ответила она, помедлив.

— Почему? Мне просто интересно. Мишель упомянула про него утром. Сказала, что у него черный „мерседес“. Это твой новый друг?

— Питер, ты преступаешь все границы.

— Какие еще, к черту, границы?

— Прекрати валять дурака. Мне и так трудно. Я хочу взять Мишель пораньше, чтобы повезти ее к доктору.

— Зачем? Она уже оправилась от простуды.

— Я хочу ее проверить, Питер.

— На что?

— Проверить у доктора.

— Я слышал. Но...

— Я повезу ее к Роберту Штраусу. Мне говорили, что он специалист. Я консультировалась у себя в офисе. Питер, я не знаю, как все повернется, но хочу тебе сказать, что меня беспокоит твое прошлое.

— Лорен, о чем ты говоришь?

— Я говорю о твоем приставании к ребенку.
О растлении малолетнего.

— Что?

— На это нельзя закрывать глаза. Ты помнишь, тебя когда-то обвинили в этом.

Я почувствовал подступающую тошноту. Если отношения портятся, всегда остаются какие-то обиды, горечь и досада — так же как и тайны другого, которые можно при желании использовать. Но раньше Лорен никогда этого не делала.

— Лорен, ты знаешь, что это обвинение было вымысленным. Ты все прекрасно знаешь. Мы тогда еще были женаты.

— Я знаю только то, что ты рассказал мне. — Голос ее теперь стал чужим, строгим, слегка саркастическим. Это был голос прокурора.

— Лорен, ради Бога. Это смешно. Что ты несешь?

— Это вовсе не смешно. Я несу ответственность как мать.

— Тебя никогда раньше не занимала эта ответственность. А теперь...

— Это правда, моя работа требует полной отдачи, — сказала она ледяным тоном, — но не подлежит сомнению, что дочь всегда была для меня на первом месте. И я глубоко сожалею, если мое прежнее поведение явилось одной из причин теперешних неприятных обстоятельств.

У меня было такое чувство, что она говорит все это не мне. Она просто репетирует, проверяет, как эти слова прозвучат в суде.

— Питер, совершенно ясно, что, если тебя когда-то привлекали за приставание к детям,

Мишель не может жить с тобой. Даже встречаться с тобой не может.

У меня закололо в груди.

— О чём ты говоришь? С чего ты взяла, что я приставал к детям?

— Питер, думаю, сейчас неуместно вдаваться в подробности.

— Это Вильгельм? Он тебе звонил, Лорен?

— Питер, повторяю, нет смысла вдаваться в подробности. Я официально извещаю тебя, что собираюсь взять Мишель в четыре часа дня. Пусть она будет готова.

— Лорен...

— Мой секретарь, мисс Вильсон, слышит нас и стенографирует беседу. Я официально сообщаю, что намерена взять свою дочь и повезти ее к врачу для проверки. У тебя есть вопросы?

— Нет.

— Тогда в четыре. И позволь прибавить от себя: я искренне сожалею, что дошло до этого.

Она повесила трубку.

Меня обвинили в приставании к ребенку, когда я был детективом. Я знал, как это делается. Суть в том, что медицинская проверка, как правило, ничего не дает. Она всегда двусмысленна. Допрашивая ребенка, психолог закидывает его вопросами, и ребенок постепенно начинает отвечать так, как хочется врачу. По идее психолог должен вести запись разговора на видео, чтобы показать, что наводящих вопросов не было. Но к моменту суда ситуация обычно запутывается, а судья, как правило, консервативен — если есть хоть малейшая вероятность сексуального преследования, он считает себя обя-

занным оградить ребенка от обвиняемого родителя. Или по крайней мере запретить ему видеться с ребенком без свидетелей. Или даже...

— Ну, хватит, — сказал сидящий рядом Коннор. — Вернитесь на землю.

— Извините. Но это просто ужасно.

— Я думаю! Теперь скажите, почему вы от меня что-то утаили?

— Вы о чем?

— О вашем обвинении в растлении.

— Мне нечего утаивать. Ничего не было.

— Кохай, — сказал он спокойно. — Я не смогу помочь вам, если не расскажете всю правду.

— Никакого растления не было. Тут дело в другом — мне предлагали взятку.

Коннор молчал. Он ждал, глядя на меня.

— А, пропади все пропадом, — произнес я. И я рассказал ему все.

Бывают в жизни моменты, когда думаешь: „Я знаю, что делаю“, но на деле это далеко не так. Потом, вспоминая, видишь, что все делал неправильно: втянулся во что-то и полностью запутался. Хотя тогда я думал, что поступаю правильно.

Я в то время был влюблен. Лорен играла роль аристократической барышни, была мила и загадочна. Казалось, что она выросла в родовом поместье. Она была моложе меня и очень красивая.

Я всегда знал, что жизнь у нас не сладится, но все же пытался что-то сделать. Мы поженились, начали жить вместе, но это не доставляло ей радости. Ее не удовлетворяла моя квартира,

зарплата и все остальное. Она стала ворчливой, вечно затевала скандалы, даже в постели. Она казалась такой несчастной, что я пытался угодить ей во всем. Покупал ей подарки, стряпал, прибирал в доме. Это было не в моих привычках, но я был влюблен. Я даже привык угощать ей.

А она постоянно давила на меня. Ей всего было мало. Она требовала больше денег.

Была и еще одна проблема. Ее медицинская страховка не включала страхование по беременности и родам. Поженившись, мы не получили пособия на будущего ребенка. На роды должно было уйти восемь тысяч, и их надо было найти. Денег у нас не было. Отец Лорен, врач из Виргинии, был против нашего брака, и Лорен не хотела просить у него. У моей семьи денег вообще не было. Лорен работала в офисе прокурора, я — в полиции. У Лорен было много долгов, и она заняла еще денег на автомобиль. Восемь тысяч были нужны позарез. Как мы выкрутимся? Но об этом мы не говорили, по крайней мере, она. Все устроить предстояло мне.

И однажды вечером в августе поступил вызов — семейная ссора в Ладера-Хайтс. Супруги-испанцы напились и здорово передрались; у нее рассечена губа, у него подбит глаз, в соседней комнате орет ребенок. Мы их скоро успокоили, увидели, что серьезных ран нет, и хотели уйти. Жена, увидев это, завопила, что муж приставал к дочери, совершаил развратные действия. Когда муж услышал это, он обалдел, и я решил, что это чушь, жена просто хочет напугать его. Но та настаивала, чтобы мы осмотрели дочь, и я пошел в детскую. Девятимесячный ребенок орал

так, что лицо его почернело. Я откинул одеяльце посмотреть, нет ли каких следов, и увидел пакетик с марихуаной.

Такие вот дела.

Ситуация не из легких. Они женаты, жене пришлось бы свидетельствовать в суде против мужа, дело сомнительное, улика найдена незаконно. Мало-мальски приличный адвокат разнесет обвинение в пух и прах. Я вышел и позвал этого парня. Я знал, что ничего не могу сделать. Но тогда я думал только о том, что если ребенок возьмет в рот наркотик, то он погибнет. Я хотел сказать отцу об этом, припугнуть его.

Он зашел в детскую, жена оставалась в столовой с моим напарником. И тут испанец вытащил конверт в два сантиметра толщиной, разорвал его. Я увидел стодолларовые бумажки, целую пачку. И он сказал: „Спасибо за помощь, офицер“.

В конверте, должно быть, было тысяч десять, может быть, больше. Испанец протянул мне конверт, глядя на меня. Он был уверен, что я возьму.

Я что-то промямлил насчет того, как опасно прятать наркотик в колыбель. Испанец сразу же взял пакетик и затолкнул ногой под кровать. „Вы правы, спасибо вам, офицер. Ужасно, если что-нибудь случится с моей дочерью“. А сам все совал мне конверт.

Так-то.

Было страшно шумно. В столовой жена орала на моего напарника, визжал ребенок. Испанец совал мне конверт, улыбался и кивал, дескать, давай, бери! Это твое! И я подумал... не помню, о чем я тогда подумал.

Помню только, что вышел в столовую, сказал, что с ребенком все в порядке, женщина заорала пьяным голосом, что я — теперь уже я, а не муж! — обидел ребенка, что я в сговоре с ее мужем, что мы оба растлители детей. Мой напарник наконец понял, что она в стельку пьяна, и мы ушли. Он сказал: „Ты задержался в той комнате“. Я ответил: „Нужно было проверить ребенка“. Вот и все. Но на следующий день она пришла и подала официальную жалобу на меня. Она была с похмелья, привлекалась за пьянство, но все равно, обвинение серьезное, и ему дали ход. Дело дошло до предварительного служебного расследования, которое решило, что в моих действиях не было ничего предосудительного.

Вот и все.

Вот и все, что случилось.

Вот и вся история.

— А деньги? — спросил Коннор.

— На уик-энд я поехал в Лас-Вегас, выиграл по-крупному. Уплатил в том году налог на лишние тринадцать тысяч.

— Чья это была идея?

— Лорен. Она мне ее подсказала.

— Значит, она была в курсе дела?

— Конечно.

— А чем кончилось расследование в управлении? Они составили протокол?

— Так далеко нешло. Они просто выслушали дело и отклонили жалобу. Возможно, сделали отметку в моем досье, но протокола не было.

— Ладно. Теперь рассказывайте дальше.

И я рассказал ему о Кене Шубике, о „Таймс“, о Хорьке. Коннор слушал молча, нахмурясь. Я говорил, а он втягивал воздух сквозь зубы — японский способ выражать неодобрение.

— Кохай, — сказал он, когда я кончил. — Вы осложняете мне жизнь, не говоря уже о том, что вы выставили меня на посмешище. Почему вы не рассказали мне этого раньше?

— Это не имело к вам никакого отношения.

— Кохай... — он покачал головой.

Я снова подумал о дочери. Я представил себе — только представил, — что не смогу ее видеть, что я не...

— Слушайте, — сказал Коннор. — Я говорил вам, что у нас могут быть неприятности. Поверьте мне на слово, может быть еще хуже. Это только начало, а может стать совсем мерзко. Нужно пошевеливаться и попытаться быстро все закончить.

— Я думал, все уже закончено.

Коннор вздохнул и покачал головой.

— Нет. И мы должны все решить прежде, чем вы увидитесь с женой в четыре часа. Нам обязательно нужно все закончить к этому времени.

ГЛАВА 37

— Ну, слава Богу, можно считать, что мы закончили, — заявил Грэхем.

Он ходил по дому Сакамуры в Беверли-Хиллз. Следственная группа собиралась уходить.

— Не знаю, с чего это шеф взъерепенился, — продолжал Грэхем. — Ребята спины не разгибаю, так он на нас напирал. Но, теперь все сходится. С Сакамурой тоже все ясно. Мы прошлись гребнем по его постели — его лобковые волосы совпадают с теми, что найдены на девушке. Мы взяли анализ слюны с его зубной щетки. Группа крови и генетические показатели совпадают с данными анализа спермы, обнаруженной в теле мертвой девушки. Значит, это он. Он ее трахнул, а потом убил. А когда мы пришли его арестовать, он в панике пытался бежать и погиб. Где Коннор?

— На улице, — сказал я.

В окно я видел Коннора. Он стоял у гаража, беседуя с полицейскими в патрульном автомобиле. Коннор указывал на улицу, они отвечали на его вопросы.

— Что он здесь делает? — спросил Грэхем.
Я сказал, что не знаю.

— Черт, не понимаю его. Кстати, можешь сказать ему, что ответ на его вопрос — отрицательный.

— Какой вопрос?

— Он час назад позвонил мне. Сказал, что хочет знать, сколько очков для чтения мы здесь нашли. Мы проверили. Ответ — таких очков нет. От солнца очков много, среди них пара дамских. И все. Не знаю, зачем он спрашивал. Странный тип, верно? Какого черта он здесь?

Мы смотрели, как Коннор расхаживал взад и вперед у полицейской машины, потом снова указал на дорогу. Один патрульный говорил по радио.

— Ты его понимаешь? — спросил Грэхем.

— Нет.

— Он, наверное, хочет выследить тех девок. Дьявол, хотел бы я заполучить эту рыжую. Ее надо было брать в прошлый раз. Она наверняка с ним трахалась, мы бы вытянули у нее сперму, и, я уверен, все бы в точности совпало. А я, осел, дал этим бледням убежать! Но кто знал, что так обернется! Все было так быстро. Голые девки бегают, людей смущают. Черт возьми, а ведь они были ничего, верно?

Я сказал, что да.

— А от Сакамуры ничего не осталось. Я говорил час назад с ребятами из отдела судебно-медицинской экспертизы. Они вырезали труп из автомобиля, но он так обгорел, что ничего определить нельзя. — Он печально поглядел в окно. — Знаешь что? По-моему, мы сделали все, что в наших силах. И очень неплохо. Мы не

ошиблись с этим парнем, действовали быстро, без шума и пыли. А японцы все равно падо вольны. Скоты! Тут люди из сил выбиваются, а они...

— Да, — сказал я.

— Черт знает, какая каша заварилась. Мне просто поджаривают задницу. Шеф позвонил, требует, чтобы заканчивали поскорее. Какой-то репортер из „Таймс“ допрашивал меня, выудив старое говно о неоправданном применении силы против какого-то испанца в семьдесят восьмом году. Никакой связи! Но этот репортер пытался доказать, что я всегда был расистом. А зачем, спрашивается? Вчера вечером якобы я вел себя как расист. Я теперь — типичный пример расиста, поднимающего свою безобразную голову, надо же! Японцы — мастера облить помоями. Жуть!

— Понимаю, — сказал я.

— Они и тебя достали?

Я кивнул.

— Что они тебе клеют?

— Раствление малолетних.

— Черт! А ведь у тебя дочь.

— Да.

— Как тут не взбеситься? Сплошной шантаж и угрозы, Пити-сан, сплошная ложь. Но по-пробуй это объяснить репортерам.

— А кто из репортеров говорил с тобой?

— Линда Дженсен, по-моему, так она называлась.

Я кивнул. Линда была протеже Хорька. Кто-то однажды сказал, что Линда взобралась наверх не потому, что ее трахали. Она сама могла трахнуть любого. Она была мастерицей

устраивать скандалы — так и добралась до вершины. Прежде чем переехать в Лос-Анджелес, она вела в Вашингтоне колонку светских новостей.

— Я не понимаю, — сказал Грэхем, трясясь от злобы, — чего мы с ними нянчимся? Они превращают нашу страну во вторую Японию. Люди уже боятся говорить, боятся сказать что-нибудь против японцев. Они просто не желают замечать, что творится.

— Издай правительство несколько законов, может, помогло бы.

Грэхем засмеялся.

— Правительство! Они его купили! Ты знаешь, сколько они тратят на взятки в Вашингтоне каждый год? Четыреста миллионов долларов. Этого хватит, чтобы купить с потрохами всех сенаторов и конгрессменов. А теперь скажи — тратили бы они из года в год эти деньги, не получая ничего взамен? Конечно, нет. Сволочи! Это конец Америки, парень. Эй, гляди! Похоже, ты нужен своему боссу.

Я посмотрел в окно. Коннор махал мне рукой.

— Я пойду, — сказал я.

— Желаю удачи. Да, вот что. Я, наверное, возьму отпуск на две недели.

— Когда?

— Может быть, сегодня вечером. Шеф намекнул мне на это. Сказал, что пока „Таймс“ у меня на хвосте, мне лучше уехать. Я подумываю махнуть в Феникс. У меня там родственники. Во всяком случае, знай, что я могу уехать.

— Ладно, — сказал я.

Коннор все еще подавал мне нетерпеливые
знаки. Я поспешил к нему. Спускаясь по сту-
пенькам, я увидел, как подкатил черный „мерсе-
дес“, откуда вылезла знакомая фигура.
Это был Хорек Вильгельм.

ГЛАВА 38

Пока я спускался, Хорек вытащил блокнот и магнитофон. Из уголка его рта свисала сигарета.

— Лейтенант Смит, — сказал он. — Могу я поговорить с вами?

— Я очень занят, — сказал я.

— Скорее! — позвал Коннор. — Мы теряем время. — Он открыл для меня дверцу.

Я пошел к Коннору, но Хорек не отставал, протягивая к моему лицу крошечный черный микрофон.

— Я записываю, надеюсь, вы не возражаете? После дела Малькольма мы должны быть очень осторожными. Не прокомментируете ли вы расистские замечания, сделанные вашим коллегой, детективом Грэхемом, вчера во время расследования в „Накамото“?

— Нет. — Я продолжал идти.

— Говорят, он назвал их „чертовыми японками“.

— Я вам ничего не скажу.

— Он также называл их „коротышками“.

По-вашему, полицейский на дежурстве может так выражаться?

— Извините, мне нечего вам сказать, Вилли.

Он поднес мне микрофон к самому лицу. Это было противно. Я хотел оттолкнуть микрофон, но не стал.

— Лейтенант Смит, мы готовим статью о вас, есть несколько вопросов насчет дела Мартинес. Помните? Года два назад.

Я продолжал идти.

— Я сейчас очень занят, Вилли.

— Дело Мартинес возникло в результате обвинения вас в развратных действиях по отношению к ребенку, выдвинутого Сильвией Морелиа, матерью Марии Мартинес. Было служебное расследование. Не хотите что-нибудь сказать по этому поводу?

— Нет.

— Я уже говорил с вашим тогдашним напарником, Тедом Андерсоном. А вы что-нибудь скажете?

— Извините, нет.

— Так вы не намерены отвечать на это серьезное обвинение?

— Единственный, кто меня обвиняет, это вы, Вилли.

— Не вполне точно, — сказал он улыбаясь. — Мне говорили, что прокуратура начала расследование.

Я молчал. Думал, правда ли это.

— Учитывая подобные обстоятельства, лейтенант, не думаете ли вы, что суд ошибся, поручив вам опеку над юной дочерью?

— Извините, Вилли. Я ничего вам не скажу.

Я старался говорить уверенно, но чувствовал, как покрываюсь потом.

— Скорей, скорей! Нет времени, — торопил меня Коннор. Я сел в машину. Коннор сказал Хорьку: — Сынок, извини, но мы заняты. Надо ехать. — Он захлопнул дверцу. Я завел мотор.

— Едем! — сказал Коннор.

Вилли сунул голову в окно.

— Вы не думаете, что высказывания капитана Коннора насчет Японии — это лишнее подтверждение того, что наша полиция не проявляет гибкости в делах, затрагивающих межрасовые отношения?

— Пока, Вилли! — Я поднял стекло и поехал.

— Побыстрее, пожалуйста, — попросил Коннор.

— Конечно. — Я прибавил скорость.

В зеркале заднего вида я заметил, что Хорек побежал к своему „мерседесу“. Я резко повернулся, покрышки взвизгнули.

— Как этот подонок вышел на нас? Перехватил радио?

— Мы же зажали связь, — сказал Коннор. — Вы знаете, как я осторожен с радио. Возможно, из патрульной машины позвонили куда-то, когда мы приехали. Может быть, в вашем автомобиле „жучок“. А может, он просто догадался. Он же прохвост. И он связан с японцами. Он их агент в „Таймс“. Японцы обычно более разборчивы в выборе агентов, но этот, наверное, для них готов на все. Красивая у него машина, а?

— Между прочим, не японская.

— Так не слишком бросается в глаза. (И)и следует за нами?

— Нет. Он нас потерял. Куда едем теперь?

— В лабораторию Университета. У Сэндерса было достаточно времени.

Мы спустились по склону холма к шоссе.

— Кстати, — сказал я, — зачем вы спрашивали Грэхема насчет очков?

— Просто хотел кое-что проверить. Очков для чтения не нашли, верно?

— Верно. Только темные.

— Я так и думал.

— Грэхем сказал, что он уезжает сегодня в Феникс.

— Ясно. — Он посмотрел на меня. — Вы тоже хотите уехать?

— Нет.

— Вот и хорошо.

Мы направились по шоссе на юг. Когда-то путь до Университета занимал десять минут, сейчас больше получаса, особенно в такое время. Везде пробки, да и туман мешает.

— Думаете, я делаю глупость? Следовало бы взять дочку и сбежать?

— Не лучший вариант. — Коннор вздохнул. — Японцы — мастера действовать окольными путями, это в их привычках. Если японец недоволен вами, он никогда не скажет этого вам в глаза, но зато скажет вашему другу, коллегам, начальнику, а в конечном счете это отразится на вас. Японцы знают все способы косвенного влияния. Вот почему они так общительны, столько играют в гольф, пьют в барах. Им нужны эти каналы влияния, потому что они не могут сказать прямо, что у них на уме. Может показаться,

что это ужасно неэффективно: пустая траты времени, энергии и денег. Но поскольку они не могут ни с кем открытоссориться — ссора для них хуже смерти, она внушает им страх, — то у них нет другого выбора. Япония — страна околичностей и недомолвок. Японец никогда ничего не скажет вам прямо.

— Да, но...

— Американцам их поведение кажется коварным и трусивым, а для японцев это норма, это для них в порядке вещей. Просто сейчас вам дают понять, что могущественные люди недовольны.

— Дают понять, что суд может лишить меня дочери? Что мои отношения с ребенком прекрасятся? Что они запятнают мою репутацию?

— Да. Это в Японии обычный вид наказания. Угроза немилости со стороны общества — этого всегда можно ожидать, если тобой недовольны.

— Ну, теперь я, кажется, понимаю. Картина ясна.

— Они могут ничего не иметь против вас лично. Просто у них такие методы.

— Да. Конечно. Облить человека грязью.

— В каком-то смысле.

— Нет, не в каком-то. Именно грязью.

Коннор вздохнул.

— Я долго не понимал, что поведение японцев зиждется на ценностях деревенского жителя. Вы много слышали о самураях и феодалах, но в глубине души японцы — крестьяне. А если ты живешь в деревне и не нравишься соседям, то тебя изгоняют, что означает смерть, потому что

другие деревни не примут смутияна. Не понравилось общинае — умриай. Так они думают.

Поэтому японец очень чувствителен к общественному мнению. Более всего он хочет идти с обществом в ногу, то есть не выделяться, не рисковать, не проявлять индивидуальности. Это также означает — не занимайся правоискательством. Японцы не верят, что правду можно найти. Истина кажется им холодной и абстрактной. Матери, чей сын обвинен в преступлении, нет дела до правды, она думает о сыне. То же самое с японцами. Для японца важнее всего отношения между людьми — это высшая правда. Частности не имеют значения.

— Прекрасно. Но чего им теперь надо? Дело об убийстве закрыто, так?

— Нет, не закрыто.

— Нет?

— Нет. Вот почему на нас нажимают. Видимо, кому-то очень хочется, чтобы все кончилось. Они хотят, чтобы мы сдались.

— Если они давят на меня и на Грэхема, почему они не давят на вас?

— Еще как давят.

— Каким образом?

— Возлагая на меня ответственность за вашу судьбу.

— Как они могут возложить на вас ответственность? Не понимаю.

— И не поймете. Но они это делают, поверьте мне.

Я посмотрел на вереницу машин, ползущих в тумане из города. Мы миновали электронные рекламы „Хитачи“ (Лучшие компьютеры Америки!), „Кэнона“ (Лучшие американские копиро-

вальные машины!) и „Хонды“ (Лучшие американские автомобили!). Как большинство новых японских реклам, они горели так, что было видно и днем. Такая реклама стоила тридцать тысяч долларов в день, большинство американских фирм не могли себе этого позволить.

— Японцы знают, что могут основательно попортить вам жизнь, — сказал Коннор. — Поднимая вокруг вас шум, они как бы говорят мне: „Уладьте это дело“, ибо думают, что я могу закрыть его.

— А вы можете?

— Конечно. Хотите, мы сделаем это прямо сейчас? А потом пойдем, выпьем пива и порассуждаем о японской правде. Или вы все же хотите докопаться, почему убили Черил Остин?

— Хочу.

— И я тоже. Так давайте сделаем это, кохай. В лаборатории Сэндерса нас, наверняка ждет нечто интересное. Ключ к разгадке тайны — в кассетах.

ГЛАВА 39

Филипп Сэндерс вертелся как волчок.

— Лаборатория закрыта, — сказал он нам и воздел руки в отчаянии. — И я ничего не могу сделать. Ничего.

— Когда это случилось? — спросил Коннор.

— Час назад. Пришли чинуши из строительного управления мэрии, велели всем покинуть помещение и закрыли его. Вот так. На двери теперь висит большой замок.

— А причина? — спросил я.

— Они составили протокол об аварийном состоянии потолка и сделали вывод, что подвал небезопасен для пребывания. Говорили, мол, безопасность студентов превыше всего. В общем, лабораторию закрыли до окончательного заключения инженера-строителя.

— И когда это будет?

Он указал на телефон.

— Я жду, что скажут. Может быть, на той неделе. Может быть, не раньше следующего месяца.

— В следующем месяце?!

— Да. Именно. — Сэндерс провел рукой по растрепанным волосам. — Я ходил к декану, но он тоже ничего не знает. Это распоряжение свыше, из совета попечителей, где имеют дело с богатыми меценатами, делающими взносы в несколько миллионов. Приказ пришел с этих высот. — Сэндерс засмеялся. — В наши дни это неудивительно.

— Что вы имеете в виду, — спросил я.

— Понимаете, японцы глубоко окопались в наших университетах, особенно на технических факультетах. Так везде. Японские фирмы обеспечивают двадцать пять профессорских ставок в Массачусетском технологическом институте, куда больше, чем любая другая страна. Потому что знают: как ни крути, а таких изобретателей, как у нас, у них нет. А они им нужны, вот японцы и идут по самому простому пути — покупают их.

— У американских университетов?

— Конечно. Вы знаете, что в Калифорнийском университете есть два лабораторных этажа, на которые нельзя попасть без японского паспорта? Там проводят исследования для „Хитачи“. Представляете? Американский университет закрыт для американцев. — Сэндерс возбужденно размахивал руками. — И если случается что-нибудь им не по вкусу, то они просто звонят ректору университета — и что тот может сделать? Сердить японцев нельзя. И они получают все, что захотят. И если желают закрыть лабораторию, они ее закрывают.

— А что насчет кассет?

— Они остались там. Нам велели все оставить.

— Даже так?

— Они дьявольски спешили, а уж вели себя как настоящие гестаповцы: толкали нас, волокли к выходу. Вы не представляете, какая паника поднимется в университете, если пройдет слух, что японцы прекратят финансирование. — Он вздохнул. — Не знаю, возможно, Терезе удалось вынести кассеты. Спросите у нее.

— Где она?

— Наверное, пошла на каток.

— На каток?

— Так она сказала. Поэтому поищите ее там.

И он многозначительно посмотрел на Коннора.

Тереза Асакума не каталась. На катке было тридцать малышей, и молодая учительница тщетно пыталась управиться с ними. Под высоким потолком катка эхом отдавались их смех и крики.

Здание было почти заброшено, скамьи на трибунах пусты. Несколько парней сидели в углу, переговариваясь и похлопывая друг друга по плечам. На нашей стороне, высоко под потолком, подметал уборщик. Пара взрослых, наверное родители, стояла внизу у поручней, возле самого льда. Человек напротив нас читал газету.

Терезы Асакума я не видел нигде.

Коннор вздохнул, устало присел на деревянную скамью, откинулся назад и закинул ногу на ногу. Я стоял, глядя на него.

— Зачем вы сели? Ее здесь нет.

— Садитесь и вы.

— Но вы всегда так торопитесь...

— Сядьте, отдохните немного.

Я сел рядом с ним. Мы смотрели на детей, катающихся по льду. Учительница кричала: „Александр! Александр! Тебе говорят! Не смей драться! Не бей ее!“

Я расслабился. Коннор смотрел на детей и усмехался. Он, видимо, ни о чем не тревожился.

— Вы считаете, Сэндерс прав? Это японцы нажали на университет? — спросил я.

— Конечно.

— А что вы думаете насчет „утечки мозгов“?

Покупки профессорских мест?

— Это не противозаконно. Они поддерживают науку, что само по себе благородно.

Я нахмурился:

— Значит, по-вашему, все в порядке?

— Нет. Далеко не все в порядке. Отдавая японцам контроль за нашими учебными заведениями, мы отдаляем им все. Обычно тот, кто финансирует, тот и контролирует. Если Япония вкладывает деньги в наше образование — а наше правительство и бизнесмены этого не делают, — то оно неминуемо перейдет под контроль японцев. Они уже полностью владеют десятью американскими колледжами. Они купили их, чтобы обучать свою молодежь и теперь беспрепятственно могут посыпать юных японцев в Америку.

— Но они и так могут делать это. В американских университетах много японцев.

— Да, но японцы, как всегда, смотрят в будущее и понимают, что ситуация может измениться к худшему. Как бы тонко они ни вели свою игру, — а сейчас они в стадии накопления

капитала и играют очень осторожно, — никакая страна не захочет, чтобы ею командовали, чтобы ее оккупировали, неважно, военным путем или экономическим. И японцы понимают, что в один прекрасный день Америка очнется.

Я смотрел на детей, слышал их смех. Я подумал о дочери. Подумал о свидании с бывшей женой в четыре часа.

— Зачем мы сидим здесь?

— На то есть причины.

Мы продолжали сидеть. Учительница уводила детей с катка. „Коньки снимите здесь, пожалуйста. Это и к тебе относится, Александр! Александр!“

— Знаете, — сказал Коннор, — если вы захотите купить японскую компанию, вы не сумеете. Служащие компании сочтут позором служить у иностранца и никогда не позволят этого.

— Я думал, что можно. Думал, японцы смягчили свои законы.

Коннор улыбнулся.

— Формально, да. Но на практике у вас ничего не выйдет. Потому что прежде, чем купить компанию, нужно договориться с банком, добиться его согласия. Таково необходимое правило. А банк не согласится.

— Я думал, „Дженерал Моторс“ владеет „Исуцу“.

— Она владеет ее третьей частью, а вовсе не контрольным пакетом акций. И это, кстати, исключение. А в целом за последние десять лет иностранные инвестиции в Японии снизились вдвое. Одна фирма за другой обнаруживают, что японский рынок неподатлив. Они устают от инсинуаций, от ссор, от гговоров, от плутов-

ства, от интриг, от опеки государства. И в конце концов пасуют. Просто... сдаются. Так сдались многие страны — Германия, Италия, Франция. Все устают от попыток делать бизнес в Японии, ибо, что бы ни говорили, Япония остается закрытой. Несколько лет назад Т.Бун Пикенз купил двадцать пять процентов акций японской фирмы, но не смог попасть в совет директоров. Япония закрыта, говорю я вам.

— Так что же нам делать?

— То же, что делают европейцы, — отвeтить ударом на удар. Око за око, зуб за зуб. У всех в мире те же проблемы с Японией. Дело только в том, чей метод лучше. Европейцы действуют довольно прямо, и пока что у них получается неплохо.

На катке девочки-подростки начали разминку.

Учительница повела своих питомцев мимо нас. Проходя, она спросила:

— Кто из вас лейтенант Смит?

— Я, мэм.

— У вас есть револьвер? — спросил малыш.

— Одна женщина просила меня передать: то, что вы ищете, — в мужской раздевалке, — сказала учительница.

— Какая женщина?

— По-моему, она азиатка.

— Спасибо, — сказал Коннор.

— Я хочу посмотреть револьвер! — не отставал малыш.

— Замолчи, дурак. Ты что, не видишь? Они на секретном задании, — сказал его товарищ.

— А я хочу посмотреть револьвер!

Мы с Коннором пошли прочь. Дети потянулись за нами, все еще прося показать револьвер. Мужчина с газетой с любопытством смотрел, как мы уходим.

— Плохие из нас конспираторы, — сказал Коннор.

Мужская раздевалка была пуста. В поисках кассет я просмотрел зеленые металлические шкафы один за другим. Коннор и не подумал мне помочь. Я услышал, как он позвал меня:

— Идите сюда. — Он стоял у душевой. — Нашли кассеты?

— Нет.

Он открыл дверь.

Мы спустились по бетонным ступеням. На площадке было две двери. Одна вела в гараж, другая — в темный коридор с деревянными балками.

— Сюда, — сказал Коннор.

Мы пошли по коридору пригнувшись и скоро снова оказались под катком. Миновав работающие механизмы, мы подошли к нескольким дверям.

— Куда мы идем? — спросил я.

Одна из дверей была приотворена. Он ее распахнул. Там было темно, но я понял, что это лаборатория. В углу слабо светился монитор.

Мы пошли к нему.

ГЛАВА 40

Тереза Асакума сидела за столом. Она откинулась назад, подняла очки на лоб и протерла свои красивые глаза:

— Пока мы не слишком шумим, все в порядке. У главного входа они поставили сторожа. Не знаю, там ли он до сих пор.

— Сторож?

— Да. Они опечатали лабораторию, причем так, словно это был притон для наркоманов. Все наши были просто потрясены.

— А вы?

— Я давно знала, чего можно ожидать от японцев.

Коннор взглянул на монитор перед нею. Там застыло изображение обнявшейся пары, идущей в конференц-зал. То же самое, но снятое под иным углом, было на других экранах.

— Что вам удалось выяснить?

Тереза указала на главный экран.

— Я пока не уверена... Чтобы не сомневаться, надо прогнать все последовательно в трехмерном изображении, установить размеры комнаты, определить все источники света и отбраже-

сываемые тени. Я этого не сделала и, вероятно, не смогу с таким оборудованием. Тут нужно работать на мини-компьютере всю ночь. Может быть, на той неделе у меня будет такая возможность на факультете астрофизики, а может, и нет, судя по обстановке. Но сейчас я чувствую...

— Что?

— С тенями что-то неладное.

Коннор кивнул в темноте, словно о чем-то догадался.

— И что же с ними? — спросил я.

Она указала на экран.

— Когда эта пара идет, тени падают как-то не так. Или не на то место, или форма не та. Часто это еле заметно, но, по-моему, это так.

— И это означает...

Она пожала плечами.

— Я бы сказала, лейтенант, что пленки подчищены.

Наступило молчание.

— Каким образом?

— Не знаю, что именно они подчистили, но, очевидно, в комнате был еще кто-то, во всяком случае, некоторое время.

— Вы хотите сказать, кто-то третий?

— Да. Кто-то за ними наблюдал. И этого третьего вырезали.

— Вы это серьезно? — спросил я.

У меня закружилась голова. Я посмотрел на Коннора. Он вглядывался в экраны и, казалось, совершенно не удивился.

— Вы что, знали об этом?

— Подозревал нечто в этом роде.

— Но с какой стати?

— С самого начала мне казалось, что с этими пленками что-то нечисто.

— Почему?

Коннор улыбнулся.

— Детали, кохай. Мелочи, на которые мы не обращаем внимания. — Он посмотрел на Терезу, словно колебался — говорить ли при ней все до конца.

— Нет, я хочу знать. Когда вы впервые поняли, что пленки подчищены?

— В комнате охраны „Накамото“.

— Почему?

— Из-за недостающей кассеты.

— А она здесь причем? — спросил я. Об этой кассете Коннор упоминал и раньше.

— Вспомните, охранник сказал тогда, что сменил кассеты, как только заступил на пост, около девяти часов.

— Да...

— На всех видеомагнитофонах установлены таймеры, показывающие, сколько времени прошло с начала записи. В нашем случае — примерно два часа. Каждый аппарат начинал запись на десять-пятнадцать секунд позже предыдущего — из-за замены кассет.

— Верно... — Я припомнил все это.

— Я заметил, что на одном аппарате запись шла только полчаса, и спросил охранника, не было ли поломки.

— И охранник, кажется, сказал, что была.

— Да, именно так он и сказал. Я дал ему уйти с крючка. Он, конечно, прекрасно знал, что поломки не было.

— Не было?

— Нет. Это одна из немногих ошибок, сделанных японцами. Но они не могли ее не сделать, у них не было выбора. Они не смогли обмануть собственную технику.

Я прислонился к стене, беспомощно глядя на Терезу. Она казалась прекрасной в тусклом свете мониторов.

— Извините, но я ничего не понимаю.

— Это потому, что вы не замечаете очевидного, кохай. Подумайте. Если несколько аппаратов включаются с интервалом в несколько секунд, а один выпадает из этой последовательности — как мы это можем объяснить?

— Это значит, что кассету в этот магнитофон поставили в другое время.

— Да. Именно так и было.

— Значит, одну кассету поставили позже?

— Да.

Я нахмурился.

— Но почему? Все кассеты заменили в девять часов. И ни одна из них все равно не зафиксировала убийства.

— Верно.

— Зачем тогда они включили один магнитофон позже?

— Хороший вопрос. Это настоящая загадка. Я долго не мог ее разгадать, но теперь все понял. Нужно вспомнить показания таймеров. Все кассеты были заменены в девять, но одну заменили еще раз в четверть одиннадцатого. Очевидно, от девяти до четверти одиннадцатого произошло нечто важное, что было снято на пленку. Потому-то кассету и изъяли. Я спросил себя: что же могло произойти?

Я вспоминал, хмурился, но ничего не смог придумать.

Тереза вдруг стала улыбаться и кивать, словно что-то ее забавляло.

— Вы знаете?

— Догадываюсь, — сказала она улыбаясь.

— Ну, — сказал я, — рад, что все, кроме меня, знают ответ. Я не могу припомнить ничего важного. К девяти часам установили оцепление, тело девушки было в другом конце комнаты. Японцы стояли у лифтов, а Грэхем в это время звонил мне. Никто не начинал осмотр, пока я, примерно к десяти, не приехал. Потом у нас было много хлопот с Исигурой. Вряд ли кто-нибудь смог зайти за ленту до половины одиннадцатого, ну до четверти. Поэтому камера могла снять только пустую комнату и девушку на столе. Вот и все.

— Очень хорошо. Только вы кое-что забыли, — сказал Коннор.

— Кто-нибудь входил в комнату? Хоть кто-нибудь? — спросила Тереза.

— Нет. Мы же все оцепили. Никому не разрешалось заходить за линию. Так что...

И тут я вспомнил.

— Постойте! Был кто-то! Этот коротышка с камерой! Оншел за линию и снимал.

— Правильно, — сказал Коннор.

— Какой коротышка? — спросила Тереза.

— Японец. Он делал снимки. Мы спросили Исигуру, кто это, и он сказал, что его зовут... э...

— Господин Танака, — подсказал Коннор.

— Верно, Танака. И вы потребовали у Исигуру...

гуры пленку из его аппарата. — Я нахмурился. — Но мы ее не получили.

— Да, — сказал Коннор. — Честно говоря, я и не рассчитывал.

— Этот человек фотографировал? — спросила Тереза.

— Вряд ли фотографировал, — сказал Коннор. — У него в руках был маленький „Кэнон“.

— Портативная видеокамера?

— Точно. Его пленка могла пригодиться при ретушировании?

— Да. Они вполне могли применить метод наложения записи.

Коннор кивнул.

— Значит, он все же снимал. Но я думаю, что съемка для него была лишь предлогом, чтобы попасть за линию.

— Ясно, — сказала Тереза, кивая.

— Почему вы так решили? — спросил я.

— А вы вспомните, — сказал Коннор.

Я глядел на Исигуру, когда Грэхем крикнул: „О Господи, что это?“ Я оглянулся и увидел в десяти метрах за желтой лентой японца. Он стоял спиной ко мне и снимал место убийства. Камера была очень маленькой, она помещалась в его ладони.

— Вы помните, как он шел? — сказал Коннор. — Совсем не так, как обычно ходят люди. — Я пытался вспомнить, но не мог.

Грэхем подошел к ленте, говоря: „Слушайте, здесь нельзя находиться. Здесь место преступления, черт побери! Нельзя снимать!“ И начался крик. Грэхем орал на Танаку, но тот не обращал внимания, продолжал снимать, пятясь к нам спи-

ной. Несмотря на крик, Танака не поступил как любой нормальный человек — не повернулся, чтобы уйти. Он пятился спиной к желтой ленте, потом подлез под нее и ушел.

— Он ни разу не повернулся, — сказал я. — Все время шел спиной.

— Правильно. Вот первая загадка: почему он пятился? Теперь, по-моему, мы ее разгадали.

— В чем же разгадка?

— Он в обратном порядке повторил шаги убийцы и девушки перед камерой, а та зафиксировала падающую от него тень, — сказала Тереза.

— Верно, — сказал Коннор.

Я вспомнил, что в ответ на мои протесты Исигура сказал: „Это наш служащий. Он работает в охране „Накамото“. А я ответил: „Это возмутительно. Он не имеет права снимать“. Исигура объяснил: „Это для служебного пользования“. Тем временем коротышка исчез в толпе, проскользнув к лифту.

„Это для служебного пользования“.

— Черт побери! Значит, Танака, оставив нас, пошел вниз и вынул одну кассету, ту, на которой было записано его собственное шествие и тень, которую он отбрасывал?

— Именно.

— И использовал эту запись при подчистке других кассет?

— Совершенно верно.

Я наконец начал понимать.

— Но теперь, когда мы знаем, как именно были отретушированы кассеты, мы все равно не можем представить их в суд, верно?

— Верно, — сказала Тереза. — Любой хороший адвокат отведет эту улику.

— Значит, остается одно — найти свидетеля, который подтвердит, что пленка подчищена. Сакамура мог знать об этом, но он мертв. Мы проиграли, если только не поймаем Танаку. По-моему, лучше всего арестовать его сейчас же.

— Сомневаюсь, что это удастся, — сказал Коннор.

— Почему? Вы думаете, они его спрячут?

— Нет. По-моему, в этом нет нужды. Скорее всего, господин Танака уже мертв.

ГЛАВА 41

Коннор немедленно повернулся к Терезе.

— Вы хорошо знаете свое дело?

— Да.

— Действительно хорошо?

— Думаю, да.

— У нас мало времени. Поработайте с Питером, посмотрите, что нам может дать эта запись. *Гамбатте* — очень постараитесь. Поверьте мне — ваши усилия вознаградятся. А мне нужно заехать кое-куда.

— Вы уходите? — спросил я.

— Да. Мне нужна машина.

Я дал ему ключи.

— Куда вы едете?

— Я обязан отчитываться перед вами?

— Я просто спросил.

— Не тревожьтесь. Мне нужно повидаться кое с кем.

Он повернулся и пошел к выходу.

— Но почему вы считаете, что Танака мертв?

— Ну, может быть, и нет. Обсудим это, когда у нас будет больше времени. Нам нужно мно-

гое успеть сделать до четырех. Это наш крайний срок. Думаю, вас ожидают сюрпризы, кохай. Так говорит моя чоккан — интуиция. Если что-то случится, позвоните. Ладно? Ну, желаю успеха в работе с этой милой дамой. Урая масии на!

И он ушел. Мы слышали, как хлопнула дверь.

— Что он сказал? — спросил я Терезу.

— Сказал, что завидует вам. — Она улыбнулась в полуслучае. — Давайте начнем.

Она быстро нажимала кнопки и скоро нашла начало эпизода.

— Как вы предполагаете обнаружить подделку? — спросил я.

— Есть три способа. Первый — отследить необычные световые контрасты. Второй — проверить очертания теней. Мы можем поработать с этим, но я тружусь уже два часа и далеко не ушла.

— А третий способ?

— Зафиксировать отражения. Этого я еще не пробовала.

Я непонимающе покачал головой.

— Отраженные элементы — это те детали эпизода, которые отражаются от каких-либо поверхностей. Скажем, когда Сакамура выходит из комнаты, его лицо отражается в зеркале. Но наверняка есть и другие отражения. Настольная лампа может быть хромированной и, отражать идущих мимо, хотя и с искажением. В конференц-зале стеклянные стены. Может быть, нам удастся выявить отражение на стекле. Серебряное пресс-папье тоже может дать отражение, и стеклянная ваза с цветами, и пластиковый кон-

тейнер, в общем, все, что имеет полированную поверхность.

Я смотрел на нее, а она вновь ставила кассеты, готовясь к очередному просмотру. Разговаривая, одной рукой быстро манипулировала с несколькими аппаратами. Странно, но такая красивая женщина, казалось, совсем не осознавала своей красоты.

— Большинство предметов способно отражать. На улице это бамперы автомобилей, мокрая мостовая, оконные стекла. В комнате — рамы картин, зеркала, серебряные подсвечники, хромированные ножки стола... Всегда найдется что-то...

— Но разве отражения тоже нельзя подретуширивать?

— Можно, но на это требуется много времени. Теперь есть компьютерные программы, способные преобразовать любое изображение. Даже искаженному отражению можно придать любую форму. Но, повторяю, на это нужно время. Будем надеяться, что у них его не было.

Она пустила пленку. Первая часть была темной — Черил Остин впервые появилась у лифта. Я посмотрел на Терезу.

— Что вы испытываете от этого?

— От чего?

— От того, что помогаете нам. Полиции.

— Хотите сказать: „Будучи японкой“? — Она улыбнулась какой-то странной, кривой улыбкой. — Я не питаю иллюзий насчет японцев. Вы когда-нибудь слышали о Сако?

— Нет.

— Это город — в сущности городишко — на севере Японии в провинции Хоккайдо. Я там

родилась. В Сако есть американский *айноко*? Мой отец был механик — *хокуин*. Вы знаете слово *нигуро*? По-японски — негр. Моя мать работала в баре, куда ходили летчики. Они поженились, но отец погиб в катастрофе, когда мне было два года. Матери дали маленькую пенсию, да и кое-какие сбережения у нас были. Но почти все забрал дедушка, утверждая, что мое рождение опозорило его. Я была *айноко* и *нигуро*. Так меня называли — не очень милые прозвища. Но мама не хотела уезжать из Японии. Я выросла в Сако. В этом... месте...

В ее голосе прозвучала горечь.

— Вы знаете, что такое *буракумин*? Нет? Неудивительно. В Японии, стране, где предполагается, что все равны, о *буракумин* не говорят. Но перед свадьбой семья жениха проверяет всю родословную невесты, чтобы убедиться, что в ее роду не было *буракумин*. Семья невесты делает так же. И если есть хоть какие-нибудь сомнения, свадьбе не бывать. *Буракумин* — неприкасаемые Японии. Парии, низшие из низших. Потомки кожевенников и дубильщиков, которых буддизм считает нечистыми.

— Понимаю.

— А я была еще ниже *буракумин*, так как была калекой. В Японии это позор. Не несчастье, не бремя, а позор. Это как клеймо. Уродство позорит тебя, твою семью и всех окружающих. Люди вокруг желают твоей смерти. А если ты еще и наполовину негритянка, *айноко* с большим американским носом... — Она покачала головой. — Дети вообще жестоки. А я жила в провинции, почти в деревне.

Она смотрела на экран.

— И я рада, что оказалась здесь. Вы, американцы, не понимаете, в какой благословенной стране живете, какой свободой наслаждаетесь. Не представляете, как тяжела жизнь в Японии, если ты изгой. Но я это знаю очень хорошо. И не возражаю, если японцы немного пострадают от моей единственной руки.

Она строго посмотрела на меня. Ее лицо стало похоже на маску.

— Я ответила на ваш вопрос, лейтенант?

— Да.

— Когда я приехала в Америку, я подумала, что американцы очень ошибаются насчет японцев... впрочем, это неважно. Вы возьмете на себя два верхних монитора, я — три нижних. Смотрите внимательно на отражения. Начали!

ГЛАВА 42

Я смотрел в темноте на мониторы.

Тереза была зла на японцев, я тоже. Инцидент с Хорьком здорово разозлил меня. Так иногда бывает, когда человек перепуган. В голове вертелась его фраза:

„Не кажется ли вам, что в данных обстоятельствах суд ошибся, оставив дочь на ваше попечение?“

Я никогда к этому не стремился. При всей суматохе развода — Лорен сутилась, упаковывала вещи, это твое, это мое, — при всем этом я меньше всего хотел остаться с семимесячным ребенком. Шелли только что начала ходить по комнате, держась за мебель. Она умела говорить только слово „мама“. Ее первое слово. Но Лорен не желала брать на себя ответственность и твердила: „Я не могу, Питер. Просто не могу“. И девочка осталась со мной. Что я мог сделать?

Прошло почти два года. Жизнь моя изменилась, я перешел на другую работу. Теперь это была моя дочь. И мысль отдать ее была словно нож в сердце.

„...в данных обстоятельствах не кажется ли вам, лейтенант...“

Я видел на мониторе, как Черил Остин ждет в темноте любовника, оглядывает комнату.

„...что суд ошибся...“

Нет, думал я, суд не ошибся. Лорен не могла воспитать дочь и никогда не сможет. Она пропускала половину встреч с ней, была слишком занята, чтобы увидеть свою дочь. Однажды после уик-энда она вернула мне Мишель всю в слезах. Лорен сказала: „Я просто не знаю, что с ней делать“. Я поверил. Ее пеленки были мокрые, по всему телу — сыпь. У Мишель всегда высыпало, если пеленки не меняли вовремя, а Лорен меняла их редко. Она даже не могла вымыть ребенка как следует.

„Вы не думаете, что суд ошибся?“

Нет, не думаю.

„В данных обстоятельствах не думаете ли вы...“

— К черту, — сказал я.

Тереза, нажав кнопку, остановила пленку. На всех мониторах изображение замерло.

— Что? Что вы заметили?

— Ничего.

Она посмотрела на меня.

— Извините, я задумался о другом, — сказал я.

— Зря.

Она снова запустила пленку.

На нескольких мониторах мужчина обнимал Черил Остин. Изображения с различных камер странно дополняли друг друга. Мы могли наблюдать происходившее со всех сторон — спе-

реди, сзади, сбоку, сверху, — словно объемный чертеж.

И видеть это — мурашки по коже!

Мои два монитора показывали вид с дальнего конца комнаты и сверху. На одном экране Черил с любовником были маленькими, на другом я видел лишь их макушки.

Тереза рядом со мной размеренно дышала: вдох — выдох. Я взглянул на нее.

— Не отвлекайтесь.

Я посмотрел на экран.

Любовники страстно обнимались. Он прижал Черил к столу. Она лежала навзничь и, глядя на вид сверху, я видел ее лицо. Портрет в рамке, стоявший на столе, упал рядом с ней.

— Есть, — сказал я.

Тереза остановила ленту.

— Что?

— Вот. — Я указал на портрет. Он лежал лицевой стороной вверх. В стекле была видна голова мужчины, склонившегося над Черил, но было очень темно, отражался только силуэт.

— Вы можете получить изображение?

— Не знаю. Попробуем.

Ее рука прошлась по кнопкам, легко нажимая на них.

— Я перевела эти кадры в компьютер. Посмотрим, что он сможет сделать.

Отражение запрыгало, постепенно увеличиваясь на экране. Оно скользнуло по стеклу рядом с неподвижным лицом Черил, запрокинутым в порыве страсти, двинулось вниз, к рамке портрета. Оно все росло, стало зернистым, потом рассыпалось на точки, напоминая фотографию в газете, близко поднесенную к лицу. За-

тем точки увеличились, приобрели края, стали серыми квадратиками. Вскоре я уже не мог сказать, что мы видим.

— Получается?

— Сомневаюсь. Но вот край рамки и вот лицо. — Я был рад, что она хоть что-то видит. Я не видел ничего.

— Давайте усилим резкость изображения.

Она нажала кнопку, изображение стало резче. Теперь я смог увидеть рамку и контур головы.

— Усильте еще.

Она так и сделала.

— Так хорошо. Теперь можно отрегулировать шкалу яркости...

Лицо стало приобретать очертания.

Меня пробила дрожь.

При таком увеличении зернистость была огромной, зрачки глаз превратились в черные пятна, и мы не могли понять, кто это. Глаза мужчины были расширены от страсти, рот перекошен от возбуждения или ненависти. Но кто это был, сказать невозможно.

Невозможно.

— Это лицо японца?

Она покачала головой.

— Деталей недостаточно.

— Вы не сможете их выявить?

— Я еще поработаю с этим, но, наверное, ничего не выйдет. Отражение слабое. Пойдем дальше.

Изображение снова быстро задвигалось. Черил внезапно оттолкнула мужчину, упервшись в его грудь ладонью. Отражение его исчезло.

Мы снова начали смотреть на экраны.

Объятия разомкнулись, она все отталкивала его. На ее лице был написан гнев. Теперь, после того как я увидел отражение его лица, я гадал, не испугалась ли она его вида. Но точно сказать было невозможно.

Любовники стояли в пустой комнате, решая, куда идти. Она оглядывалась. Он кивнул. Она указала на конференц-зал. Он, видимо, согласился.

Они поцеловались, снова обнялись. В их любовных играх чувствовалось что-то привычное.

Тереза это тоже заметила.

— Она хорошо знает его.

— Да. Я тоже так думаю.

Продолжая целоваться, пара неуклюже двинулась к конференц-залу. Теперь от моих мониторов проку было мало. Дальняя камера давала общий вид комнаты, пара двигалась мимо нее боком, справа налево. Но фигурки были крошечные, почти неразличимые. Они шли меж столов, направляясь к конференц-залу.

— Стойте! — сказал я. — Что это?

Тереза отмотала пленку назад, кадр за кадром.

— Видите? Что это?

Когда пара шла через комнату, камера миновала большой свиток с иероглифами, висевший на стене возле лифта. Свиток был под стеклом. На миг в стекле появился свет. Это я и заметил.

Тереза нахмурилась.

— Это не их отражение.

— Нет.

Она начала резко увеличивать кадр. Изображение быстро дробилось. Отсвет тоже увеличился, разбрзгивая пополам. В одном углу образо-

валось световое пятнышко. И еще мы увидели вертикальную линию света, бегущую во всю длину кадра.

— Давайте по кадрам, — сказала Тереза.

Она начала рассматривать пленку по кадрам, переходя от одного к другому. В одном кадре вертикальной линии не было. В следующем была, и в следующих десяти тоже, потом исчезла. Но пятнышко внизу было все время.

— Интересно...

Она принялась за пятнышко, усилила увеличение, и пятнышко распалось, стало походить на скопление звезд на астрономической карте. Эти звезды располагались в определенном порядке. Я почти угадал форму Х и сказал об этом Терезе.

— Похоже, — сказала Тереза. — Давайте усилим резкость.

Мы усилили, звездочки соединились, и теперь изображение стало напоминать римские цифры.

III

— Что за черт? — сказал я.

Она продолжала работать.

— Сейчас выступят края, — сказала она. Очертания цифр стали ярче.

IXI

Тереза продолжала усиливать резкость изображения. Иногда оно становилось яснее, иногда туманнее. Но, наконец, мы прочли:

IX³{ *

— Это отображение таблички „выход“*, — сказала она. — В конце комнаты есть выход напротив лифтов, верно?

*EXIT — выход (англ.)

— Да.

— Табличка отразилась в стекле, вот и все. — Она перешла к следующему кадру. — Но эта внезапная полоска света... интересно. Видите? Она появляется и исчезает. — Она несколько раз прокрутила пленку назад и вперед.

И тут я понял.

— Там запасной выход на лестницу, ведущую вниз. Это отражение света идет оттуда — кто-то открыл дверь и снова закрыл.

— Вы хотите сказать, кто-то вошел туда с лестницы?

— Да.

— Интересно. Попробуем узнать кто.

Она погнала пленку вперед. Раздробленное изображение мелькало, как фейерверк. Казалось, что у каждого мельчайшего компонента изображения своя жизнь, они танцуют вне связи с предметом, который должны составлять. Смотреть это было утомительно. Я протер глаза.

— О, Господи!

— Это ничего. Вот.

Я посмотрел. Тереза остановила пленку. Я видел только рассеянные черные и белые пятна. Видимо, они составляли что-то, но что именно — не поймешь. Напоминали сонограммы Лорен, когда она была беременна. Доктор говорил: „Вот голова, вот живот ребенка“. Но я ничего не видел. Это было похоже на абстрактную картину — моя дочь во чреве.

Доктор говорил: „Видите? Она шевелит пальчиками. Видите? Сердце бьется“.

И я увидел, как маленькое сердце бьется в маленькой грудной клетке.

„В данных обстоятельствах, лейтенант, вам не кажется...“

— Видите? — сказала Тереза. — Вот его плечо. Вот контур головы. Теперь он идет вперед — видите, он становится больше, он уже стоит в проходе, заглядывая за угол. Он осторожен. Вот его нос в профиль — он оглядывается. Видите? Я знаю, разглядеть трудно, но смотрите внимательней. Вот он глядит на них. Наблюдает.

И я увидел. Пятна, казалось, соединились. Я увидел силуэт, стоящий в проходе у запасного выхода.

Он наблюдал за ними.

В другом конце комнаты любовники слились в поцелуй. Они не замечали вошедшего.

Но кто-то наблюдал за ними. Я содрогнулся.

— Вы узнаете, кто это?

Она покачала головой.

— Это невозможно. Мы сделали все, что могли, но я не в состоянии выделить глаза, рот... ничего.

— Тогда пойдем дальше.

Пленка помчалась полным ходом. Меня потрясло внезапное возвращение к нормальным размерам и темпу. Я видел, как любовники, страстно целуясь, идут в комнату.

— Значит, за ними наблюдают! — сказала Тереза. — Это интересно. Что она за девушка?

— По-моему, у вас это называется *ториграфу онтай*.

— Легка как птица?

— Кажется, это означает „доступная женщина“.

Тереза покачала головой.

— Мужчины всегда так говорят. По-моему, она его любит, но чем-то встревожена.

Любовники были уже на пороге конференц-зала, когда Черил внезапно дернулась, пытаясь вырваться из объятий.

— Если она его любит, то выказывает это довольно странным способом.

— Она чувствует, что-то не так.

— Почему?

— Не знаю. Может быть, что-то услышала, почувствовала присутствие третьего... Не знаю.

Черил боролась с любовником, который обхватил ее обеими руками и почти уволок в конференц-зал. Она еще раз постаралась вырваться, когда он пытался втащить ее в дверь.

— Здесь можно кое-что разглядеть, — сказала Тереза и остановила пленку.

Все стены конференц-зала были из стекла. Сквозь наружную стену виднелись огни города, но внутренние стены, выходящие в атриум, были темны. Сейчас они представляли собой черные зеркала. Черил и ее любовник во время борьбы отражались в них.

Тереза просматривала кадр за кадром, выбирай, где можно было бы остановиться. Время от времени она увеличивала отдельные кадры. Смотреть было трудно. Пара двигалась быстро, изображение часто расплывалось. И еще мешал свет небоскребов снаружи.

Мне все это стало надоедать. Кадры сменяли друг друга чертовски медленно. Вот опять остановка. Увеличение. Попытка выделить от-

дельные фрагменты изображения. Неудача. Следующий кадр. Остановка...

Наконец Тереза перевела дух.

— Ничего не выйдет. Отражения почти не видно.

— Продолжайте.

Я увидел, как Черил схватилась за косяк, пытаясь удержаться на пороге, но мужчина оторвал ее. Она отпрянула с выражением ужаса на лице и размахнулась, чтобы ударить его. Ее сумочка отлетела. Потом оба оказались в зале, их силуэты быстро двигались. Он прижал ее к столу, и лицо Черил появилось в кадре. Короткие белокурые волосы резко выделялись на темном дереве стола. Ее настроение снова изменилось, она перестала бороться. Вид у нее теперь был ожидающий, возбужденный. Она облизнула губы. Глаза ее следили за мужчиной, наклонившимся над нею. Он задрал ей юбку.

Она улыбалась, что-то шептала ему на ухо.

Он сдернул с нее трусики.

Она все улыбалась ему. Улыбка была напряженная, наполовину зовущая, наполовину умоляющая.

Ее распалил собственный страх.

Его руки ласкали ее шею.

ГЛАВА 43

Мы стояли в темной лаборатории, над нашими головами скрипел лед под коньками, и мы смотрели сцену убийства снова и снова. Она шла по пяти мониторам в различных ракурсах. Белые ноги Черил поднялись, легли на плечи мужчины, он склонился над ней, возясь со своими брюками. При повторе я заметил то, чего прежде не видел. Как она скользнула к краю стола, расставив ноги, чтобы принять его. Как он выгнул спину, когда вошел в нее. Ее улыбка изменилась, стала какой-то расчетливой. Казалось, она подбадривала его, лаская его спину и что-то шепча. Внезапно у нее снова изменилось настроение, в глазах мелькнул гнев, она дала ему пощечину. Я видел, как она боролась с ним, сперва чтобы разжечь, потом всерьез. Как расширились ее глаза и наполнились страхом. Как она отталкивала его. Рукава его пиджака вздернулись, замерцал металл запонок. Блеснули ее часы. Ее руки упали, ладони раскрылись. Пять белых пальцев на темном столе. Потом пальцы задергались и замерли.

Он не сразу понял, что случилось. На миг застыл, потом приподнял ее голову, легонько потряс, пытаясь расшевелить Черил, затем отошел прочь. Даже со спины можно было почувствовать его ужас. Он двигался медленно, как во сне. Подобно лунатику, он мелкими шажками ходил по комнате то туда, то сюда. Видимо, он пытался собраться с мыслями, решить, что делать.

Каждый раз при повторении я воспринимал эту сцену по-другому. Первые несколько раз чувствовал напряжение, почти сексуальное возбуждение. Постепенно стал смотреть спокойнее, более аналитически, словно постепенно отдался от монитора. И наконец вся сцена, казалось, развалилась на глазах, я уже видел не людей, а абстрактные фигуры, движущиеся в полумраке.

Мы смотрели это снова и снова, но я уже не понимал, что мы видим. Наконец я сказал:

— Давайте дальше, Тереза.

Мы прогоняли этот эпизод, снова перематывали пленку, чтобы его повторить. Но как только пошли дальше, случилось нечто примечательное. Мужчина перестал ходить и пристально посмотрел в глубь зала, словно увидел или услышал что-то.

— Третий? — спросил я.

— Возможно. — Она указала на мониторы. — Это как раз то место, где я отметила несовпадение теней. Теперь мы знаем, почему.

— Что-то подретушировано?

Она пустила пленку назад. На боковом мониторе мы увидели, что мужчина смотрел в на-

правлении выхода. Он явно кого-то увидел, но не казался испуганным.

Тереза увеличила кадр. На экране был виден только силуэт мужчины.

— Вы ничего не видите?

— Только его профиль.

— Что вы о нем скажете?

— Я смотрю на его челюсть. Она движется.

Он что-то говорит.

— Этому третьему?

— Или сам с собою. Но он, безусловно, смотрит в направлении выхода. А теперь видите? Он ведет себя совсем по-другому.

Мужчина уверенно двинулся через конференц-зал. Я вспомнил, как непонятна мне была эта часть, когда я смотрел ее в полиции. Но с пятью камерами все стало ясно. Мы видели, что он делает. Он поднял с пола трусики. Затем склонился над мертвой и снял с нее часы.

— Ну и ну! — сказал я. — Часы взял.

„Наверное, — подумал я, — на часах была надпись“.

Он положил часы и трусики в карман и повернулся, но изображение замерло. Тереза остановила кадр.

— В чем дело?

Она указала на один из мониторов. Там был вид сбоку, с центральной камеры. Она снимала конференц-зал из атриума. Я увидел тело девушки на столе и мужчину.

— Ну и что?

— Смотрите, — повторила она. — Они забыли это подправить.

В углу экрана я увидел нечто призрачное.

Угол зрения и свет позволяли разглядеть, что это. Это был мужчина.

— Третий.

Он прошел вперед и теперь стоял посреди атриума, глядя на убийцу в конференц-зале. Его фигура полностью отражалась в зеркале, но расплывчато.

— Вы можете улучшить изображение?

— Попробую.

Пошло увеличение, изображение раздробилось. Тереза усилила резкость, но изображение продолжало оставаться туманным. Она снова увеличила его. Мы были близки к успеху. Мы уже почти могли определить черты лица.

Почти, но не вполне.

— Посмотрим следующие кадры, — сказала Тереза.

Один за другим кадры сменялись на экране. Лицо человека становилось резче, расплывалось, вновь обретало очертания.

И наконец мы увидели его ясно.

— Вот черт! — сказал я.

— Вы знаете его?

— Да. Это Эдди Сакамура.

ГЛАВА 44

Теперь дело пошло быстро. Мы уже не сомневались, что пленка подчищена и личность убийцы изменена. Мы видели, как он вышел из комнаты, оглянувшись с сожалением на девушку.

— Как они могли за несколько часов изменить лицо убийцы?

— У них есть великолепное оборудование, позволяющее монтировать даже детали кадра. Оно считается самым лучшим в мире. Японцы добились больших успехов в этом отношении, обогнали всех.

— Значит, все дело в оборудовании?

— Даже оно не дает стопроцентной гарантии успеха. А рисковать японцы не любят. Поэтому я подозреваю, что здесь все было не так уж и трудно. Большую часть времени убийца целовал девушку, находясь в тени. Лица не было видно. Мне кажется, мысль заменить лицо им пришла в голову позже, когда они увидели, что подретуширивать нужно только несколько кадров, те, где он проходит мимо зеркала.

В зеркале я ясно видел лицо Эдди Сакамуры. Он оперся рукой о стену, шрам был отчетливо виден.

— Видите, — сказала она, — подправить нужно было только это, на остальной пленке все в порядке. Это был золотой шанс, и они за него ухватились. Так я думаю.

На мониторах Эдди Сакамура прошел мимо зеркала в тень. Тереза пустила пленку назад.

— Посмотрим...

Она остановилась на отражении в зеркале и укрупнила лицо, оно распалось на квадраты.

— А! — сказала она. — Вы видите пиксели? Элементы изображения. Кто-то здесь ретушировал. Вот, на скуле тень. При обычной съемке граница между двумя шкалами полутонов должна быть размыта. А здесь четкая. Это явно подделано. Дайте посмотреть...

Изображение сдвинулось вбок.

— Да. Здесь тоже.

Квадраты укрупнились. Я уже не понимал, куда она смотрит.

— Что именно?

— Его правая рука, где шрам. Видите, шрам добавлен. Это можно понять по пикселям.

Я не видел, но поверил ей на слово.

— Кто же тогда убийца?

Она покачала головой.

— Трудно решить. Мы искали отражение и не нашли его. Есть последнее средство, которое я еще не пробовала. Нужно найти деталь тени.

— Деталь тени?

— Да. Мы попробуем усилить изображение в темных местах кадра, в тенях и силуэтах. Могу

жет оказаться место, где света достаточно, чтобы опознать лицо. Попробуем.

Голос звучал без энтузиазма.

— Вы думаете, не выйдет?

Она пожала плечами.

— Думаю, нет. Но попытаться можно. Больше ничего не осталось.

— Ладно. Давайте.

Лента пошла вперед. Эдди Сакамура быстро пошел к выходу. Его лицо мелькнуло в зеркале, когда он его проходил. Чем чаще я видел этот момент, тем сомнительнее он мне казался. Словно здесь прибавили маленькую паузу, чтобы помочь нам удостовериться в личности убийцы.

Потом убийца пошел в темный коридор, ведущий к лестнице, которая была где-то за углом, недоступная взору. Дальняя стена была светлой, и силуэт обрисовывался четко. Но детали не были видны. Сплошная чернота.

— Нет, — сказала она. — Я помню эту часть. Тут ничего. Слишком темно. Курон бо.

— Вы, кажется, говорили, что можете сделать что-то с деталями кадра?

— Могу, но не здесь. Как бы то ни было, я уверена, что эту часть ретушировали. Они знали, что мы проверим отражения, знали, что изучим каждый кадр. Они тщательно поработали с этой частью. А затем зачернили тень этого типа.

— Ладно, но даже так...

— Эй! — сказала она внезапно. — Что это?

Кадр замер.

Я увидел силуэт убийцы, шедшего к белой стене на заднем плане, и надпись „Выход“ над его головой.

— Вроде силуэт.

— Да, но что-то не так.

Она медленно повела пленку назад.

Глядя на экран, я сказал:

— *Мачигай но уми о сете кудасай*.

Эту фразу из учебника я выучил, когда начинал заниматься.

Она улыбалась в темноте.

— Придется вам помочь с японским, лейтенант. Вы спрашиваете, нет ли здесь ошибки?

— Да.

— Надо говорить „уму“, а не „уми“ — окейан. „Уму“ выражает сомнение. Да, я думаю, что здесь ошибка.

Пленка продолжала идти назад, силуэт убийцы возвращался, направляясь к нам. Она в удивлении втянула воздух сквозь зубы.

— Действительно, ошибка. Не могу поверить. Видите теперь?

— Нет.

Она пустила пленку вперед. Я смотрел, как силуэт удаляется.

— Теперь видите?

— Нет.

— Будьте внимательны. Взглядните на его плечо, как оно поднимается и опускается с каждым шагом. Ритмично — и вдруг... Вот! Видите?

Я увидел наконец,

— Силуэт как будто стал больше.

— Да. Именно больше.— Она подправила резкость.— Намного больше, лейтенант. Они пытались сделать переход незаметным, менее подозрительным, но не очень старались. Это же ясно.

— И что это означает?

— Означает, что они презирают нас.— Она разозлилась.

Я не понял почему и спросил ее об этом.

— Да, именно презирают. — Тереза быстро меняла угол изображения. — Они надеялись на нашу небрежность, что мы это прохлопаем. Поэтому допустили явную ошибку.

— Но...

— О, я их ненавижу.— Изображение двигалось, менялось. Тереза сейчас сосредоточилась на контуре головы. — Вы знаете Такесита Нобору?

— Это промышленник?

— Нет. Такесита был премьером. Несколько лет назад он сострил насчет американских военных моряков: „Америка теперь так обеднела, что американские моряки не могут позволить себе сойти на берег в Японии и развлекаться. Здесь им все не по карману. Они могут лишь оставаться на борту и награждать друг друга СПИДом“. Эта шутка имела большой успех в Японии.

— Он так сказал?

Она кивнула.

— Будь я американкой, я бы после таких слов увела бы корабли и оставила японцев самих защищать себя. Вы не знали об этих словах?

— Нет...

— Американская пресса...— Она покачала головой.— Они это проглотили.

Разъяренная Тереза двигалась быстро. Пальцы скользили по кнопкам, изображение прыгнуло назад, потеряло резкость.

— Дерьмо!

— Полегче, Тереза!

— Еще чего! Сейчас мы посчитаемся!

Она локализовала голову силуэта, потом прошла по кадрам. Изображение заметно увеличилось.

— Видите, здесь склейка. Здесь снова оригинальный материал. И от нас сейчас уходит подлинный убийца.

Силуэт двинулся к дальней стене. Она просматривала кадр за кадром. Контур стал менять очертания.

— Вот! Я надеялась на это.

— На что?

— Он бросает последний взгляд в комнату. Видите? Голова поворачивается. Вот нос, а теперь он исчез, потому что голова повернулась вся. Теперь он смотрит на нас.

Силуэт был совершенно черен.

— Много в этом толку...

— Смотрите же!

Она еще раз увеличила резкость.

— Деталь здесь, но мы ее еще не видим. Теперь я усиливаю... сейчас получу деталь тени... Вот!

И темный силуэт осветился, стена сзади него сверкнула белым, образуя ореол вокруг головы. Темное лицо стало светлым, и мы увидели его четко и ясно.

— Это белый! — сказала Тереза разочарованно.

— Боже мой! — воскликнул я.

— Вы знаете, кто это?

— Да.

Лицо на экране было искажено от напряжения, губа закусена. Но сомневаться было невозможно.

Я увидел лицо сенатора Джона Мортонса.

ГЛАВА 45

Я откинулся назад, уставился на застывшее изображение. Я слышал, как гудят аппараты, как где-то во мраке лаборатории капает вода, как дышит рядом со мной Тереза, задыхаясь, словно бегун, закончивший дистанцию.

Я сидел и глядел на экран. Все стало на места, будто перед моими глазами головоломка собралась сама собой.

Джулия Янг: „У нее есть дружок, который вечно в разъездах. Она летает к нему в Нью-Йорк, Вашингтон, Сиэтл... Она влюблена в него по уши“.

Дженни (в студии): „У Мортона молодая любовница, от которой он без ума. Ревнует ее. Какая-то молоденькая девушка“.

Эдди: „Она любит причинять хлопоты, эта девушка. Любит устраивать суматоху“.

Дженни: „Я вижу эту девушку на приемах с некоторыми вашингтонцами уже полгода“.

Эдди: „Она была больная. Любила боль“.

Дженни: „Мортон — глава Финансового Комитета Сената. Того, который заслушивает вопрос о продаже „Микрокона“.

Коль, охранник, (в баре): „Все наши политики у них в кармане. Мы с ними не справимся“.

Коннор: „Кто-то хочет закончить расследование. Хочет, чтобы мы отступились“.

И Мортон: „Значит, ваше расследование формально закончено?“

— Дьявол! — сказал я.

— Кто это был? — спросила Тереза.

— Сенатор.

— О! — Она взглянула на экран. — А какое он имеет отношение к японцам?

— У него сильные позиции в Вашингтоне. И он имеет отношение к продаже одной фирмы. Может быть, есть и другие причины.

Она кивнула.

— Вы можете отпечатать этот кадр?

— Нет. У нас нет приспособлений для копирования. Лаборатории это не по средствам.

— Что же мы можем сделать? Мне нужно хоть что-то взять с собой.

— Я сфотографирую „Поляроидом“. Не блеск, но сгодится.

Она стала искать фотоаппарат, спотыкаясь в темноте. Наконец вернулась, придвинулась к экрану и сделала несколько снимков.

Мы ждали в голубом свете мониторов, пока они проявятся.

— Спасибо, — сказал я. — Спасибо за все.

— Пожалуйста. Сочувствую вам.

— Почему?

— Я знаю, вы ожидали, что это будет японец.

Я понял, что она сама этого ожидала, но промолчал. Снимки получились хорошие, изо-

бражение четкое. Когда я сунул их в карман, то нашупал там что-то твердое и вынул это.

— У вас японский паспорт? — спросила она.

— Нет. Это не мой, а Эдди. — Я сунул его обратно. — Я пойду. Надо найти капитана Коннора.

— Хорошо. — Она повернулась к мониторам.

— Что вы думаете делать?

— Останусь и еще поработаю.

Через заднюю дверь по темному коридору я вышел наружу.

Щурясь от яркого света, я подошел к автомату и позвонил Коннору. Он был в машине.

— Где вы? — спросил я.

— Еду в гостиницу.

— В какую?

— „Четыре времена года“. В ней остановился сенатор Мортон.

— Что вы там делаете? Вы знаете, что...

— Кохай, вы помните, что линия открыта? Вызовите такси, и встретимся на бульваре Вествуд, 1430 через двадцать минут.

— Но как...

— Хватит вопросов! — И он повесил трубку.

Я смотрел на дом № 1430 на бульваре Вествуд. Простой коричневый фасад, дверь с номером. С одной стороны французская книжная лавка. С другой — часовая мастерская. Я поднялся и постучал. Под табличкой я заметил японские иероглифы.

Никто не ответил, я открыл дверь и оказался в изящном крошечном баре. Там было только четыре столика. Коннор сидел в одиночестве. Он помахал мне.

— Познакомьтесь с Имаэ-сан. В Лос-Анджелесе он лучше всех готовит суши. Имаэ-сан, Сумису-сан.

Имаэ кивнул, улыбнулся и поставил что-то на столик передо мной.

— Коре о дозо, Сумису-сан.

Я сел.

— Домо, Имаэ-сан.

— Хай.

Я посмотрел на суши — вроде розовой икры, политой сырьим желтком. Выглядит, по-моему, отвратительно.

Я повернулся к Коннору.

— Коре о табетакого афукай? — спросил он.

Я покачал головой.

— Извините. Я не поспеваю за вами.

— Теперь вам придется учить японский ради вашей новой подружки.

— Какой подружки?

— Я думал, вы поблагодарите меня. Я предложил вам столько времени побывать наедине с ней.

— Вы имеете в виду Терезу?

Он улыбнулся.

— Вы могли найти куда хуже, кохай. И, наверное, находили в прошлом. Но я спросил вас, знаете ли вы, что это? — Он указал на суши.

— Нет, не знаю.

— Перепелиные яйца и семужья икра. С большим содержанием протеина. Повышает тонус. Вам это пригодится.

— Вы полагаете?

— Это придаст вам силу для вашей девушки, — заметил Имаэ и засмеялся. Потом сказал что-то быстро по-японски Коннору, тот ответил, и оба расхохотались.

— Что здесь смешного? — сказал я. Мне хотелось переменить тему, и я попробовал сузи. Если не обращать внимания на слизь, было очень вкусно.

— Вкусно? — спросил Имаэ.

— Очень, — сказал я, съел второе сузи и повернулся к Коннору. — Знаете, что мы нашли на пленках? Нечто невероятное!

Коннор поднял руку.

— Пожалуйста! Научитесь у японцев отдыхать. Все в свое время. *Оайсо онегай симасу.*

— Хай, Коннор-сан.

Имаэ протянул счет, Коннор отсчитал деньги, поклонился, и они быстро заговорили по-японски.

— Мы уходим?

— Да. Я уже поел, а вы, друг мой, не можете опаздывать.

— Куда?

— К своей бывшей жене. Забыли? Сейчас мы поедем к вам и встретимся с ней.

Я снова был за рулем. Коннор глядел в окно.

— Откуда вы узнали, что это Мортон?

— Я не знал, — сказал Коннор. — По крайней мере, до сегодняшнего утра. Но вчера вечером стало ясно, что пленка подчищена.

Я подумал о всех мытарствах, которые выпали на нашу с Терезой долю.

— Вы хотите сказать, что только взглянули на пленку и все поняли?

— Да.

— Как?

— Там была одна вопиющая ошибка. Помните, когда вы встретили Эдди на приеме, у него на руке был шрам.

— Да. По виду давний ожог.

— На какой руке?

— На какой? — Я нахмурился, стал вспоминать: Эдди в кактусовом садике курит сигареты, бросает их. Поворачивается, движения нервные. Держит сигарету. Ожог был на...

— На левой руке, — сказал я.

— Правильно.

— Но на пленке тоже показан ожог. Он ясно виден, когда Эдди проходит мимо зеркала. Рука его трогает на миг стену...

Я запнулся.

На пленке стену трогала правая рука.

— Господи! — сказал я.

— Да. Они ошиблись. Вероятно, спутали, что отражение, а что нет. Но может быть, они очень спешили и просто забыли, на какой руке у него шрам. Бывают такие ошибки.

— Значит, вчера вы увидели шрам не на той руке...

— Да, и сразу понял, что пленку подчистили. Я хотел поработать с кассетами утром, и послал у вас узнать, где именно мы сможем поработать, а сам поехал домой спать.

— Но вы позволили нам арестовать Эдди. Почему? Вы должны были знать, что он не убийца.

— Иногда не надо мешать естественному ходу вещей. Ясно, что кто-то хочет, чтобы мы считали убийцей Эдди. Пусть так и будет.

— Но погиб невинный человек.

— Я бы не назвал Эдди невинным. Он влип в это дело по уши.

— А сенатор Мортон? Как вы узнали, что это Мортон?

— Я не знал, пока он не пригласил нас сегодня. Он сам себя выдал.

— Как?

— Он был вкрадчив. Пришлось разгадывать его слова. Среди всей трепотни он трижды спросил, закончено ли наше расследование, и выяснял, не связано ли убийство с продажей „Микрокона“. Как подумаешь, вопрос весьма странный.

— Почему? Возможно, вопрос был продиктован чисто деловыми соображениями.

— Нет. — Коннор покачал головой. — Если отбросить всю словесную чепуху, то сенатора интересовало следующее: закончено ли расследование? Связано ли оно с „Микроконом“? А все потому, что сейчас он собирается изменить свою позицию в отношении продажи фирмы.

— Но...

— Но он не объяснил самого важного. Почему он меняет позицию?

— Он сказал нам почему. У него нет поддержки, всем все безразлично.

Коннор протянул мне лист бумаги. Я взглянул: это была страничка из газеты.

— Я за рулем. Лучше скажите, в чем там дело.

— Это интервью сенатора Мортона газете „Вашингтон Пост“. Он подтверждает свою позицию. Продажа „Микрокона“ подрывает интересы национальной безопасности и конкурентоспособность американцев. Она играет на руку японцам. Вот его позиция утром в четверг. Вечером в четверг он присутствует на приеме в Калифорнии. В пятницу утром его взгляд изменился. С продажей он теперь согласен. Почему, скажите?

— Что же нам делать? — спросил я.

Вот неприятная особенность жизни политического. Большую часть времени ты чувствуешь себя прекрасно, но иногда понимаешь, что ты просто „фараон“, находишься на самой низкой ступеньке и колеблешься, если нужно взяться за кого-то, обладающего властью. Как только дело запахнет жареным, начинаешь бояться за свою шкуру.

— Что нам делать? — повторил я.

— Не все сразу, — сказал Коннор. — Это ваш дом?

Вдоль улицы выстроились телевизионные фургончики. Было несколько „седанов“ с надписью на стекле: „Пресса“. У двери в мой дом и на улице стояли репортеры. Среди них я увидел Хорька, прислонившегося к автомобилю. Своей бывшей жены я не заметил.

— Не останавливайтесь, кохай. До конца квартала и поворот направо.

— Почему?

— Я позволил себе позвонить в прокуратуру и договорился, что вы встретитесь с женой в здешнем парке.

— Да?

— Я подумал, что так будет лучше для всех.

Я повернулся за угол. Хэмптон-парк прилегал к начальной школе. В этот час дети играли в бейсбол. Я медленно ехал, искал, где припарковаться. Миновал «седан» с двумя людьми. Пассажир курил сигарету, а за рулем сидела женщина. Это была Лорен.

Я остановился.

— Я подожду здесь, — сказал Коннор. — Желаю удачи.

ГЛАВА 46

Она всегда любила неяркие тона. Сегодня на ней был бежевый костюм и кремовая блузка. Белокурые волосы зачесаны назад, никаких украшений. Выглядеть одновременно деловой и сексуальной — ее особый талант.

Мы молча шли по дорожке с краю парка, глядя на детей. Ее спутник сидел в машине. Издали мы видели репортеров, столпившихся у моего дома.

Лорен посмотрела на них и сказала:

— Господи, Питер, я поверить не могу. Ты совсем не подумал о моей ответственной работе.

— Кто им сказал?

— Не я.

— Кто-то сказал, что ты приедешь в четыре часа.

— Это не я.

— Столько косметики на тебе случайно?

— Я была утром в суде.

— Прекрасно.

— Ты сволочь, Питер.

— Я сказал „прекрасно“ и ничего больше..

— Гнусный легавый.

Она повернулась, и мы пошли назад. Подальше от репортеров.

Она вздохнула.

— Слушай. Давай попробуем говорить мирно.

— Давай.

— Я не знаю, как тебе удалось попасть в эту кашу, Питер. Извини, но тебе придется отказаться от опекунства. Я не могу допустить, чтобы моя дочь росла в сомнительном окружении. Я должна думать о своей карьере. О своей репутации.

Лорен всегда заботилась о внешнем.

— Что ты имеешь в виду под „сомнительным окружением“?

— Как что? Приставание к детям — серьезное обвинение, Питер.

— Не было этого.

— Ни для кого не секрет, что тебя обвиняли в этом.

— Ты все знаешь. Ты была моей женой.

Она упрямо сказала:

— Надо проверить Мишель.

— Пожалуйста. Врачи ничего не обнаружат.

— Это, в сущности, меня не интересует.

Дело зашло слишком далеко, Питер. Я собираюсь взять опеку на себя, чтобы быть спокойной.

— О, ради Бога.

— Именно так, Питер.

— Ты не знаешь, что такое воспитывать ребенка. Это отнимет у тебя слишком много времени в ущерб твоей карьере.

— У меня нет выбора, Питер. Ты не оставил его мне. — Голос ее звучал так, словно она ис-

страдалась. Образ мученицы всегда был одним из ее излюбленных средств добиться своего.

— Лорен, ты знаешь, что обвинения были ложными. Ты начала все потому, что Вильгельм позвонил тебе.

— Он звонил не мне. Он звонил помощнику прокурора. Он звонил моему боссу.

— Лорен!

— Извини, Питер, но ты сам во всем виноват. Я серьезно говорю.

— Лорен, это очень опасно.

Она зло засмеялась.

— Это ты мне говоришь? Не знаю я, что ли, как это опасно, Питер? Я могу погибнуть.

— О чём ты?

— О чём, по-твоему, сукин ты сын? Я говорю о Лас-Вегасе.

Я молчал. Я совсем не понимал хода её мыслей.

— Послушай, — сказала она. — Сколько раз ты был в Лас-Вегасе?

— Всего один раз.

— И в тот единственный раз ты много выиграл?

— Лорен, ты все об этом знаешь.

— Да, знаю. А сколько времени прошло между поездкой в Лас-Вегас и обвинением в приставании к детям? Неделя? Две?

Вот в чём дело. Её тревожило, что кто-то может сопоставить эти два факта, найти между ними связь. И она окажется замешанной в некрасивой истории.

— Тебе следовало в прошлом году поехать туда еще раз.

— Я был занят.

— Если ты помнишь, Питер, я говорила тебе: надо ездить туда каждый год, чтобы первая поездка не бросалась в глаза.

— Я был занят. Воспитывал ребенка.

— Так. — Она покачала головой. — А теперь мы влипли.

— В чем дело? Они никогда не додумаются...

Тут она взорвалась по-настоящему.

— Не додумаются? Они уже додумались. Они уже знают, Питер. Я уверена, они уже говорили с Мартинесами, или Эрнандесами, или как их там...

— Но они не могут...

— Ради Бога! Как, по-твоему, получают место связного? Как получил его ты, Питер?

Я нахмурился, стал вспоминать. С тех пор прошло больше года.

— Было объявление о вакансии. Вывесили список кандидатов...

— Да. А потом что?

Я заколебался. В сущности, я не знал. Я просто заявил, что претендую на место, и забыл обо всем. Я тогда был очень занят. Работа с прессой — адская работа.

— Я тебе скажу, что произошло, — сказала Лорен. — Шеф Специальной службы управления принимает решение о кандидате, проконсультировавшись с азиатской общиной.

— Ну, вероятно, это так, но я не вижу...

— А ты знаешь, сколько времени община изучает список кандидатов? Три месяца, Питер. Хватает времени узнать о каждом все, от размера воротничка до финансового положения. И,

поверь мне, они знают и об обвинении и о поездке в Лас-Вегас. И могут все сопоставить.

Я хотел возразить, но вспомнил слова Рона: „У них отлично поставлена информация“.

— И ты хочешь убедить меня, что не знаешь, как это делается? Что не обращал внимания на то, что творится вокруг тебя? Брось, Питер! Ты понимал, что значит быть связным! Ты хотел денег. Как все, кто сотрудничает с японцами. Ты знаешь, как все устраиваются. Каждый получает свою долю: ты, твой шеф, все управление. Японцы никого не обижают. А взамен они получают именно того связного, которого выбрали. Они знают, что могут надавить на тебя. А теперь и на меня тоже. И все оттого, что ты в прошлом году, черт побери, не поехал в Лас-Вегас, не сделал поездки регулярными, как я тебе советовала.

— Значит, ты считаешь, что должна забрать у меня Мишель?

Она вздохнула.

— Сейчас это зависит не только от нас с тобой.

Она посмотрела на часы, затем на репортеров. Я видел, что ей не терпится покончить со мной, встретить прессу и произнести заготовленную речь. Лорен обожала драматические эффекты.

— Ты уверена, что ведешь себя правильно? Через несколько часов дело может принять не приятный оборот. Может быть, тебе захочется быть в стороне?

— Нет.

— Не уверен. — Я вынул из кармана снимок и показал ей.

— Что это?

— Кадр с кассеты охраны „Накамото“. Снято вчера вечером, во время убийства Черил Остин.

Она нахмурилась, глядя на снимок.

— Ты шутишь?

— Нет.

— Ты хочешь доложить о нем?

— Придется.

— Ты хочешь арестовать сенатора Мортон?

Ты с ума сошел!

— Возможно.

— Тебя засадят, Питер.

— Возможно.

— Запрячут так далеко и глубоко, что ты света белого не увидишь.

— Возможно.

— Ты не можешь этого сделать. Сам понимаешь, что не можешь! В конце концов, это повредит Мишель.

Я промолчал. Она мне начала надоедать. Мы шли, шпильки ее туфель постукивали по дорожке.

Наконец она сказала:

— Питер, если ты настаиваешь на этом безумии, я ничего не могу сделать. Как друг я советую тебе отказаться. Но если ты будешь упорствовать, я ни в чем не смогу помочь тебе.

Я не отвечал, разглядывал ее. В бесцюдачном свете солнца я видел первые морщинки на ее лице. Темные корни волос, пятнышки помады на зубах. Она сняла черные очки и встревоженно взглянула на меня, потом повернулась, посмотрела на репортеров. Похлопала очками по ладони.

— Если это случится, Питер, мне, кажется, лучше уехать и предоставить событиям идти своим чередом.

— Правильно.

— Ты понимаешь, Питер, мне по-прежнему не безразлично...

— Понимаю.

— Но, по-моему, не следует мешать вопрос о Мишель с другими делами.

— Конечно.

Она надела очки.

— Мне тебя жаль, Питер. По-настоящему жаль. Когда-то у тебя были хорошие перспективы по службе. Поговаривали о твоем скором выдвижении. Но если ты сделаешь это — ничто тебя не спасет.

Я улыбнулся.

— Пусть так.

— У тебя есть что-нибудь, кроме фото?

— Не знаю, стоит ли говорить тебе об этом.

— С одной фотографией у тебя ничего не выйдет, Питер. Прокурор и не дотронется до нее. Фотоулики уже не принимаются, их слишком легко подделать. Суд знает это. Если у тебя есть только фото преступника — ты проиграл.

— Посмотрим.

— Питер, ты хочешь потерять все. Работу, карьеру, ребенка, все. Очнись! Не делай этого.

Она пошла к машине. Я шел с ней, мы молчали. Я ждал, что она спросит о Мишель, но она не спрашивала. Неудивительно. Ей было о чем думать, кроме Мишель. Мы подошли к машине, и она обошла ее, чтобы сесть за руль.

— Лорен...

Она посмотрела на меня.

— Давай в ближайшие сутки держать это при себе. Пока никто не должен знать об этом.

— Не волнуйся. Я ничего не слышала. В сущности, я хотела бы никогда ничего не слышать о тебе!

Она села в машину и уехала. Глядя вслед, я чувствовал, как мое тело расслабляется, напряжение спадает. Дело не только в том, что удалось намеченное — я хотя бы на время отговорил ее забрать Мишель.

Но было и нечто большее — между нами все было кончено.

ГЛАВА 47

Мы с Коннором вошли в мой дом с черного хода, избежав репортеров. Я рассказал ему, что случилось. Он пожал плечами.

— Вас это поразило? Вы не знали, как подбирают связных?

— Я, наверное, не обращал внимания.
Он кивнул.

— Так это и делается. Японцы умеют обеспечивать то, что они называют „побудительным мотивом“. Вначале в управлении не были уверены, надо ли разрешать посторонним высказывать свое мнение о том, кого избрать. Но японцы хотели, чтобы с ними просто консультировались. Они подчеркнули, что их рекомендации не обязательны, но им следовало бы принять какое-то участие в подборе связных.

— Ясно.

— И чтобы показать свои добрые намерения, они предлагают взнос в фонд помощи нашим служащим.

— Сколько?

— Полмиллиона, наверное. И приглашают шефа в Токио на консультации по системе уго-

ловной статистики. На три недели, плюс одна неделя отдыха на Гавайях. Все по первому классу. И много реклами, что шеф любит.

Мы дошли до площадки второго этажа, поднялись на третий.

— Так что, — сказал Коннор, — когда все это сделано, управлению довольно трудно игнорировать рекомендации азиатской общины. Слишком многим мы им обязаны.

— Мне хочется уйти, — сказал я.

— Это всегда можно сделать. Кстати, вам удалось осадить жену?

— Бывшую жену. Она все сообразила быстро, у Лорен — хороший нюх в политике. Но мне пришлось сказать ей, кто убийца.

Он пожал плечами.

— В ближайшие два часа она много не сделает.

— Но что насчет снимков? Она говорит, что суд их не примет. И Сэндерс сказал то же: эпоха фотоулик кончилась. У нас есть другие улики?

— Я над этим работаю, — сказал Коннор. — Думаю, что все будет в порядке.

— Каким образом?

Коннор пожал плечами.

Мы подошли к черному ходу квартиры. Я отпер дверь, мы вошли в кухню. Она была пуста. Я прошел по коридору в прихожую. В квартире было тихо. Дверь в гостиную была закрыта, но ясно чувствовался запах табака.

Элейн, няня Мишель, стояла в прихожей, глядя на репортеров на улице. Она повернулась, услышав нас. Вид у нее был испуганный.

— С Мишель все в порядке? — спросил я.

— Да.

— Где она?

— Играет в гостиной.

— Я хочу ее видеть.

— Лейтенант, сперва я должна вам сказать...

— Не беспокойтесь, — сказал Коннор. — Мы уже знаем.

Он распахнул дверь в гостиную. И тут я испытал величайшее потрясение в моей жизни.

ГЛАВА 48

Джон Мортон сидел в телестудии на стуле гримера. За воротом у него была заткнута бумажная салфетка, и девушка пудрила ему лоб. Стоя сбоку, его референт Вудсон говорил:

— Вот тезисы вашей речи.

Он протянул Мортону факс.

— Основная мысль, — сказал Вудсон, — то, что иностранные инвестиции усиливают Америку. Мы крепнем от вливания иностранного капитала. Америка должна многому научиться у Японии.

— А мы не учимся, — угрюмо сказал Мортон.

— Ну, об этом можно поспорить. Это жизнеспособное утверждение, и, как видите, Марджи сформулировала его так, что получается не столько перемена, сколько уточнение ваших прежних взглядов. Это легко проходит, Джон. Я не думаю, что возникнут какие-нибудь сложности.

— А поднимут ли этот вопрос вообще?

— Думаю, да. Я сказал репортерам, что вы готовы говорить о своей новой позиции по отно-

шению к „Микрокону“. Теперь вы одобряете сделку.

— Кто задаст вопрос?

— Вероятно, Фрэнк Пирс из „Таймс“.

Мортон кивнул.

— Ладно.

— Да, еще об ориентации на бизнес. Получится прекрасно. Можно говорить о свободном рынке, справедливой торговле, отсутствии в этой сделке проблем, связанных с национальной безопасностью и далее в том же духе.

Гримерша завершила свою работу, и Мортон встал.

— Сенатор, извините за беспокойство, можно автограф?

— Конечно.

— Это для моего сына.

— Конечно.

— Джон, — сказал Вудсон, — у нас готов вчерне рекламный ролик, если хотите, можете посмотреть. Возможно, у вас будут замечания. Я все подготовил в соседней комнате.

— Сколько у меня времени?

— До эфира девять минут.

— Прекрасно.

Сенатор направился к двери и увидел нас.

— Добрый вечер, джентльмены, я могу быть вам полезен?

— Только несколько слов, — сказал Коннор.

— Я должен посмотреть ролик, — сказал Мортон. — После поговорим. Но у меня будет всего пара минут.

— Ну и хорошо, — сказал Коннор.

Мы прошли за Мортоном в другую комнату, находившуюся напротив студии на нижнем этаже. За столиком с табличкой „Новости“ три репортера перед микрофонами листали свои заметки. Мортон сел перед телевизором, Вудсон вставил кассету.

Мы увидели ролик, который снимали во время нашей прошлой встречи с сенатором. Внизу экрана бежал счет времени, и сенатор Мортон с решительным видом шел через площадку для гольфа.

Основная его мысль заключалась в том, что Америка потеряла конкурентоспособность и надо ее возродить.

— Пришло время всем объединиться, — говорил Мортон с экрана. — Всем — от политиков в Вашингтоне до лидеров промышленности и профсоюзов, от учителей и детей до всех нас. Мы должны оплатить наши счета и сократить государственный долг. Мы должны увеличить национальные сбережения, улучшить дороги и образование. Нужна государственная программа сохранения энергоресурсов — для защиты окружающей среды, для наших потомков, для нашего будущего.

Камера приблизилась к лицу сенатора.

— Кое-кто говорит, что мы вступаем в новую эру развития мирового хозяйства. Дескать, уже не важно, где расположена фирма или где производится товар. Идеи национальной экономики для этих людей, видите ли, несовременны. Этим людям я скажу: Япония так не думает, Германия так не думает. Эти преуспевающие страны проводят сегодня сильную национальную политику сбережения ресурсов, контроля

над импортом, поощрения экспорта. Заботятся о своей промышленности, защищая ее от зарубежных конкурентов. Бизнесмены и правительство действуют вместе, оберегая своих граждан и их право на труд. Они живут лучше, чем в Америке. В отличие от нас, политика этих стран отражает реальность. Поэтому она действует, а наша — нет. Мир не идеален, и пока он таков, нужно смотреть правде в глаза. Нужно строить экономику на принципах здорового национализма. Нужно позаботиться об американцах. Никто другой о нас не позаботится.

Хочу ясно сказать: причина наших бед — не индустриальные гиганты Япония и Германия. Эти страны всего лишь осознали новые реальности — и нам нужно их осознать, тогда мы достигнем беспримерного процветания. Но если мы будем по-прежнему пережевывать старые истины об открытом рынке, неминуема катастрофа. Выбор за нами. Присоединяйтесь ко мне, и мы создадим лучшее будущее для американцев.

Экран потух. Мортон откинулся на стуле.

— Когда это пойдет?

— Начнется через два месяца. Сначала в Чикаго, а в июле запустим по национальному телевидению.

— К тому времени „Микрокон“ уже давно будет...

— О да.

— Хорошо. У меня нет замечаний.

Вудсон взял кассету и ушел. Мортон повернулся к нам.

— Ну? О чём вы хотели поговорить со мной?

Коннор подождал, пока дверь закрылась, потом сказал:

— Сенатор, расскажите нам о Черил Остин.

Наступила пауза. Мортон посмотрел на нас, лицо его ничего не выражало.

— Черил Остин?

— Да.

— Я не уверен, что знаю, кто...

— Не надо, сенатор. — Коннор протянул Мортону часы. Дамские золотые часы фирмы „Ролекс“.

— Где вы это взяли? — Голос Мортона стал низким, холодным.

В дверь постучала женщина.

— У вас шесть минут, сенатор.

— Где вы это взяли? — повторил он.

— Вы не знаете? Вы даже не посмотрели на заднюю крышку. Там надпись.

— Где вы это взяли?

— Сенатор, нам бы хотелось, чтобы вы рассказали о ней.

Коннор вынул из кармана прозрачный мешочек и положил на стол перед Мортоном.

Там были черные дамские трусики.

— Мне нечего сказать вам, джентльмены, — сказал Мортон. — Совершенно нечего.

Коннор достал кассету и положил перед сенатором.

— Это кассета с одной из пяти камер, записавших происшествие на сорок шестом этаже. Ее подправляли, но на ней все-таки можно увидеть, кто был с Черил Остин.

— Мне нечего сказать. С кассетой можно сделать все что угодно. Это не доказательство. Обвинения безосновательны.

— Извините, сенатор, — сказал Коннор.

Мортон встал и начал ходить по комнате.

— Я хочу, чтобы вы, джентльмены, поняли серьезность ваших обвинений. Эти кассеты могли быть подменены. Они находились в руках японской корпорации, которая стремилась оказать на меня давление. Что бы ни было на плёнке, никто этому не поверит, уверяю вас. Общественное мнение усмотрит здесь попытку очернить одного из немногих американцев, выступающих против японской угрозы. Насколько я понимаю, вы — просто пешки в руках японцев. Вы не сознаете последствий ваших действий, обвиняете без доказательств. У вас нет свидетелей того, что якобы произошло. В сущности, я сказал бы даже...

— Сенатор, — Коннор говорил мягко, но настойчиво, — прежде чем вы скажете то, о чем, возможно, будете впоследствии сожалеть, гляньте вниз, в студию. Там вы увидите кое-что.

— Что это значит?

— Просто посмотрите, сенатор. Пожалуйста.

Раздраженно фыркнув, Мортон подошел к окну и посмотрел вниз, на студию. Я тоже посмотрел. Увидел репортеров, вертящихся на стульях в ожидании интервью. Увидел приложившего микрофон техника. Увидел рабочего, вытирающего сверкающую табличку „Новости“. А в углу стоял, именно там, где мы велели, Эдди Сакамура, руки в карманы, — и глядел на нас.

ГЛАВА 49

Коннор, конечно, все знал заранее. Когда он открыл дверь в гостиную и увидел мою дочь на полу, играющую с Эдди Сакамурой, то и бровью не повел. Просто сказал:

— Хэлло, Эдди! Мне было интересно, сколько ты будешь добираться сюда.

— Я здесь весь день, — раздраженно сказал Эдди, — а вас, ребята, нет и нет! Нам с Шелли дали по сэндвичу с кокосовым маслом. У вас милая девочка, лейтенант. Хорошенькая.

— Эдди забавный, — сказала Мишель. — Правда, он курит.

— Вижу, — сказал я, чувствуя себя ужасно глупо. Я все еще не понимал, что происходит.

Моя дочь подошла и подняла руки.

— Возьми меня, папа.

Я поднял ее.

— Очень милая девочка, — сказал Эдди. — Мы сделали ветряную мельницу, видите? — Он завертел крылья. — Работает.

— Я думал, вы погибли, — сказал я.

— Я? — Он засмеялся. — Нет. Умер Танака.

И автомобиль мой превратился в кашу. — Он пожал плечами. — Не везет мне с „феррари“.

— Танаке тоже, — сказал Коннор.

— Так это был Танака? — спросил я.

— Папа, можно посмотреть „Золушку“? — вмешалась Мишель.

— Не сейчас. Почему в машине был Танака?

— Он паникер, — сказал Эдди. — Очень нервный. Может быть, чувствовал за собой какую-то вину, а может, испугался. Не знаю точно.

— Ты и Танака взяли кассеты, — сказал Коннор.

— Да, конечно. Исигура сказал Танаке: „Возьми их“, и Танака взял. Но я знал Танаку и пошел с ним. Танака отнес их в какую-то лабораторию.

Коннор кивнул:

— А кто пошел в „Империал Армс“?

— Исигура послал людей очистить квартиру. Не знаю кого.

— А ты отправился в ресторан.

— Конечно. Потом на прием у Рода.

— А что же с кассетами, Эдди?

— Я сказал: их взял Танака. Я не знаю, где они. Танака погиб. Он работал на Исигуру. На „Накамото“.

— Понимаю, — сказал Коннор. — Но он ведь взял не все кассеты, верно?

Эдди лукаво улыбнулся.

— Ты тоже взял несколько?

— Только одну. Она случайно застряла у меня в кармане. — Он улыбнулся.

— Папа, можно мне посмотреть мультфильм? — снова попросила Мишель.

— Конечно, — сказал я и поставил ее на пол. — Элейн тебе поможет.

Мишель ушла. Коннор продолжал говорить с Эдди. Постепенно выяснилось, что Танака ушел с кассетами, но потом, видимо, понял, что одной не хватает, и поехал к Эдди домой, чтобы забрать ее. Прервал возню Эдди с девочками и потребовал кассету.

— После разговора с вами я понял, что меня подставляют. Мы здорово поругались.

— И тут пришла полиция во главе с Грэхемом.

Эдди кивнул.

— Танака-сан врезался в бетон. Бедный японец!

— Значит, ты заставил его сказать тебе все?

— О да, капитан. Он рассказал мне все.

— А ты сказал ему, где недостающая кассета.

— Конечно. Она была в моей машине. Я дал ему ключи.

Значит, это Танака врезался в ограду. Это Танака сгорел заживо. Эдди объяснил, что сам он спрятался в кустах за бассейном и ждал, пока все уйдут.

— Холодно там было! — сказал он.

— Вы знали все это? — спросил я Коннора.

— Подозревал. В рапорте о катастрофе было написано, что труп сильно обгорел, даже очки расплывались.

— Ха! Я же не ношу очков.

— Именно, — сказал Коннор. — Все равно, на следующий день я попросил Грэхема проверить. Он не нашел в доме никаких очков. Значит, в машине был не Эдди. Я велел патрульным

посмотреть, чьи машины стоят близ дома Эдди. Там была желтая „тойота“, зарегистрированная на имя Танаки.

— Здорово, — сказал Эдди. — Очень умно.

— Где вы были все время? — спросил я Эдди.

— В доме Жасмин. Там было очень мило.

— Кто это — Жасмин?

— Прозвище рыженькой. Симпатичная девушка.

— Но почему вы пришли сюда?

— Пришлось, — сказал Коннор. — У вас же его паспорт.

— Верно, — отозвался Эдди. — А у меня была ваша карточка. Вы мне сами ее дали. Там указан домашний адрес и телефон... Лейтенант, мне нужен паспорт. Мне надо уезжать. И я пришел сюда и ждал. А тут неприятность — репортеры, камеры.... И я сидел тихо, играл с Шелли. — Он заерзal, нервно повернулся. — Что скажете, лейтенант? Как насчет паспорта? *Нетсугуку*. Никакого вреда для вас. Я все равно умер.

— Еще нет, — сказал Коннор.

— Брось, Джон.

— Эдди, сперва сделаешь одно дело.

— Что за дело? Капитан, мне нужно ехать.

— Только одно дело, Эдди.

Мортон глубоко вздохнул и отвернулся от окна. Я восхищался его самообладанием. Он казался совершенно спокойным.

— Похоже, положение мое не из лучших.

— Да, сенатор, — сказал Коннор.

Он вздохнул.

— Вы знаете, это произошло случайно. Я говорю правду.

Коннор сочувственно кивнул.

— Я не знаю, что меня в ней привлекало, — сказал Мортон. — Она, конечно, была красива, но... не в этом дело. Встретил я ее совсем недавно, четыре-пять месяцев тому назад. Она показалась мне милой. Славная техасская девушка. Но все получилось гораздо серьезнее. Она как-то умела залезть в душу. Я просто сошел с ума, я не мог не думать о ней. Не мог... Она звонила мне, узнавала как-то, где я. И вскоре я не мог ее отвадить. Не мог. У нее, казалось, всегда был билет на самолет в любой конец. Она была сумасшедшая, словно она... не знаю. Она была моим демоном. Все изменялось с ее приходом, наступало какое-то безумие. Я должен был перестать видеться с ней. Я постепенно стал чувствовать, что ей платят за ее встречи со мной. Платит тот, кто знает все о ней и обо мне. Нужно было прекратить это. Боб говорил мне... черт возьми, все в офисе говорили! Но я не мог решиться. Наконец я с ней порвал. Кончено! Но когда я пришел на этот прием, она была там. — Он покачал головой. — Вот так все и случилось. Какой ужас!

В дверь заглянула девушка.

— Сенатор, осталось две минуты. Вас просят сойти вниз, если вы готовы.

— Я бы хотел закончить свои дела, — сказал нам Мортон.

— Конечно, — ответил Коннор.

Самообладание его было исключительным. Полчаса сенатор провел с тремя репортерами; в

его поведении не было и следа страха или озабоченности. Он улыбался, шутил, поддразнивал их. Казалось, у него не было никаких проблем.

— Да, верно, что у англичан и голландцев более крупные, чем у Японии, вклады в Америке. Но нельзя игнорировать целенаправленные, враждебные торговые операции, практикуемые Японией, — их бизнесмены и правительство атакуют некоторые сферы нашей экономики. Голландия и Англия так не поступают. Мы не уступаем им основные позиции в нашей промышленности, а Японии отдаем многое. Вот где разница — и повод для тревоги. И мы, разумеется, при желании можем купить голландскую или английскую фирму. Но не японскую.

Интервью продолжалось, но никто не спрашивал о „Микроконе“. Сенатор сам коснулся этого факта:

— Американцев не следует называть расистами или громилами за критику Японии. У каждой страны есть конфликты с другими странами. Это неизбежно. Наши проблемы с Японией нужно обсуждать объективно, без навешивания ярлыков. Я против продажи „Микрокона“, и меня называют расистом, что я категорически отвергаю.

Под конец его спросили о продаже. Мортон заколебался, потом перегнулся через стол.

— Как вы знаете, Джордж, я с самого начала был против. И сейчас я думаю так же. Пора американцам предпринять шаги для сохранения своих национальных богатств, материальных и интеллектуальных. Продавать „Микрокон“ было бы глупо. Я по-прежнему возражаю против этого. Поэтому рад сообщить, что „Акаи Керамикс“

отказалась покупать „Микрокон“. По-моему, это лучшее решение проблемы. Я аплодирую „Акаи“ за такое решение. Продажа не состоится. Я очень доволен.

— Что? Они отказываются? — спросил я.

— Теперь, наверное, да, — сказал Коннор.

Интервью близилось к концу. Мортон развеселился.

— Поскольку меня считают ненавистником Японии, позвольте мне выразить свое восхищение ею. Мне, например, нравится способность японцев проявлять стоицизм в самых серьезных делах.

Вы, вероятно, знаете, что монахам Дзен полагается перед смертью написать стих. Это их традиционная форма искусства, самые знаменные стихи цитируются веками. Можно вообразить чувства монаха, когда он узнавал, что близится смерть, и все ждут от него стихотворения. В течение целых месяцев он думал только об этом. Но любимое мое стихотворение написано монахом, которому надоело об этом думать. Вот оно:

*Рождению срок
И смерти срок.
Стихи — только шум,
Какой в них прок?*

Все репортеры расхохотались.

— Так что не принимайте японский бизнес чересчур серьезно. Этому тоже можно поучиться у японцев.

И интервью закончилось. Мортон пожал репортерам руки и спустился с подиума. В студию вошел Исигура, весь красный. Он втягивал воз-

дух сквозь зубы. Типично японская манера выражать негодование.

— А, Исигура-сан! — весело сказал Мортон. — Вижу, вы слышали последнюю новость. — И он хлопнул его по спине. Довольно сильно.

Исигура был в ярости.

— Сенатор, я крайне разочарован. Вы поступили нечестно.

— Знаешь что? — сказал Мортон. — Пошел ты...

— У нас договоренность, — прошипел Исигура.

— Была! Но вы ее нарушили, верно? — Сенатор подошел к нему. — Вы, вероятно, ждете от меня заявления? Дайте снять эту косметику, и мы пойдем.

— Хорошо, — сказал Коннор.

Мортон направился в гримерную.

— Головы полетят! — прошипел Исигура.

— Первая — ваша, — ответил Коннор. — Соомова накай.

Сенатор поднимался по лестнице на второй этаж. Вудсон подошел к нему и что-то прошептал. Тот похлопал его по плечу и пошел наверх.

Исигура мрачно произнес:

— Конна хазуйя накатта но ни.

Коннор пожал плечами.

— Боюсь, вы не найдете у меня сочувствия. Вы нарушили законы нашей страны, и у вас будут большие неприятности. Эрайкото ни наруйо, Исигура-сан.

— Посмотрим, капитан.

Исигура повернулся и гневно посмотрел на Эдди. Тот махнул рукой. И засмеялся.

— У меня нет проблем, дружок. А вот тебе они еще предстоят.

Грузный парень с сеткой на волосах подошел к нам.

— Кто здесь лейтенант Смит?

Я ответил.

— Вам звонит какая-то мисс Асакума. Можете говорить отсюда, — он указал на телефон.

Я подошел, сел и взял трубку.

— Лейтенант Смит слушает.

— Привет, это Тереза. — Мне нравилось, когда она называла себя по имени. — Слушайте, я еще раз смотрела, самый конец. Кажется, мы ошиблись.

— Да? В чем же?

— Я не сказал ей, что Мортон уже сознался. Сенатор ушел наверх, а Будсон, его помощник, расхаживал у подножья лестницы с убитым лицом взад и вперед.

Тут Коннор крикнул: „Ах, черт!“ — и бросился через студию к лестнице. Я стоял пораженный, уронив трубку. Пробегая мимо Будсона, Коннор бросил ему: „Сукин сын!“ — и, прыгая через две ступеньки, взбежал наверх. Я побежал сразу за ним.

Когда мы достигли второго этажа, Коннор крикнул:

— Сенатор!

И тут же послышался треск. Негромкий — как будто упал стул.

Но я понял, что это выстрел из револьвера.

ВЕЧЕР ВТОРОЙ

ГЛАВА 50

Солнце садилось. Тени скал падали на концентрические круги разглаженного граблями песка. Коннор был где-то в здании, смотрел телевизор. До меня доносились отрывки передачи новостей. Конечно, в храме Дзен есть телевизор. Я начал привыкать к подобным противоречиям.

Но я не хотел смотреть телевизор. Я достаточно видел за последний час, чтобы знать, как они все это разыграют. Сенатор Мортон в последнее время очень нервничал. В семейной жизни были заботы — сына-подростка арестовали за езду в нетрезвом виде (после дорожного происшествия, в котором другой юноша серьезно пострадал). Говорили, что дочь МORTона сделала аборт. Миссис Мортон была для репортеров недоступна, хотя они осаждали ее дом в Арлингтоне.

Сотрудники сенатора согласились, что в последнее время Мортон испытывал сильное нервное напряжение, он разрывался между семьей и предвыборной кампанией. Сенатор был сам не свой. У него был задумчивый и отрешенный вид.

„Видимо, он был обеспокоен чем-то личным“, — сказал один из его референтов.

Вопросов о политической позиции сенатора не задавалось, но один из его коллег, сенатор Даулинг, сказал, что Мортон „стал в последнее время фанатично ненавидеть Японию“ — возможно, на нервной почве. „Джон, видимо, считал, что с Японией нельзя договориться. Но мы все, конечно, понимаем, что должны приспособиться друг к другу — наши народы теперь слишком тесно связаны. К несчастью, никто не знал, в каком он напряжении. Джон был скрытен“.

Я сидел, глядя, как камни в саду становятся золотыми, потом красными. Буддийский монах-американец Билл Хэррис подошел и спросил, не хочу ли я чаю или кока-колы. Я отказался, и он ушел. Оглянувшись на храм, я увидел внутри мерцающий голубой огонек. Коннора не было видно.

Я снова посмотрел на камни в саду.

Первый выстрел не убил Мортона. Когда мы распахнули дверь ванной, он шатался, на шее была кровь. Коннор крикнул: „Не надо!“ — и в тот же момент Мортон сунул дуло в рот и выстрелил снова. Этот выстрел был смертельным. Револьвер выпал у него из рук, заскользил по кафельному полу и оказался у моих ног. Я обернулся и увидел в дверях гримершу. Закрыв руками лицо, она вошила во все горло. Когда пришли врачи, ей дали успокоительное.

Мы с Коннором оставались на месте, пока из управления не прислали Боба Каилана и Тони Марша. Вести следствие поручили им, и мы могли уйти. Я сказал Бобу, что, когда ему

будет нужно, мы дадим показания. Я заметил, что Исигуры уже не было, так же как и Эдди.

Это обеспокоило Коннора.

— Чертов Эдди! Где он?

— К чему он вам? — спросил я.

— Он может влить в неприятную историю.

— Какую?

— Вы не заметили, как он держался с Исигурой? Слишком развязно. Ему надлежит быть напуганным, а он не боится.

Я пожал плечами.

— Вы сами говорили, Эдди — сумасшедший. Кто знает, почему он ведет себя так, а не иначе. — Я устал от дела, устал от бесконечных „японских штучек“ Коннора. Я сказал, что Эдди, наверное, уже на пути в Японию. Или в Мехико, куда, по его словам, хотел уехать.

— Надеюсь, вы правы, — сказал Коннор.

Он повел меня к заднему выходу, сказал, что хочет уйти до прибытия репортеров. Мы сели в машину, и он направил меня к храму Дзен. С тех пор мы там и сидим. Я позвонил Лорен, но ее не было в офисе. Позвонил Терезе в лабораторию, но линия была занята. Позвонил домой. Элейн сказала, что Мишель в порядке и репортеры все ушли. Она спросила, нужно ли ей остаться и накормить Мишель. Я сказал „да“ и предупредил, что могу вернуться поздно.

И потом почти час я смотрел телевизор. Пока мне это окончательно не надоело.

Было почти темно. Песок стал красно-серым. Стало прохладно, тело затекло от долгого сидения. Я услышал звонок. Наверное, из отде-

ла, а может быть, Тереза. Я встал и вошел в здание.

На экране сенатор Стивен Роу выражал со- болезнования обездоленной семье и говорил, как в последнее время перетрудился сенатор Мортон. Он указал, что „Акаи“ не сняла свое предложение. Переговоры о продаже, насколько Роу известно, продолжаются, и теперь серьезных противников сделки не будет.

— Ничего себе, — сказал Коннор.

— Продажа состоится? — спросил я.

— Видимо, ее и не отменяли. — Коннор явно тревожился.

— Вы не одобряете продажи?

— Я беспокоюсь об Эдди. Он вел себя дерзко. Вопрос в том, что теперь сделает Исибура.

— Ну и что он может сделать?

Я устал. Девушка мертвa, Мортон мертв, сделка состоится.

Коннор покачал головой.

— Помните, что поставлено на карту. Ставки огромные. Исибуру не тревожит убийство, даже стратегическая покупка фирмы высокой технологии. Исибуру тревожит репутация „Накамото“ в Америке. Компания занимает сейчас солидное положение и хочет еще большего. Эдди может навредить этой репутации.

— Как?

— Не знаю.

Снова раздался звонок.

Я поднял трубку. Это был Фрэнк Эллис, дежуривший в этот вечер в полицейском управлении.

— Эй, Пит! Вызывают связного Спецслужбы. Сержант Матловский сейчас там, где разби-

лась машина, — просит помочь разобраться с японцами.

— В чем дело? — спросил я.

— Он говорит, что пять японцев хотят осмотреть разбитую машину.

Я нахмурился.

— Какую?

— Этот „феррари“, за которым мы вчера гнались. Машина здорово треснула, да еще сгорела. Тело вырезали еще утром сварочным аппаратом, но японцы настаивают на осмотре машины. Матловский не знает, можно ли подпускать к ней кого-нибудь, не повлияет ли это на ход следствия. И он никак не может понять японцев. Так ты пойдешь?

Я вздохнул.

— Разве сегодня моя очередь? Я дежурил вчера!

— Ты же вроде поменялся с Алленом.

Я смутно припомнил, что поменялся неделю назад с Джимом Алленом, чтобы он смог отвезти мальчика на хоккейный матч, но сейчас это, казалось, было в далеком прошлом.

— Ладно. Я поеду.

Я вернулся сказать Коннору, что ухожу. Он выслушал меня и внезапно вскочил.

— Конечно! Конечно! О чём я думал! Черт! — Он стукнул кулаком по ладони. — Поехали, кохай!

— К той машине?

— К машине? Нет!

— А куда?

— О, черт, какой я идиот! — Он уже бежал к автомобилю.

Я поспешил за ним.

Когда я подъехал к дому Эдди Сакамуры, Коннор выскочил из машины и бросился по ступеням. Я побежал за ним. Небо было почти черным. Коннор бежал, перепрыгивая через две ступеньки.

— Я виноват, — твердил он. — Мне надо было предвидеть, понять, что это значит.

— Что? — Я слегка задыхался, взбежав по лестнице.

Коннор распахнул дверь. Мы вошли. В гостиной ничего не изменилось с тех пор, как я там был с Грэхемом.

Коннор быстро переходил из комнаты в комнату. В спальне лежал раскрытый чемодан, на постели лежали вещи, ожидая упаковки.

— Идиот! — сказал Коннор. — Ему не следовало возвращаться сюда!

Снаружи горели огни бассейна, бросая дрожащий зеленый от свет в комнату. Коннор вышел.

Обнаженный труп лежал ничком в воде, плавая посреди бассейна, — темный силуэт в сверкающем зеленом прямоугольнике. Коннор взял шест и толкнул Эдди к краю. Мы вытащили его на бетонный парапет.

Тело было синее и холодное, уже начинало коченеть. Ран не было видно.

— Насчет этого они осторожны, — сказал Коннор.

— Насчет чего?

— Стараются, чтобы ничего не было заметно. Но я уверен, что мы найдем следы. — Он вынул фонарик и осветил рот Эдди, осмотрел соски и гениталии. — Вот. Видите красные точки? На мошонке и на ляжке.

— Зажим „крокодил“?

— Да. Для пытки током. Черт! Почему он ничего не сказал мне, когда мы ехали от вас на встречу с сенатором? Мне он мог бы сказать всю правду.

— О чём?

Коннор не ответил. Он задумался, потом вздохнул:

— Понимаете, в конце концов выясняется, что мы для японцев просто *гайи*, иностранцы. Даже в отчаянном положении он не обратился к нам за помощью. Хотя он все равно не сказал бы правду, потому что...

Коннор замолчал, посмотрел на тело и снова спустил его в воду. Оно поплыло.

— Бумажной работой пусть займутся другие, — сказал он, вставая. — Нам находить труп не обязательно. — Он смотрел, как Эдди несет к центру бассейна. Голова его слегка покачивалась. На поверхности показались пятки.

— Он мне нравился, — сказал Коннор. — Он помогал мне. Я даже встречался с его родными в Японии. Правда, не с отцом. — Труп медленно покачивался в воде. — Но Эдди был хорошим парнем, и теперь я хочу знать...

Я сбился с толку. Я не понимал, о чём он говорит, но думал, что лучше промолчать. Коннор казался взбешенным.

— Идемте, — сказал он под конец. — Нужно действовать быстро. Шансов у нас очень мало, и мы снова отстаем от событий. Но я хочу достать этого сукина сына, даже если это будет последним делом в моей жизни.

— Какого сукина сына?

— Исигуру.

ГЛАВА 51

Мы опять ехали к моему дому.

— Отдохните сегодня вечером, — сказал Коннор.

— Я пойду с вами, — сказал я.

— Нет. Я сделаю это один, кохай. Лучше, чтобы вы ни о чем не знали.

— О чем? — спросил я.

Он не хотел говорить, но наконец сказал:

— Танака вечером пошел к Эдди из-за кассеты. Вероятно, он знал, что у Эдди есть оригинал.

— Возможно.

— И Танака хотел получить его. Вот почему они поссорились. Когда прибыли вы и Грэхем и поднялся шум, Эдди сказал Танаке, что кассета в автомобиле. Танака пошел туда, увидел полицейского, испугался и решил бежать.

— Пожалуй, так.

— Я всегда считал, что кассета сгорела при пожаре.

— А разве нет?

— Видимо, нет. Иначе Эдди не решился бы так нагло держаться с Исигурой. Кассета оста-

лась у него и была его козырьком. Но он, очевидно, не понимал, как беспощаден Исибура.

— Они пытали его из-за кассеты?

— Да. Но он не сказал ничего.

— Откуда вы знаете?

— Иначе не было бы пяти японцев, желающих среди ночи осмотреть машину.

— Значит, они все еще ищут кассету?

— Да. Или доказательство того, что она сгорела. Они могут даже не знать, в чем важность этой кассеты.

— Что вы собираетесь делать? — спросил я.

— Найти кассету. Это очень важно. Люди умирают из-за нее. Если мы найдем оригинал, то я посажу Исибуру в дерьмо по уши. Где ему и следует быть.

Подъехали к моему дому. Как и сказала Элейн, репортеры ушли. На улице было тихо и темно.

— Я все же хочу поехать с вами, — сказал я. Коннор покачал головой.

— Я в бессрочном отпуске. Вы — нет. Подумайте о своей пенсии. И незачем вам точно знать, что я буду делать сегодня.

— Могу догадаться. Вы хотите проследить вчерашний путь Эдди. Он ушел из дома, остановился у рыженькой, может быть, был еще где-нибудь...

— Слушайте, не будем терять время, кохай. У меня есть кое-какие люди, на которых я могу рассчитывать. И хватит об этом. Если я буду нужен, звоните мне в машину. Но только если я нужен. Потому что я буду очень занят.

— Но...

— Бросьте, кохай. Выходите. Отдохните вчерок дома с ребенком. Вы хорошо поработали, но ваша миссия окончена.

В конце концов я вылез.

— До свидания, — сказал Коннор, иронически поклонился и уехал.

— Папа! Папа! — Она побежала ко мне, протянув руки. — Возьми меня, папа!

Я поднял ее.

— Привет, Шелли.

• — Папа, можно посмотреть „Сияющую красавицу“?

— Не знаю. Ты ужинала?

— Она съела две сосиски и мороженое, — откликнулась Элейн, которая мыла на кухне посуду.

— Господи! — сказал я. — Я думал, мы перестали кормить ее всякой ерундой.

— Другой еды она не хочет, — сказала Элейн. Она была раздражена — целый день возиться с двухлетней!

— Папа, можно посмотреть „Сияющую красавицу“?

— Подожди, Шелли. Я говорю с Элейн.

— Я пыталась дать ей суп, но она и не дотронулась. Хотела сосиски.

— Папа, можно посмотреть диснеевские мультики?

— Мишель!

— И я решила, что лучше пусть съест хоть что-нибудь. Она, должно быть, разнервничалась. Знаете, эти репортеры... она просто перебородилась.

— Папа! Можно „Сияющую красавицу“? —

Она вертелась в моих руках, хлопала меня по плечу, чтобы привлечь внимание.

— Да, Шелли.

— Сейчас, папа?

— Ладно.

Я спустил ее с рук. Она побежала в гостиную и включила телевизор, нажав кнопку дистанционного переключателя.

— Она, по-моему, слишком много смотрит телевизор, — сказал я.

— Все они такие, — ответила Элейн, пожав плечами.

— Папа!

Я пошел в гостиную, вставил кассету, быстро перемотал и затем пустил.

— Не это, — сказала она, нетерпеливо дернув меня за руку.

Я перевернул кассету на другую сторону. Мишель сидела на стуле и сосала палец. Вынув его изо рта, она похлопала по соседнему стулу.

— Сюда, папа.

Она хотела, чтобы я сел рядом.

Я вздохнул, оглядел комнату: свалка, да и только. На полу лежали ее карандаши и книжки с картинками. И большая ветряная мельница.

— Дай мне прибраться, — сказал я. — И я сразу же сяду с тобой.

Она снова сунула палец в рот и повернулась к экрану, полностью поглощенная зрелищем.

Я собрал карандаши и сунул в картонную коробку. Сложил книжки и положил на полку. Тут я внезапно почувствовал, что устал, и на секунду присел на пол рядом с Мишель. На экране феи — красная, зеленая, синяя — влетали в тронную залу дворца.

— Это фея Хорошей погоды, — сказала Мишель, указывая на синюю.

— Сделать вам сэндвич, лейтенант? — спросила из кухни Элейн.

— Это было бы здорово.

Мне хотелось просто сидеть здесь, рядом с дочерью, забыть обо всем хоть на время. Я был благодарен Коннору за то, что он отпустил меня. Я сидел и тупо смотрел на экран.

Элейн принесла сэндвич с салами, салатом и горчицей. Я был голоден. Элейн поглядела на телевизор, покачала головой и вернулась на кухню. Я ел сэндвич, и Мишель настояла на том, чтобы куснуть. Она любит салами. Меня тревожит, что там в консервированную колбасу кладут всякие добавки, но это, наверное, не хуже сосисок.

Съев сэндвич, я почувствовал себя немного лучше и встал, чтобы закончить уборку. Взял мельницу и начал разбирать, кладя детали в картонную круглую коробку. Мишель сказала плачущим голосом: „Нет! Нет!“ Я думал, что она не хочет, чтобы я разбирал мельницу, но оказалось совсем другое. Она закрывала лицо руками — не хотела видеть злую фею. Я перемотал этот кусок, и Мишель успокоилась.

Разобрав мельницу, я все сложил в коробку, надел на нее металлическую крышку и поставил на книжную полку. Там она лежала всегда. Я любил держать игрушки внизу, чтобы Мишель сама могла их достать. Коробка скатилась с полки на ковер. Я поднял ее. На полке что-то лежало — маленький серый прямоугольник. Я сразу понял, что это: восьмимиллиметровая видеокассета с японскими иероглифами на ярлыке.

ГЛАВА 52

— Лейтенант, вам что-нибудь еще нужно? — сказала Элейн. Она уже надела пальто, собираясь уйти.

— Подождите, — сказал я.

Я пошел к телефону, вызвал наш коммутатор и попросил соединить меня с Коннором. Я нетерпеливо ждал. Элейн смотрела на меня.

— Еще минуту, Элейн, — сказал я.

На экране принц пел дуэт со Сияющей красавицей, а птицы чирикали. Мишель сосала палец.

— Извините, он не отвечает, — сказала дежурная телефонистка.

— Ладно, — сказал я. — У вас есть телефон капитана Коннора, по которому с ним можно связаться?

— В расписании дежурства его нет.

— Я знаю. Но он не оставил телефона?

— У меня его нет, лейтенант.

— Мне нужно найти его.

— Подождите минуту.

Я выругался. Элейн стояла в коридоре, ждала, когда сможет уйти.

Телефонистка вернулась.

— Лейтенант? Капитан Эллис говорит, что капитан Коннор уехал.

— Уехал?

— Он был здесь только что, но сейчас его нет.

— Вы хотите сказать, он был в управлении?

— Да. Но сейчас его нет. Телефона он не оставил. Извините.

Я повесил трубку. Какого черта делал Коннор в управлении?

Элейн все еще стояла в коридоре.

— Лейтенант?

— Минуту, Элейн.

— Лейтенант, у меня...

— Я сказал: подождите.

Я не знал, что делать. Внезапно меня охватил страх. Из-за кассеты они убили Эдди и, не задумываясь, убьют любого. Я посмотрел на дочь, которая с пальцем во рту смотрела телевизор.

— Где ваша машина? — спросил я Элейн.

— В гараже.

— Хорошо. Слушайте, я хочу, чтобы вы взяли Мишель и поехали...

Зазвонил телефон. Я схватил трубку, надеясь, что это Коннор.

— Алло!

— *Моси-моси. Коннор-сан десу-ка?*

— Его здесь нет. — Едва сказав это, я прохляял себя, но слишком поздно: дело уже принимало плохой оборот.

— Очень хорошо, лейтенант, — сказал голос с сильным акцентом. — У вас есть то, что нам нужно, верно?

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Отлично понимаете, лейтенант.

Я услышал легкий свист в трубке. Звонили по телефону из автомобиля. Они могут быть где угодно, даже прямо перед домом.

Черт!

— Кто говорит? — спросил я, но услышал лишь короткие гудки.

— Что это, лейтенант? — спросила Элейн.

Я бросился к окну и увидел три автомобиля на улице внизу. Из них выходили пять человек — темные силуэты.

ГЛАВА 53

Я попытался взять себя в руки.

— Элейн, я хочу, чтобы вы взяли Мишель и пошли в мою спальню. Залезайте под кровать и ведите себя очень тихо, что бы ни случилось. Понятно?

— Нет, папа!

— Давайте, Элейн!

— Нет, папа! Я хочу смотреть „Спящую красавицу“!

— Потом посмотришь.

Я вынул пистолет и проверил обойму. Элейн широко раскрыла глаза и взяла Мишель на руки.

— Пойдем, детка.

Мишель вертелась в ее руках, протестуя.

— Нет, папа!

— Мишель!

Она замолчала, испуганная моим криком. Элейн отнесла ее в спальню. Я зарядил вторую обойму, сунул в карман куртки, потушил свет в спальне и в комнате Мишель. Посмотрел на ее кроватку, на покрывало с нашитыми слониками. Потом потушил свет на кухне.

Я вернулся назад в комнату. Телевизор продолжал работать. Злая колдунья объясняла ворону, как найти Сияющую красавицу. „Ты моя последняя надежда, не подведи меня“, — говорила она ему.

Ворон улетел.

Я пригнулся и двинулся к дверям. Зазвонил телефон. Я подполз назад, чтобы взять трубку.

— Алло!

— Кохай! — Это был голос Коннора.

Я снова услышал свист в трубке.

— Где вы? — спросил я.

— Кассета у вас?

— Да, у меня. Где вы?

— У аэропорта.

— Приезжайте скорее! И вызовите подкрепление.

Я услышал звуки на площадке, за моей дверью. Тихие шаги.

Я повесил трубку. Пот лил с меня градом.

Господи!

Если Коннор у аэропорта, ему до меня ехать двадцать минут, может быть, больше.

Придется управляться самому.

Я глядел на дверь, прислушивался. Но снаружи было тихо.

Из спальни я слышал голос дочери: „Я хочу „Сияющую красавицу“! Я хочу к папе!“ Элейн что-то шептала ей. Мишель хныкала.

Потом стало совсем тихо.

Телефон опять зазвонил.

— Лейтенант, — сказал голос с сильным акцентом. — Не нужно подкрепления.

Они прослушивали мой телефон!

— Мы ничего вам не сделаем, лейтенант. Нам нужно только одно. Не будете ли вы так добры отдать нам кассету?

— Она у меня, — сказал я.

— Мы знаем.

— Можете получить ее.

— Хорошо. Так будет лучше и для вас.

Я знал, что надеяться не на кого. У меня была только одна мысль — увести их отсюда. Подальше от моей дочери.

— Но не здесь, — сказал я.

Тут постучали в парадную дверь, резко и настойчиво.

Черт!

Я чувствовал, что события накаляются, идут слишком быстро. Я скорчился на полу, стащил телефон со стола, пытаясь быть ниже окон.

Стук повторился.

Я сказал в трубку:

— Вы получите пленку. Но сперва отзовите ваших людей.

— Повторите, пожалуйста.

Черт! Он ни хрена не понимает!

— Уведите своих парней. Пусть они встанут на улице так, чтобы я их видел.

— Лейтенант, нам нужна кассета.

— Я знаю. Вы ее получите.

Говоря, я не спускал глаз с дверей.

Ручка поворачивалась. Кто-то пытался открыть дверь, медленно, тихо. Потом ручку отпустили, а под дверь сунули что-то белое.

Визитная карточка.

Я пополз вперед и поднял карточку. На ней было напечатано: „Джонатан Коннор, капитан. Управление полиции Лос-Анджелеса“.

И я услышал из-за двери шепот.

— Кохай!

Я знал, что это ловушка. Коннор говорил, что он у аэропорта, значит...

— Могу я чем-нибудь помочь, кохай?

Эти слова я от него услышал в самом начале дела. Я оторопел.

— Да откройте вашу чертову дверь, кохай.

Это был Коннор. Я дотянулся до замка и открыл. Он проскользнул в комнату, пригнувшись. С собой у него было что-то серое — бронежилет.

— Я думал, вы...

Он замотал головой, прошептал:

— Я знал, что они должны быть здесь. Обязательно. Я ждал в машине в переулке за домом. Сколько их?

— Пятеро. Может быть, больше.

Он кивнул.

Голос с акцентом по телефону сказал:

— Лейтенант? Вы здесь? Лейтенант!

Я держал трубку так, что Коннор мог все слышать.

— Я здесь.

С экрана колдунья громко хихикнула.

— Лейтенант, я слышу, с вами кто-то есть.

— Это Спящая красавица, — ответил я.

— Спящая красавица? — удивился голос. — Что это?

— Телевизор, — сказал я. — Мультфильм.

На другом конце линии послышался шепот. Зашумел автомобиль. Это мне напомнило, что люди на улице стоят у всех на виду. С обеих сторон жилые дома, множество окон. В любой момент кто-нибудь может выглянуть, могут по-

явиться прохожие. Им надо действовать быстро.

Может быть, они уже действуют.

Коннор потянул меня за куртку, сделал знак раздеться. Я снимал куртку, говоря по телефону.

— Ладно. Чего вы от меня хотите?

— Принесите нам кассету.

Я посмотрел на Коннора. Тот кивнул.

— Хорошо, — сказал я. — Но сперва уберите своих людей.

— Не понимаю.

Коннор сжал кулаки. Лицо его исказила гримаса. Он прикрыл трубку рукой и прошептал мне на ухо японскую фразу.

— Слушайте внимательно! — сказал я. — *Eku kike!*

На другом конце послышалось ворчание.

— Хай. Люди уйдут. А вы выходите, лейтенант.

— Ладно. Я иду.

Я повесил трубку.

— Через тридцать секунд, — прошептал Коннор и исчез за дверью.

Я продолжал застегивать рубашку поверх бронежилета. Он топорщился, и в нем было жарко. Я сразу вспотел.

Я выждал тридцать секунд, глядя на бег секундной стрелки. Потом вышел.

Свет в парадном не горел. Я споткнулся о чье-то тело, вскочил и сумел разглядеть тонкое азиатское лицо. Почти мальчик, очень юный. Он был без сознания, тяжело дышал.

Я медленно спустился по ступеням. На площадке второго этажа никого не было. Я продолжал спускаться. За одной из дверей слышался смех — шла передача по телевизору. Голос сказал: „Так поведайте нам, где было ваше первое свидание?“

Я оказался на первом этаже. Парадная дверь дома была стеклянной. Я увидел сквозь нее только автомобили и изгородь, да еще небольшой кусочек лужайки перед домом. Люди были где-то слева.

Я ждал. Набрал воздуха, сердце колотилось. Выходить не хотелось, но я думал только о том, как бы их увести от моей дочери. Избавить мою...

Я вышел в ночь.

Воздух охладил мое потное лицо и шею. Я сделал два шага вперед. Теперь я их видел. Они стояли в десяти метрах, возле машины. Я насчитал четверых. Один махнул мне рукой, подзываая. Я заколебался.

Где остальные?

Я видел только тех, кто у машины. Они снова помахали. Я направился к ним, и внезапно, тяжелый удар в спину опрокинул меня ничком на влажную траву.

Я не сразу понял, что случилось.

В меня выстрелили сзади.

И вдруг началась пальба из автоматов. Вспышки выстрелов осветили улицу, как молнии. Звуки отдавались эхом в домах по обе стороны улицы. Дребезжали стекла. Вокруг меня кричали. Стрельба усилилась. Я слышал гул моторов, мимо меня мчались машины. Почти немедленно завыли полицейские сирены, взвизгну-

ли тормоза, блеснули фары. Я оставался на месте, не пытаясь встать. Казалось, что я пролежал так целый час. Потом сообразил, что все вокруг кричат по-английски.

Наконец кто-то подошел, склонился надо мной и сказал:

— Не двигайтесь, лейтенант. Я хочу осмотреть вас.

Я узнал голос Коннора. Он дотронулся до моей спины. Потом сказал:

— Вы можете повернуться, лейтенант?

Я повернулся.

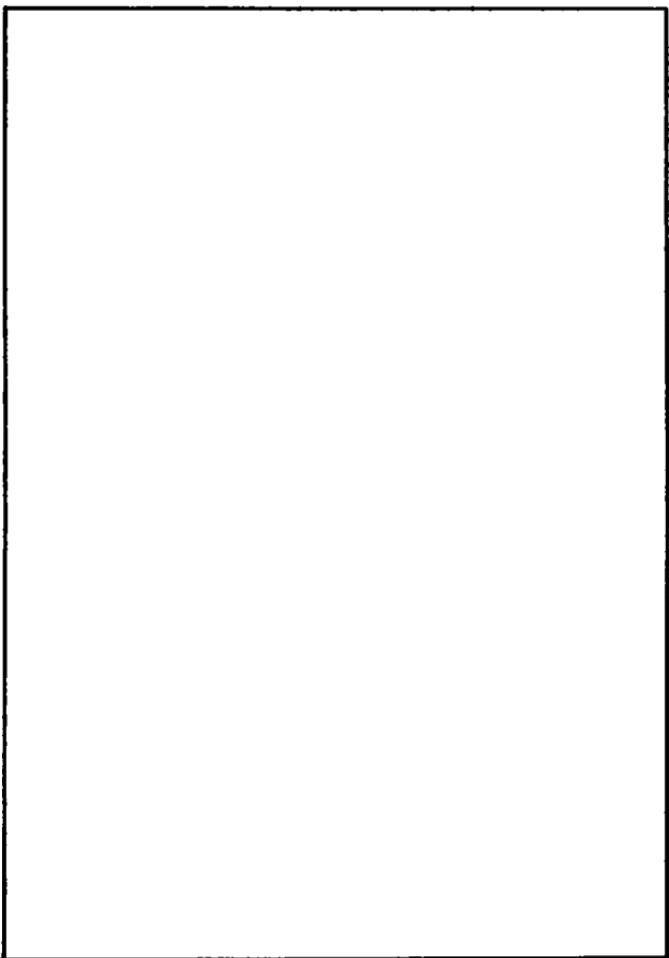
Стоя в резком свете фар, Коннор посмотрел на меня.

— Пули не проникли сквозь жилет. Но завтра у вас будет здорово болеть спина.

Он помог мне встать.

Я оглянулся, чтобы посмотреть на стрелявшего в меня. Но там никого не было, только у парадной двери сверкало несколько желтых гильз на зеленой траве.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

ГЛАВА 54

Заголовок был такой: „Банда вьетнамцев бесчинствует в Вест-Сайде“.

В статье говорилось, что Питер Смит, офицер Спецслужбы управления полиции Лос-Анджелеса, подвергся нападению банды, известной по именем „Смерть Сукам“. В лейтенанта стреляли дважды, прежде чем прибыло подкрепление и рассеяло юнцов. Живым никого не взяли, но в перестрелке убили двоих.

Я читал газеты в ванне, грел болевшую спину. Справа и слева были большие безобразные кровоподтеки. Дышать было больно.

Я отправил Мишель к моей матери в Сан-Диего, пока дело не уладится. Элейн ее отвезла поздно вечером.

Я продолжал читать.

Согласно статье, „Смерть Сукам“ — это та же банды, что неделю назад напала на двухлетнего негритенка Родни Ховарда и застрелила его, когда он ездил на своем трехколесном велосипеде во дворике перед домом. Это, по слухам, был своеобразный ритуал, связанный со вступлением в банду, и жестокость его вызвала

страх и сомнения, в силах ли полиция справиться с бандами в Южной Калифорнии.

Снова репортеры толпились у моего дома, но я с ними не разговаривал. Телефон звонил постоянно, но я включил автоответчик. Я сидел в ванне и пытался решить, что делать. Ближе к полудню я позвонил Кену Шубику в „Таймс“.

— Я все думал, когда ты объявишься, — сказал он. — Ты должен быть доволен.

— Чем?

— Тем, что уцелел. Эти ребята — самые настоящие головорезы.

— Ты имеешь в виду вчерашних вьетнамцев?

Говорили-то они по-японски.

— Правда?

— Правда, Кен.

— Мы неправильно написали?

— В сущности, да.

— Тогда все ясно.

— Что ясно?

— Это была версия Хорька. А Хорек теперь сидит в говне! Говорят даже, что его уволят. Толком ничего не знаю, но что-то произошло. Кому-то из боссов редакции здорово накрутили хвост из-за японцев. Во всяком случае мы начинаем серию статей о деятельности японских корпораций в Америке.

— Неужели?

— Но в сегодняшнем номере об этом ничего нет. „Деловые новости“ смотрел?

— Нет, а что?

— „Дарли-Хиггинс“ объявляет о продаже „Микрокона“ фирме „Акаи“. Это на четвертой странице. Сообщение занимает две строчки.

— И всего-то?

— Больше, кажется, не стоит. Просто еще одна американская фирма стала японской. Я проверил. С восемьдесят седьмого года японцы скупили сто восемьдесят американских компаний по производству оборудования высокой технологии и электротехники. Так что это не новость.

— Но газета начинает расследование?

— Вот именно! Расследовать не просто. Это мало интересует читателей. Платежный баланс в торговых отношениях с Японией падает. Конечно, на первый взгляд это даже хорошо, потому что они сейчас ввозят к нам не так много машин. Но они делают их здесь. И они рассредоточили производство, переведя его в страны „малых драконов“*. Теперь дефицит образуется в торговле с ними, а не с Японией. Они также увеличили закупки у нас апельсинов и леса, чтобы выглядеть достойно. В общем, рассматривают нас как развивающуюся страну. Импортируют сырье, а товары не берут. Говорят, что наши товары им не подходят.

— Может, так оно и есть, Кен.

— Не трепись. — Он вздохнул. — Но читателям все это неинтересно, вот в чем дело. Даже узнав о налогах...

Я оторопел.

— О налогах?

— Мы делаем серию статей о налогах. Наше правительство наконец заметило, что японцы делают здесь большой бизнес, но не очень-то исправно платят налоги. Некоторые фирмы их

*Южная Корея, Тайвань, Таиланд, Сингапур, Малайзия.

совсем не платят, просто смех и грех. Занижают показатели прибылей, завышают стоимость деталей, которые ввозят на свои заводы из Японии. Это возмутительно. Но правительство, конечно, до сих пор медлит наказать японцев. А японцы тратят в Вашингтоне полмиллиарда в год, чтобы все помалкивали.

— Но вы все же хотите писать о налогах?

— Да. И мы напишем про „Накамото“. По моим сведениям, „Накамото“ собирается нанести удар по конкурентам, установив твердые цены. Твердые цены — это вечная уловка японских компаний. Я составил список тех, кто сунулся из-за этого. В девяносто первом году — „Нинтендо“, в этом году — „Мицубиси“, в восемьдесят девятом — „Панасоник“, в восемьдесят седьмом — „Минольта“. И ты понимаешь — это только вершина айсберга.

— Тогда хорошо, что вы это начали.

Он кашлянул.

— Ты хочешь выступить у нас насчет вьетнамцев, говорящих по-японски?

— Нет.

— Мы тебя поддержим.

— По-моему, это ничего хорошего не даст, — сказал я.

Я позавтракал с Коннором в баре сузи в Калвер-сити. Когда мы подъезжали, кто-то вешал табличку „Закрыто“, увидел Коннора и перевернул на „Открыто“.

— Меня здесь знают, — сказал Коннор.

— Хотите сказать, любят?

— Я бы не стал так говорить.

— Вы им нужны из деловых соображений?

— Нет, Хироси, вероятно, предпочел бы сейчас закрыть заведение. Неприбыльно обслуживать только двух гаин. Но я частый гость. Он ценит мое отношение. Это не связано ни с любовью, ни с бизнесом.

Мы вышли из машины.

— Американцы многое не понимают, — сказал он. — Японская система взаимоотношений совершенно иная.

— Ну, я думаю, мы кое-что начинаем понимать. — Я рассказал то, что слышал от Кена о твердых ценах. Коннор вздохнул.

— Сказать, что японцы нечестны — просто ерунда. Они играют по другим правилам. Американцы их не понимают.

— Чудесно, — сказал я. — Но твердые цены незаконны.

— В Америке — да. Но в Японии это нормально. Помните, кохай — между нами пропасть. У японцев все делается путем тайных сговоров. Скандал с акциями „Номуры“ показал это. Американцы рассуждают насчет сговоров, а ведь это всего лишь разновидность деловых отношений.

Мы вошли в бар. Было много поклонов и приветствий. Коннор говорил по-японски.

— Мы не будем заказывать?

— Нет. Это почти оскорбление. Хироси сам решит, что нам нравится.

И мы сидели, а Хироси принес блюда. Я смотрел, как он резал рыбу.

Зазвонил телефон. С дальнего конца бара кто-то сказал:

— Коннор-сан, онна но хито га маттеру то иттемасита йо.

— Домо, — сказал Коннор, кивая, и повернулся ко мне. — Мы, видимо, не будем есть. Нам надо идти. У вас кассета с собой?

— Да.

— Хорошо.

— Куда мы идем?

— К вашей подруге, мисс Асакума.

ГЛАВА 55

Машина подпрыгивала на ухабах шоссе Сант-Моника, направляясь в центр города. Небо было серым — близился дождь. Спина у меня болела. Коннор глядел в окно, что-то напевая. Из-за всех событий я позабыл о звонке Терезы. Она говорила, что просматривала конец пленки и что-то заподозрила.

— Вы говорили с ней?

— С Терезой? Очень коротко. Я дал ей один совет.

— Вчера она сказала, что с пленкой мы ошиблись.

— Да? Мне она об этом не говорила.

Я чувствовал, что это не так, но болела спина и настаивать не хотелось. Иногда мне казалось, что Коннор сам стал японцем. Он очень скрытен.

— Вы никогда не рассказывали мне, почему не остались в Японии.

— А, это! — Он вздохнул. — У меня была работа в одной корпорации, советником по охране. Но ничего не получилось.

— Почему?

— С работой было все в порядке. Просто прекрасно.

— Так в чем дело?

Он покачал головой.

— У большинства живущих в Японии иностранцев возникает смешанное чувство. Японцы во многом чудесный народ: работающие, умные, с юмором. Они по-настоящему честны. Но они также самые отчаянные расисты, причем настолько, что считают расистами всех прочих. Они буквально напичканы предрассудками и считают, что все такие. После того как я прожил какое-то время в Японии, мне просто остыло смотреть на то, что происходит вокруг.

И мне через некоторое время надоело жить в Японии. Осточертело видеть, как женщины вечером переходят на другую сторону, завидев меня. Замечать, что в метро рядом со мной садятся в последнюю очередь. Слышать, как стюардесса, не зная, что я понимаю их язык, спрашивает пассажиров, не возражают ли они, если их посадят рядом с гайин. Надоело быть онекаемым, быть человеком второго сорта. Надоели шуточки за моей спиной, надоело их ненавязчивое сочувствие. Я просто... устал. И сдался.

— Это звучит так, будто вы в действительности их не любите.

— Нет. Я люблю их. Очень. Но я не японец, и они никогда не дадут мне забыть это. У меня в Америке много друзей-японцев, и им тоже тяжело. Это палка о двух концах. Они здесь тоже чувствуют себя изгоями. Рядом с ними тоже не садятся. Но мои друзья просят меня никогда не забывать, что они в первую очередь люди, а потом японцы. К несчастью, это не всегда верно.

— Вы хотите сказать, что они прежде всего японцы?

Он пожал плечами.

— Прежде всего — они члены одной большой семьи.

Дальше мы ехали в молчании.

ГЛАВА 56

Мы находились в комнатке на третьем этаже общежития для иностранных студентов. Тереза Асакума объяснила, что это не ее комната, она принадлежит подруге, которая учится семестр в Италии. Тереза поставила на стол маленький видеомагнитофон и телевизор.

— Я подумала, что лучше сделать это не в лаборатории, — сказала она, перематывая пленку. — Но я хотела показать вам конец записи, сразу после ухода сенатора.

Она замедлила ход, и я увидел сорок шестой этаж „Башни Накамото“. Он был пуст. Тело Чарил Остин лежало на темном столе.

Ничего не происходило.

— Что мы смотрим?

— Подождите.

На экране по-прежнему ничего не двигалось.

И тут я ясно увидел, что нога девушки дернулась.

— Это что?

— Судорога?

— Я не уверен.

Теперь задвигалась рука на темном дереве.
Пальцы сжимались и разжимались.

— Она жива!

Тереза кивнула.

— Похоже на то. Теперь посмотрите на часы.

Стенные часы показывали 8.36. Стрелки не двигались. Пленка шла еще две минуты.

Коннор вздохнул.

— Часы стоят.

— Нет, — сказала Тереза. — Я смотрела крупным планом. Пиксели прыгали взад-вперед.

— Что это значит?

— Мы называем это „рок-н-ролл“. Обычный способ ретуши. Обычно остановки записи заметны на глаз, потому что мелкие детали изображения внезапно замирают. При непрерывной записи можно обнаружить хоть какое-то движение, просто случайное. Поэтому, чтобы скрыть остановку записи, каждые три секунды нужно показывать изображение.

— Вы считаете, ленту остановили в 8.36?

— Да. И девушка, видимо, была в это время жива. Не знаю наверняка, но возможно.

Коннор кивнул.

— Вот почему нам так важен был оригинал.

— Какой оригинал? — спросила Тереза.

Я вынул ленту, которую нашел у себя в квартире.

— Поставьте ее, — сказал Коннор.

Мы снова увидели сорок шестой этаж. Съемка велась с боковой камеры, с хорошим лицом

на конференц-зал. Это был оригинал: мы увидели сцену убийства и уходящего Мортона. Девушка осталась лежать на столе.

Пленка крутилась. Мы смотрели на тело девушки.

— Вы видите стенные часы?

— Под этим углом их не видно.

— Сколько, по-вашему, прошло времени?

Тереза покачала головой.

— Не могу сказать точно. Несколько минут.

Потом девушка зашевелилась. Дернулась ее рука, затем голова. Она была, несомненно, жива.

Тут через стекло конференц-зала мы увидели человека. Он появился справа, вошел в зал, оглянулся, чтобы удостовериться, что он один. Это был Исигура. Очень уверенно он подошел к столу, положил руки на горло девушки и задушил ее.

— Господи!

Это, казалось, длилось долго. Девушка сопротивлялась до конца. И после того, как она перестала шевелиться, он долго не отпускал ее.

— Он не хочет никаких случайностей.

— Да, — сказал Коннор. — Он их не допустит!

Наконец Исигура отошел от трупа, поправил манжеты, отряхнул пиджак.

— Ладно, — сказал Коннор. — Можно остановить кассету. Я видел достаточно.

Мы снова были на улице. Солнечный свет слабо пробивался сквозь туман. Мимо проносились машины, подскакивая на выбоинах. Дома казались ветхими, поблекшими.

Мы сели в автомобиль.

— Что теперь? — спросил я.

Коннор протянул мне телефонную трубку.

— Позвоните в управление и скажите, что у вас есть кассета, показывающая сцену убийства, и что убийца — Исигура. Скажите, что мы едем в „Накамото“ арестовать его.

И я позвонил. Сказал дежурному о нашем плане и куда мы едем. Он спросил, не нужно ли подкрепление. Коннор замотал головой, и я сказал, что мы обойдемся.

Я повесил трубку.

— Теперь что?

— Едем в „Накамото“.

ГЛАВА 57

Я столько раз видел сорок шестой этаж на видео, что было странно очутиться там самому. Несмотря на субботу, обстановка в офисе была оживленной и деловой, секретари и администраторы суетились. И этаж выглядел днем иначе — со всех сторон через большие окна струился свет, соседние небоскребы казались ближе.

Подняв голову, я увидел, что со стен убраны камеры охраны. Зал, где умерла Черил Остин, переделали. Черная мебель исчезла. Рабочие устанавливали стол светлого дерева и новые бежевые кресла. Зал выглядел совсем иначе.

На другой стороне атриума, в большом конференц-зале, шло совещание. Солнечный свет падал на сорок человек, сидящих по обе стороны длинного стола, покрытого зеленым сукном. С одной стороны японцы, с другой — американцы. Перед каждым лежала аккуратная пачка документов. Среди американцев я заметил юриста Боба Ричмонда.

Стоя за моей спиной, Коннор вздохнул.

— Что это?

— Субботнее совещание, кохай.

— Именно то совещание, о котором говорил Эдди?

Коннор кивнул:

— Совещание, ставящее точку на продаже „Микрокона“.

Возле лифтов сидела привратница. Секунду она глядела на нас, потом вежливо сказала:

— Могу я помочь вам, джентльмены?

— Спасибо, — сказал Коннор. — Но мы ждем кое-кого.

Я нахмурился, увидев Исигуру, сидящего в центре на японской стороне. Он курил. Сосед справа, наклоняясь, шепнул ему что-то. Исигура кивнул и улыбнулся.

Я посмотрел на Коннора.

— Потерпите, — сказал он.

Прошло несколько минут, и через атриум в конференц-зал поспешно вошел молодой японец—референт. Он медленно, стараясь никому не мешать, обошел стол, пока не оказался за спиной важного седого человека, сидящего в конце. Он поклонился и что-то шепнул старику на ухо.

— Это Ивабучи, — сказал Коннор.

— Кто?

— Глава „Накамото“ в Америке. Живет в Нью-Йорке.

Ивабучи кивнул юноше и встал из-за стола. Юноша отодвинул его стул. Ивабучи прошел мимо остальных японцев, легонько тронул за плечо одного из них, дошел до конца стола, открыл стеклянные двери и вышел на балкон.

Секунду спустя второй японец встал.

— Морияма, — сказал Коннор. — Глава отделения в Лос-Анджелесе.

Морияма тоже вышел на балкон. Оба стояли на солнце и курили. Юноша присоединился к ним, продолжал говорить. Старшие внимательно слушали, затем отвернулись. Юноша не уходил.

Морияма повернулся к нему и что-то сказал. Тот быстро поклонился и вернулся в зал. Подошел к стулу третьего японца, темноволосого, с усами, и что-то шепнул ему.

— Шираи, — сказал Коннор. — Коммерческий директор.

Шираи встал, но не пошел на балкон. Вместо этого он открыл дверь, вышел в атриум и исчез в дальней стороне этажа.

В конференц-зале юноша подошел к четвертому японцу. Этого я знал — Иосида, глава „Акаи Керамикс“. Иосида тоже выскользнул в атриум.

— Что происходит? — спросил я.

— Они самоустраниются, — сказал Коннор. — Не хотят присутствовать при том, что произойдет.

Я посмотрел на балкон и увидел, что оба японца спокойно идут к двери в дальнем конце балкона.

— Чего мы ждем?

— Терпение, кохай.

Юноша ушел. Совещание продолжалось. Но в атриуме Иосида подозвал юношу и что-то шепнул. Юноша вернулся в конференц-зал.

— Гм, — сказал Коннор.

На сей раз юноша подошел к американской стороне стола и что-то шепнул Ричмонду. Я не видел лица Ричмонда, он сидел спиной к нам, но он вздрогнул, изогнулся и что-то прошептал юноше. Тот кивнул и ушел.

Ричмонд остался сидеть, покачивая головой. Он склонился над своими заметками, затем перебросил листок Исиgуре.

— Это сигнал нам, — сказал Коннор, повернулся к привратнице, показал свой значок, и мы быстро пошли через атриум к конференц-залу.

Молодой американец в полосатом костюме стоял перед столом и говорил:

— Теперь, если вы обратите внимание на дополнение к документу, общий отчет о вкладах...

Коннор вошел первым. Я за ним.

Исиgура посмотрел на нас, не выражая удивления.

— Добрый день, джентльмены.

Лицо его было как маска.

Ричмонд вежливо сказал:

— Джентльмены, вы можете подождать, мы сейчас обсуждаем несколько сложное...

Коннор перебил его:

— Господин Исиgура, вы арестованы за убийство Черил Линн Остин.

Он прочел права обвиняемого, а Исиgура пристально глядел на него. Все прочие молчали, никто не шевелился.

Исиgура не встал.

— Это абсурд.

Ричмонд мягко сказал:

— Я надеюсь, вы, ребята, знаете, что делаете.

— Я знаю свои права, джентльмены, — сказал Исиgура.

— Господин Исиgура, будьте добры встать, — сказал Коннор.

Исигура не шевелился. Перед ним клубился дымок сигареты. Наступило долгое молчание.

Тогда Коннор сказал:

— Покажите им запись.

У стены конференц-зала стояло видеооборудование. Я нашел плейер, похожий на тот, которым пользовался, и вложил кассету. Но на большом центральном экране ничего не появилось. Я пробовал различные кнопки — изображения не было.

Из дальнего угла ко мне поспешила японка-секретарь, которая вела протокол. Кланяясь с извинениями, она нашла нужные кнопки, еще раз поклонилась и вернулась на место.

— Спасибо, — сказал я.

На экране появилось изображение. Было видно хорошо, несмотря на яркое солнце. Шел как раз тот момент, который мы видели в комнате Терезы, — когда Исигура приблизился к девушке и прижал к столу сопротивляющееся тело.

— Что это? — спросил Ричмонд.

— Это подстроено, — сказал Исигура. — Фальшивка.

— Это пленка, снятая камерой охраны „Накамото“ на сорок шестом этаже вечером в четверг, — сказал Коннор.

— Это фальшивка, — повторил Исигура.

Но никто его не слушал, все смотрели на экран. Ричмонд разинул рот.

— О Господи!

На экране девушка умирала бесконечно долго. Исигура глядел на Коннора со злостью.

— Это ловкая подделка. Все сфабриковано. Это не доказательство.

— Господи! — повторил Ричмонд, глядя на экран.

— Это незаконно. Суд не примет такой улики. Это просто...

Исигура запнулся. В первый раз он посмотрел на другой конец стола и увидел, что стул Ивабучи пуст. Он посмотрел в другую сторону, обвел взглядом комнату...

Стул Мориямы был пуст.

Стул Шираи был пуст.

Стул Иосиды был пуст.

Лицо Исигуры исказилось. Он в изумлении посмотрел на Коннора. Потом кивнул, издал горловой звук и встал. Все глядели на экран. Он подошел к Коннору.

— Я не собираюсь смотреть это, капитан. Когда закончите свою провокацию, найдете меня на балконе. — Он зажег сигарету, сощурился. — Тогда поговорим. *Макигайнаку*.

Он открыл дверь и вышел на балкон. Дверь осталась открытой.

Я хотел пойти за ним, но Коннор поймал мой взгляд и покачал головой. Я остался на месте.

Я видел, как Исигура остановился у перил. Он курил, повернув лицо к солнцу. Потом оглянулся на нас и с сожалением покачал головой. Прислонился к перилам и поставил на них ногу.

В конференц-зале продолжался показ кассеты. Американка, одна из юристов, встала, защелкнула портфель и вышла. Больше никто не двинулся.

Наконец пленка кончилась.

Я вынул кассету из аппарата.

Молчание продолжалось. Ветерок перебирал бумаги на длинном столе.

Я посмотрел на балкон.

Он был пуст.

Когда мы добежали до перил, мы услышали слабый звук сирен внизу.

Внизу воздух был пыльным, и нас оглушил стук отбойных молотков. „Накамото“ воздвигала пристройку, и работа шла полным ходом. Вдоль обочины тянулась цепь больших цементовозов. Я пробился сквозь толпу японцев в синих костюмах и заглянул в яму.

Исигура упал на мокрый бетон. Труп лежал на боку, над еще мягким бетоном виднелись только голова и рука. Сквозь растопыренные пальцы на серую поверхность струилась кровь. Рабочие в синих касках пытались выудить тело бамбуковыми палками и веревками, но без особого успеха. Наконец рабочий в высоких сапогах спустился, чтобы вытащить труп. Но это оказалось труднее, чем он думал. Пришлось звать на помощь.

Наши люди Фред Перри и Боб Вулф были уже здесь. Вулф увидел меня и взобрался на холм. Он вытащил записную книжку и крикнул сквозь грохот молотков:

— Ты знаешь что-нибудь об этом, Пит?

— Да, — сказал я.

— Имя знаешь?

— Касагуро Исигура.

Вулф прищурился:

— По буквам скажи.

Я попытался произнести по буквам, крича

сквозь шум строительства, потом достал из кармана его карточку и протянул ее Вулфу.

— Это его визитка?

— Да.

— Как ты ее получил?

— Длинная история. Но он обвиняется в убийстве.

Вулф кивнул.

— Дай вытащить тело, и мы поговорим.

— Хорошо.

В конце концов они вытащили труп подъемным краном. Тело Исигуры, тяжелое от бетона, повисло в воздухе и пронеслось над моей головой.

Кусочки раствора упали на меня и рассыпались по табличке, лежавшей у моих ног. Это была табличка строительной компании „Накамото“, и яркие буквы на ней заявляли: „Строим для будущего“. А внизу: „Пожалуйста, извините за беспокойство“.

ГЛАВА 58

Прошел еще час, пока все улеглось. Шеф требовал от нас рапорт к вечеру, так что нужно было заняться писаниной.

Лишь в четыре часа мы перешли через улицу к кафе, рядом с лавкой Антонио. Мы больше не могли оставаться в офисе.

— Почему Исигура убил девушку? — спросил я.

Коннор вздохнул.

— Это неясно. Но я могу кое-что предположить. Эдди работал в фирме своего отца. Помимо прочего, он снабжал наезжающих боссов девушками. Он занимался этим годами. Это было легко: он был общителен, знал нужных девушек; среди его клиентов были конгрессмены, так он завоевывал дружбу с ними. Но на Черил у него были особые виды, потому что в нее влюбился сенатор Мортон, глава Финансового Комитета. Мортон оказался достаточно умен, чтобы порвать с нею, но Эдди посыпал Черил самолетом в любое место, где находился сенатор. Связь продолжалась. Эдди тоже нравилась Черил, в тот четверг он спал с ней. И именно Эдди

устроил ей приглашение в „Накамото“, зная, что Мортон будет там. Эдди понуждал Мортона помешать продаже „Микрокона“ и был озабочен субботним совещанием.

Но Эдди, очевидно, рассчитывал, что Черил и Мортон просто увидятся. Вряд ли он думал о сорок шестом этаже и, конечно, не ожидал, что они пойдут туда. Мысль пойти наверх, вероятно, подсказал сенатору на приеме кто-то из „Накамото“. Компания оставила этаж доступным для гостей по простой причине — там есть спальни, которыми высшие чиновники иногда пользуются. Где-то сзади.

— Откуда вы знаете?

Коннор улыбнулся.

— Ханада-сан упомянул, что однажды пользовался такой спальней. Представляю, что там за роскошь.

— Значит, у вас все-таки есть осведомители?

— Не много. „Накамото“, очевидно, просто обеспечивает своим клиентам отдых. Камеры на верху могли быть установлены с целью шантажа, но мне говорили, что в спальнях их нет. А то, что они были в конференц-зале, подтверждает, что Филлипс был прав — камеры установлены, чтобы следить за служащими. Безусловно, никто не ожидал, что там будут заниматься секском.

Как бы то ни было, когда Эдди увидел, что Черил и Мортон пошли туда, он должен был страшно встревожиться. И пошел за ними. Он видел, как Мортон придушил девушку, — я думаю, случайно. И Эдди помог своему другу Мортону, позвал его, вывел оттуда и вернулся с ним на прием.

— А что насчет кассет?

— Помните, мы говорили о взятках? Эдди в числе прочих подкупил охранника — Танаку, — возможно, снабжал его наркотиками. Во всяком случае, года два тесно общался с ним. И когда Исигура велел Танаке взять кассеты, тот сказал об этом Эдди.

— И Эдди спустился и взял кассеты?

— Да. Вместе с Танакой.

— Но Филлипс сказал, что Эдди был один.

— Филлипс солгал, потому что знал Танаку. Поэтому он и не поднял шума — Танака сказал, что все в порядке. Но когда Филлипс рассказывал об этом нам, он умолчал о Танаке.

— А потом?

— Исигура послал своих людей обыскать квартиру Черил. Танака куда-то отнес кассеты, видимо, чтобы сделать копии. А Эдди поехал на прием.

— Но Эдди удержал одну кассету?

— Да.

— А на приеме он рассказал нам совсем другое.

Коннор кивнул.

— Он солгал.

— Даже вам, своему другу?

Коннор пожал плечами.

— Он думал, что выкрутится.

— А что Исигура? Почему он убил девушку?

— Чтобы иметь возможность шантажировать Мортоне. И это сработало — он заставил Мортоне изменить позицию в деле „Микрокона“. Мортон некоторое время был готов допустить продажу.

— И из-за этого Исигура убил ее? Из-за какой-то сделки?

— Нет, я думаю, здесь вовсе не было такого расчета. Исигура болезненно воспринимал свое положение. Ему нужно было доказать начальству свою ценность. Слишком много было поставлено на карту. Так много, что он повел себя не по-японски, и в момент крайнего напряжения убил девушку. Как он выразился, „никчемную женщину“.

— Господи!

— Но я думаю, дело не только в этом. Его шокировало отношение Мортона к японцам, его презрение, все эти шуточки насчет того, что надо сбросить бомбу, и все такое. И трахаться на столе в офисе! Это... неуважительно, верно? Все это взбесило Исигуру.

— А кто позвонил в полицию?

— Эдди.

— Зачем?

— Чтобы подложить „Накамото“ свинью. Эдди благополучно вернул Мортона на прием и затем позвонил. Вероятно, откуда-то из „Накамото“. Он тогда еще не знал о камерах охраны. Потом Танака сказал ему, и Эдди встревожился, что Исигура может его подставить. И позвонил снова.

— И попросил своего друга Коннора?

— Да.

— Значит, Койчи Ниси — это Эдди?

Коннор кивнул.

— Шутка. Койчи Ниси — имя героя известного японского фильма о коррупции.

Коннор допил кофе и отодвинулся от стойки.

— А Исигура? Почему японцы отступились от него?

— Исикура поступил безответственно, стал ненадежным. Вечером в четверг он действовал слишком независимо. Они этого не любят. „Накамото“ скоро вернула бы его в Японию. Ему суждено было провести остатки жизни *мадоги-ва*, сидя у окна. Тот, кого решением корпорации удалили из клана, обречен сидеть дома и пялиться в окно. В каком-то смысле пожизненное заключение.

— Значит, когда вы позвонили в управление из автомобиля и рассказали о своих планах... вас кто-то слышал?

— Трудно сказать, — Коннор пожал плечами. — Но Эдди мне нравился. Я ему был обязан. Я не хотел, чтобы Исикура вернулся домой.

А в офисе меня ждала старая женщина, одетая в черное. Она представилась — бабушка Черил Остин. Родители Черил погибли в автомобильной катастрофе, когда ей было четыре года, и бабушка воспитала девочку. Она благодарила меня за помощь в расследовании. Рассказывала о Черил — какая это была хорошая девочка, как она росла в Техасе.

— Конечно, она была хорошенькая и нравилась мальчикам. Они вокруг нее всегда вертелись, палкой не разгонишь. — Она помолчала. — Я, конечно, всегда думала, что с головой у нее не все в порядке. Но ей нравилось быть среди мальчиков, и чтобы они из-за нее дрались. Помню, ей было семь или восемь; эти ребята дрались в пыли, а она смотрела и хлопала в ладоши. Когда она стала подростком, ей это стало нравиться еще больше. Видеть это было не очень приятно. Да, что-то у нее было с голо-

вой. Она могла быть злой. И эта песня, которую она всегда заводила, днем и ночью... „Я без ума“, что ли?

— Джерри Ли Льюиса?

— Я, конечно, знаю почему. Это любимая песня ее отца. Когда она была крошкой, он везил ее в город в своем лимузине, обнимая ее, а радио орало эту жуткую штуку. На ней было ее лучшее платье. Она была хорошенъкая девочка. Вылитая мать.

Женщина заплакала. Я дал ей салфетку, постарался утешить. Вскоре она захотела узнать, как все это случилось. Как Черил умерла.

Я не знал, что ей сказать.

Когда я покинул здание на Паркер-центр и пошел к фонтанам, меня остановил японец. Ему было примерно сорок, темноволосый, с усами. Он церемонно приветствовал меня и дал свою карточку. Но я узнал его, это был господин Шираи, коммерческий директор „Накамото“.

— Я хотел лично увидеть вас, Сумису-сан, чтобы выразить, как глубоко сожалеет моя компания о поведении господина Исигуры. Его поступки были недопустимы и действовал он без нашего ведома. „Накамото“ — почтенная компания, и мы не нарушаем законов. Хочу вас уверить, что его поступки не характерны для нашей компании, не отражают наших взглядов на бизнес. В вашей стране господин Исигура по работе общался со многими банкирами и маклерами. Честно говоря, он, по-моему, слишком долго был в Америке и приобрел здесь много дурных привычек.

Так это и было — извинение и оскорбление

одновременно. Я не знал, что ответить. Наконец сказал:

— Господин Шираи, в свое время от вас поступило предложение финансировать покупку маленького домика...

— Да?

— Да. Может быть, вы не слышали об этом?

— По правде говоря, слышал что-то.

— Интересно, что вы намерены сделать в этом отношении теперь?

Наступило долгое молчание, нарушающее только журчанием фонтанов.

Шираи прищурился, пытаясь решить, как лучше ответить. Наконец он сказал:

— Сумису-сан, сейчас это предложение потеряло всякий смысл. Оно, разумеется, берется назад.

— Спасибо, господин Шираи, — сказал я.

Мы с Коннором молча ехали ко мне. Я ехал по шоссе Санта-Моника. Рабочие красили дорожные знаки. Справа рисовались небоскребы вокруг Вествуда. Пейзаж казался скучным и блеклым.

— Так что все это было? — сказал я наконец. — Просто спор между „Накамото“ и другой компанией о „Микроконе“? Или что?

Коннор пожал плечами.

— Здесь многое сплелось. Таковы уж японцы. Для них сегодня Америка — всего лишь страна, где они конкурируют между собой. Все это горько, но верно. А мы в их глазах не столь уж и важны.

Мы подъехали к моей улице. Некогда меня радовала усаженная деревьями уличка с детской

площадкой в конце квартала. Теперь я радости не ощущал. Воздух был скверный, улица казалась грязной, запущенной.

Я остановился. Коннор вышел, пожал мне руку.

— Не расстраивайтесь.

— Я не могу иначе.

— Не стоит. Это очень серьезно, но все может измениться. Менялось прежде, может измениться вновь.

— Надеюсь.

— Что вы собираетесь делать?

— Не знаю. Хочется куда-то пойти. Но некуда.

Он кивнул.

— Вы уйдете из управления?

— Вероятно. И уж конечно, из Спецслужбы.

Там... слишком много грязи.

Он снова кивнул.

— Поберегите себя, кохай. Спасибо за помощь.

— И вам, семпай.

Я устал. Еле взобрался по ступенькам и вошел в квартиру. Без Мишель было тихо. Я взял банку кока-колы из холодильника и пошел в гостиную, но когда сел в кресло, у меня снова заболела спина. Я встал и включил телевизор, но смотреть не мог. Я подумал о словах Коннора — как все в Америке сосредоточились на мелочах. Так и с Японией — если постепенно продаешь страну японцам, они в конце концов полностью завладеют ею, нравится тебе это или нет. А тот, кто владеет добром, делает с ним все, что хочет. Вот как получается.

Я пошел в спальню и переоделся. На столике у постели увидел фотографии, снятые на дне рождения моей дочери, которые я сортировал, когда все началось. Снимки не давали представления о теперешней Мишель, не отражали больше реальность. Я привык считать, что в основном мир в порядке. Теперь я так не думал.

Я вошел в комнату Мишель, посмотрел на кроватку, на одеяльце с вышитыми слониками. Подумал о том, как она спит, раскинувшись на спине, руки под голову. Подумал, как она верит, что я обустрою для нее мир. Подумал о мире, в котором она будет жить. И, начиная стелить ее постель, чувствовал в душе беспокойство.

Выдержка из протокола от 15 марта.

Вопрос: — Ладно, Пит, кажется, этого достаточно. Если вы не хотите ничего добавить...

Ответ: — Нет. Я кончил.

В: — Как я понимаю, вы ушли из Спецслужбы?

О: — Правильно.

В: — И написали шефу Олсону о том, что программу связи с азиатской общиной нужно изменить, а отношения с Японо-американским фондом дружбы — разорвать.

О: — Да.

В: — Почему?

О: — Если управлению нужны специально подготовленные офицеры, за обучение платить должны мы. Я просто думаю, что так лучше.

В: — Лучше?

О: — Да. Пора взять в свои руки контроль над страной. Пора начать самим содержать себя.

В: — Вы получили ответ от шефа?

О: — Нет еще. Я жду.

*Если вы не хотите, чтобы
Япония что-то купила —
не продавайте.*

АКИО МОРИТА

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

„Люди отрицают реальность. Они борются с реальными чувствами, порожденными реальными обстоятельствами. Строят вымышленные миры из „следует“, „должно быть“, „могло бы быть“. Реальные перемены начинаются с признания и принятия действительности. Тогда возможны реальные действия“.

Так говорит Дэвид Рейнольдс, американский сторонник теории психотерапии японца Мориты. Он говорит о поведении личности, но его слова применимы и к экономическому поведению наций.

Рано или поздно США осознают, что Япония стала ведущей промышленной нацией в мире. У японцев самая большая продолжительность жизни, самая высокая занятость, самая высокая грамотность, самый маленький разрыв между богатыми и бедными. Они выпускают продукцию наивысшего качества, лучше питаются. Факт, что страна величиною со штат Монтана, где население вдвое меньше, чем в США, скоро догонит нас в экономике.

Но они не преуспели бы, действуя в нашем стиле. Япония — не западная промышленная

страна, она организована совершенно иначе. Японцы изобрели новый вид торговли — торговлю, подобную войне, направленную на уничтожение конкурентов. Этого Америка не в состоянии понять уже несколько десятилетий. Мы продолжаем настаивать, чтобы Япония действовала в нашем стиле. А они все чаще отвечают: „Почему мы должны меняться? У нас дела идут лучше, чем у вас“. Так оно и есть.

Каков должен быть ответ Америки? Нельзя винить Японию за успехи или внушать, что им следует замедлить ходь своего развития. Японцы считают такую реакцию детским лепетом, и они правы. Будет более логичным для США очнуться от долгого сна, понять, что такое Япония, и действовать реалистично.

Разумеется, это приведет к огромным переменам в США, но более слабый партнер неизбежно должен приспосабливаться к требованиям игры. А слабой стороной в любом экономическом споре с Японией сейчас несомненно являются США.

В прошлом веке, когда адмирал Перри открыл двери в Японию, она была феодальной страной. Японцы поняли, что нужно меняться и сделали это. Начиная с шестидесятых годов девятнадцатого века они ввезли тысячи западных специалистов, чтобы те посоветовали, как модернизировать японскую политику и экономику. Все общество подверглось революционным изменениям. Нечто подобное произошло после второй мировой войны.

Но в обоих случаях японцы глядели правде в глаза. Они не говорили: „Пусть американцы покупают нашу землю и наши умы — может

быть, они научат нас работать лучше". Вовсе нет. Японцы пригласили тысячи иностранных экспертов, а потом отослали их обратно. Нам следует поступать так же. Японцы не спасители наши. Они — наши конкуренты.

Нельзя забывать об этом.

**Майкл КРАЙТОН
ВОСХОДЯЩЕЕ СОЛНЦЕ**

Редактор Э. В. Лир
Художественный редактор Т. Н. Костерина
Младший редактор Ю. В. Грымов
Технолог Е. Д. Бычкова
Зав. корректорской Н. Ш. Таласбаева
Зам. зав. корректорской А. В. Минаева
Корректоры В. А. Жечков, С. Ф. Лисовский

Подписано в печать 21.10.93. Формат 60 х84/16. Гарнитура
банниковская. Печать офсетная. Тираж 100 000 экз. Изд. № 57.
Заказ № 4155

**Издательство „ВАГРИУС“
103064, Москва, ул., Казакова 18.**

Данный тираж выпущен при участии фирмы „Русич“.
По вопросам приобретения книги обращаться по телефонам:

в Смоленске:

(081)+00 для Москвы, (+22 для других городов);

1-46-98

1-43-87

в Санкт-Петербурге: (812)

122-31-35

586-18-58

Отпечатано с готовых диапозитивов в полиграфической фирме
„Красный пролетарий“ РГИИЦ „Республика“.
103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

Молодая американка задушена на презентации крупной японской фирмы в Лос-Анджелесе. Подозрение падает сначала на японского бизнесмена, потом на сенатора США... В ходе полицейского расследования, изобилующего погонями и перестрелками, раскрываются тайные махинации иностранных промышленных корпораций в Америке.

Последний острожистый детектив Майкла Крайтона, автора нашумевшего „Парка Юрского периода“, сразу же стал мировым бестселлером.

Фильм „Восходящее солнце“ бьет все рекорды проката.

